DK32.7
.L85
P76

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK32.7
.L85
P76

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00024462635

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
SEP 8 1986			
MAR 2 1988			
AUG 12 1991			
AUG 15 2041			

Form No. 513, Rev. 1/84

Инв. № 1292.
Отд. 37С
Лун 85.
DK32.7
.L85
P76
ПРОВЕРЕНА
в 1934 г.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Problemy narodnogo obrazovaniia — Lunacharsky

(СБОРНИК СТАТЕЙ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
МОСКВА—1923

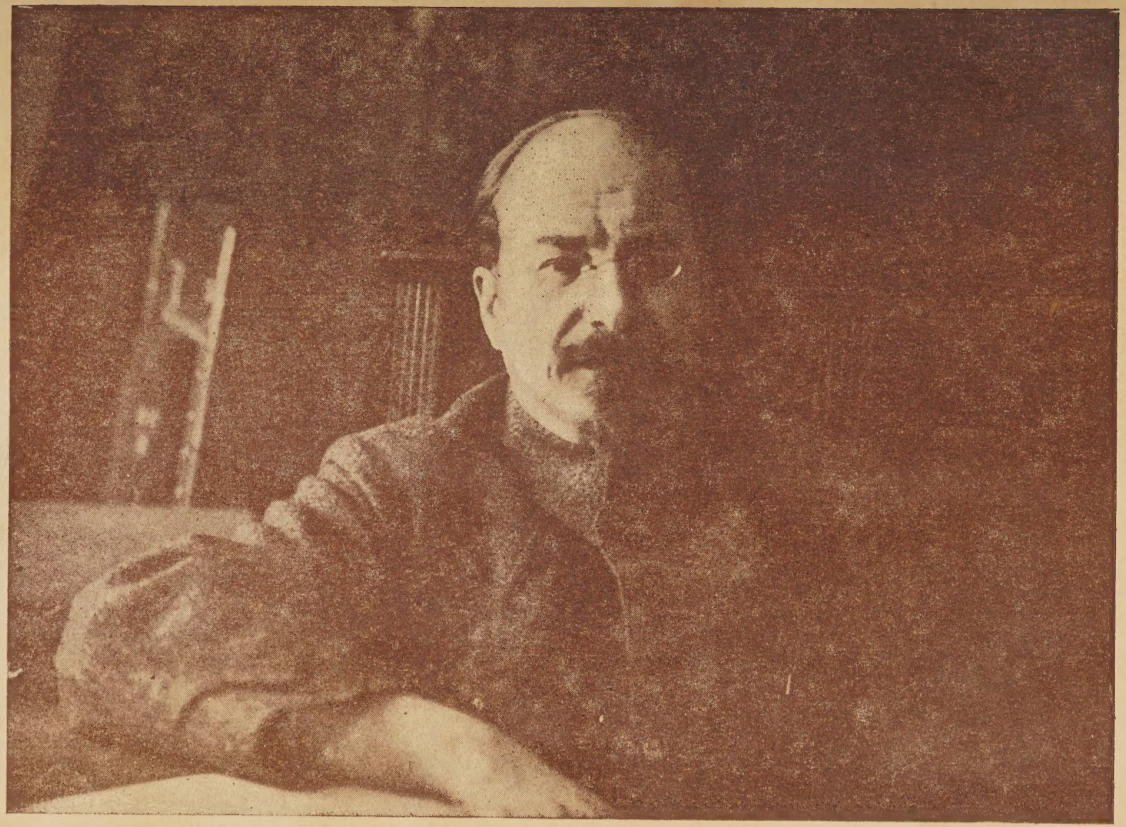
THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Напечатано в 3-й типограф. М. С. Н. Х.
„Мосполиграф". Москва, М. Грузинская ул., Охотничий пер., д. 5/7.
В количестве 5.000 экз. Главлит № 11119.

Посвящаю

Надежде Константиновне

Крупской-Ульяновой.



А. Луначарский

Предисловие.

Разбирая вместе с В. Д. Зельдовичем напечатанные в разное время статьи и стенограммы речей моих по вопросам народного образования, мы выделили некоторое количество таких, которые вряд ли можно признать устаревшими, несмотря на то, что некоторые из них относятся к первым годам революции.

В большинстве случаев это статьи, касающиеся самых принципов нашей советской школы; приемы и принципы эти ни в чем по существу не изменились, наоборот, как раз в настоящее время мы вновь делаем практический подход к осуществлению их или по крайней мере к серьезному началу этой работы. Статьи поэтому получают большее значение в настоящий момент, чем то, какое они могли иметь последние два года. Я рассчитываю в особенности на внимание к ним учащейся молодежи, главным образом студентов педтехникумов и пединститутов. Так как все эти статьи являлись, по существу говоря, развитием или выводом из тех основных идей, которые положены были в основу деятельности Наркомпроса его душой, Надеждой Константиновной Крупской, то я с любовью и преданностью посвящаю ей этот сборник.

А. Луначарский.

Что такое образование?

(*Речь на открытии курсов инструкторов по внешкольному образованию*) [1]).

Постараюсь в небольшой речи раскрыть перед вами то содержание, которое мы вносим в понятие внешкольного образования.

Конечно, даже в России оно не является чем-то новым. Некоторые общественные учреждения, земства в первую голову, городские самоуправления и отдельные союзы старались бороться с безграмотностью и невежеством, искусственно поддерживавшимися правительством в русском народе.

Временное правительство, незадолго до своего низвержения, через известную деятельницу внешкольного образования, графиню Панину, старалось сделать государственным это дело внешкольного образования, и внесена была в смету небольшая сумма, приблизительно треть той суммы, которая ассигнована при новом правительстве на это дело. Но это было только в плане дальнейших действий. На самом же деле русское правительство—царское, а также и временное буржуазно-революционное—ничего существенного в этом деле не предпринимало. Между тем как здесь имеется буквально непочатая нива, на которой придется работать, все более и более внедряясь в это дело, быть может, с еще большей энергией, чем в деле школьного образования.

Прежде всего, что такое *образование?* Определить это не так просто.

У нас считалось, что человек, кончивший гимназию, а тем более университет,—человек образованный. Однако нужно подойти

---

[1]) Работа Главполитпросвета, заместившего собою прежний внешкольный отдел, конкретно протекает теперь на шестом году революции среди иных проблем (партшколы, ликвидация неграмотности), но общие идеалы остались те же, и с этой точки зрения речь, сказанная осенью 1918 года, не устарела.

к этому с большой критикой. Вовсе не верно, будто каждый кончивший гимназию или университет является образованным человеком и что в то же самое время всякий не кончивший определенной школы является необразованным человеком. Один из величайших буржуазных философов, Ницше, касаясь вопроса о том, что такое образование, утверждает, что вряд ли можно найти людей более косно необразованных, более отвратительно необразованных, как именно те, которые считаются образованными, т.-е. чванящиеся теми знаниями, которые дала им та или другая высшая школа. Оторванные от человеческих низов, совершенно лишенные всякого общественного инстинкта, делающие свою карьеру в качестве специалиста—инженера, врача, адвоката, считающие что моя хата с краю,—этот тип образованного яко бы человека на самом деле самый омерзительный тип, гораздо дальше отступающий от действительного представления об образованном человеке, чем тип „простолюдина“, сколько-нибудь просвещенного в общественном отношении, я уже не говорю о передовом пролетарии.

Наше слово „образование“, как и немецкое Bildung, происходит от слова „образ“. Очевидно, когда народу приходилось определять, что должен сделать из себя всякий человек и что должно сделать общество из него, то рисовалась картина возникновения из какого-то материала образа человеческого. Образованный человек—человек, в котором доминирует образ человеческий. Вы знаете, что люди религиозные говорили, что человек создан по образу и подобию божьему, что в нем есть нечто божественное. Один из величайших наших учителей—Фейербах, который с научной точки зрения подошел к религиозным представлениям, совершенно правильно заметил, что не человек создан по образу божьему, а бог создан по образу человеческому.

Как же это бог создавался по образу человеческому? Если вы присмотритесь к богам ли Греции, которые были ослепительными красавцами, бессмертными, мудрыми существами, или к тем определениям, которые дает своим богам христианство, когда говорит, что его боги или его бог (троичный в лицах) всеблаг, всемогущ, всеправеден, вездесущ, то вы найдете, что человек на это мало походит, что человек далек от всемогущества, далек от всеблагости. Дело в том, что и язычники в своих богах, и хри-

стиане в своем боге создавали *идеал* человека. Когда из глубин своей души человек мечтал о том, чем бы ему хотелось быть, то он выдвигал идеал героя-богатыря или Бога, который есть герой или богатырь, только бессмертный, имеющий к своим услугам всю вселенную и все возможности для развития до предела, до бесконечного. Таким человек хотел быть. Человек несет в себе свой собственный идеал.

Возьмем, например, тело человека. Тело несет в себе самом свой идеал. Если вы спросите гигиениста о том, каким должно быть нормальное человеческое тело, он не скажет вам: возьмите сто человек, измерьте ширину груди, сердца и т. д., выведите среднее, и это и будет нормальная мера. Нет, гигиенист так не скажет. Гигиенист скажет, что нужно развернуть человеческое тело так, чтобы человеческие мускулы развились до наибольшего об'ема, но без вреда для сердца и т. д. Он будет стремиться показать вам каждый орган тела в таком максимальном развитии, при котором другие органы не страдают. Стало быть, он будет стремиться показать нам *гармоничное* и максимальное развитие всех органов человеческого тела: здоровое сердце, здоровые легкие, здоровый желудок, здоровые мускулы, крепкие кости, — все на своем месте, все готово к движению, все правильно орошается кровью. Перед вами сейчас же возникает представление о красавце-человеке, о гармоничном существе, на которое радостно смотреть и которое само испытывает радость от того, что живет. Физическое образование человека и должно привести человеческий материал, жизнью обиженный, наследственностью испорченный, искалеченный современный человеческий материал к развитию именно такого образа. Таково образование физическое.

Теперь поставим такой же вопрос в области интеллектуального образования. Когда человека спрашивают, чем бы он хотел быть, он говорит устами своей религии: хочу всеведения, хочу знать все. Но все знать, при условии человеческой короткой жизни, когда мы далеки от того, чтобы завоевать бессмертие, нельзя. Всего об'ема наук вместить в свою голову невозможно. Мало того, вся культура наша современная строится таким образом, что одни берут для себя одни обязанности, а другие—другие, и невозможно быть одновременно хотя бы одинаково хорошим врачом, живописцем, музыкантом и техником. Этого не бывает. У каждого

хорошего гражданина в нашем обществе есть своя специальность, в которой он совершенствуется, которую он знает досконально и к которой он привык, и в которой он поэтому превосходно работает. Что же, тогда образованный *человек вообще* будет потерян? Значит, никакого всеведения никогда человеку не будет дано? Значит, один будет инженером, другой агрономом, а третий каким-нибудь портным, и каждый будет знать только свою специальность, так же как в нашем живом организме нельзя соединить клетки сердца и клетки мозга, они совершенно разные, разные цели преследуют и существуют диспаратно.

Нет, конечно. Человеческое общество идет к разделению труда. Подлинное человеческое правильное общество идет путем разделения труда к тому, чтобы приобрести возможно больший общий капитал как благ, так и познаний. Но если бы никто не сознавал этих *общих* познаний, того, что творит медицина у себя, социология у себя, география в своей области, астрономия—в своей, что такое химические или механические умения, биология и педагогика, если бы каждый знал *только* свою работу, а итоги других не были бы ему известны,—тогда культура бы распалась. Образованный же человек тот, кто *все* это знает в общем, суммарно, но имеет и свою специальность, который знает свое дело досконально, а об остальном гордо заявляет: ничто человеческое мне не чуждо. Человек, который знает основы и выводы и в технике, и в медицине, и в праве, и в истории и т. д.,—действительно образованный человек. Он действительно идет к идеалу всеведения. Но не таким образом, чтобы поверхностно скользить по всему, он должен иметь *свою* специальность, он должен знать *свое* дело, но вместе с тем интересоваться и уметь войти в любой другой круг познаний. Такой человек слышит весь концерт, который играют вокруг него, все звуки для него доступны, все они сливаются в одну гармонию, которую мы называем культурой. И в то же самое время сам он играет на одном определенном инструменте, играет хорошо и дает свой ценный вклад в общее богатство, а это общее богатство все в целом отражается в его сознании, в его сердце. Таков интеллектуально развитой человек, таков *образованный* человек.

Возьмем теперь эстетическое, художественное образование. Совершенно так, как я говорил о врачах, адвокатах, так же

нужно говорить и о художниках. Если у вас есть талант, вы можете сделаться специалистом-живописцем. Но горе вам, если вы в качестве живописца скажете: я музыки вообще не понимаю, не признаю, мое дело живопись,—как горе вам, если вы скажете: какое мне дело до астрономии, я до сих пор думаю, что солнце вращается вокруг земли. Невеждою не должен быть никто. Всякий должен знать основы всех наук и всех искусств. Будь вы сапожник или профессор химии, если у вас закрыта душа к любому из искусств,—значит, вы урод, такой же, как если бы у вас не было одного глаза или вы были бы глухим, ибо образование человека заключается именно в том, чтобы все, в чем человечество творит историю и культуру, что отражается в произведениях, идущих на пользу человека или на его утешение, или просто на наслаждение жизнью, — чтобы все это было доступно каждому человеку, но чтобы при этом он имел какую-нибудь специальность. Не непременно одну,—есть такие высоко-талантливые люди, которые могут иметь их две; например, один из крупных наших композиторов, Бородин, был вместе с тем ученым ботаником. Такие вещи бывают, и они могут только радовать человечество. Но нельзя ни в коем случае, чтобы специальность убивала в человеке общее образование, как и общее образование не убивало бы в человеке специальность, от чего происходит одно из самых отвратительных явлений — дилетантизм. Дилетанта, человека наслаждающегося, срывающего цветы, снимающего сливки, не должно быть. Непременно нужно, чтобы в какой-нибудь одной области человек сам творил, чтобы в ней он углубленно работал, с творческим напряжением индивидуальных сил и кровью своего сердца, соком своего мозга создавал действительно важные приобретения для человечества. Если этого нет в человеке, если он только дилетант, то он не может быть признан образованным человеком.

Теперь мы перейдем к этике—к морали. Уже когда мы говорили об интеллектуальном, техническом и художественном развитии человека, мы могли спросить себя: постойте, вы говорите, что все человеческое должно быть к услугам каждого человека, что все, что произведено в шахтах, на полях, на огородах, на фабриках и заводах, во всякого рода художественных мастерских, в театрах и академиях, университетах и лабораториях,—что всё

это должно быть доступно для каждого человека, чтобы каждый из нас в течение, скажем, 8 часов, засучив рукава, работал где-то у себя, а потом шел в храм человеческой культуры и там наслаждался плодами рук не только своих, но и всего общества. Но разве так делается в буржуазном мире? Нет, огромное большинство так называемого „простого народа", который несет на себе главным образом тяжесть труда, совершенно отрезано от этой культуры, абсолютно не может ею пользоваться. Кроме того, мы видим, что специализация доведена почти всюду до обезображения человеческого образа. В специальности ушли настолько, что даже в такой сравнительно передовой стране, как Германия, специальности искалечивают настоящего человека. И в то же самое время есть масса паразитов, тунеядцев, которые искажают образ человеческий в том отношении, что только наслаждаются, ничего не творят, от чего атрофируется творческая сила их духа. Они подобны паразитам, которые теряют постепенно и ноги, и крылья и превращаются из насекомых только в мешок, питающийся чужим организмом. Это величайшее безобразие, и сколько бы оно ни украшалось яркими утонченностями художественными, на самом деле оно остается безобразием. Оно заражает всю жизнь. Поэтому на всем почти лице нашей современной культуры мы не видим настоящего образованного человека.

Когда человек рисовал свой идеал в образе бога в этическом отношении, он говорил, что бог всеблаг, что он любвеобилен, что он в любви об'емлет всех,—всех? Нет, этого сказать нельзя. Вспомните языческий образ великолепного лучезарного бога Аполлона, вспомните, как Пушкин, который чувствовал всеми фибрами своего языческого сердца красоту языческого бога, рисовал этого Аполлона:

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон,
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон.

Чтобы побеждать, нужно пускать в кого-то стрелы. Когда Евангелие говорит: „будьте совершенны, как совершен отец ваш небесный", прислушайтесь к тому, что говорит этот отец небесный; он говорит: „Мне отмщение, и аз воздам". Его совершенству не

вредит то, что он будет страшным судом судить людей и что он грешников нераскаявшихся на такую пытку ссылает, на какую человеческая власть не в состоянии послать,—на огнь вечный. Стало быть, бог в представлении человеческом—существо великой любви и великого гнева. Любовь может в окончательном виде восторжествовать только тогда, когда не на что гневаться, когда нет безобразия, когда нет злобы. До тех же пор, пока они существуют, они должны истребляться. Таким образом человек в торжестве своем когда-то, когда ему не придется больше бороться, может быть, будет просто ликующим. „Твой лик победой блещет". Но пока победы нет, до тех пор надо пускать звонкие стрелы в чудище, которое намерено разложить культуру. До тех пор человек должен быть борцом. За что? За образ человеческий, именно за него, именно за образование.

И революция, социалистическая революция, есть революция образования как в школах, так и внешкольного. Эта революция есть революция человеческого образования, революция великой любви не только к тем, кто сейчас искалечен и поэтому необразован, но к тем нашим сынам и внукам, которых любим за то, что в них находим того человека, каким бы мы хотели быть, но какими мы сами, к несчастью, не можем быть. Это отсутствие сознания себя, как прекрасного человека, превращается в страшную тоску по этому идеалу и в гнев по отношению ко всему тому, что стоит на дороге у человечества, на пути к достижению этого идеала. С этой точки зрения революция есть мятеж человека, который образует себя не в отдельных индивидуальностях, а в целом обществе, ибо нельзя дать человеку этическое образование, если не создано настоящее общество. Только в правильном обществе, где действительно каждый работает не для того, чтобы кто-то пользовался его трудом, а для того, чтобы дать свой взнос в общий капитал, в общий храм, в котором он сам живет и сам молится великому и прекрасному,—только в таком обществе возможен действительно образованный человек, только там человек может раскрыть свое сердце и перестать говорить вместе с Мопассаном, что человек всегда одинок и что лучший друг его есть загадка. Подобное недоверие друг к другу поселилось в сердцах в силу условий общественных, в силу частной собственности, оно должно расплавиться, сердца должны слиться

с другими сердцами в атмосфере братства, в атмосфере любви и помощи друг другу. И именно во имя этой любви человек должен испытывать жгучее негодование каждый раз, когда встречает чудище неправды; оно должно быть изгнано с лица земли.

Таким образом ясно, какие цели должно иметь образование. Оно должно стремиться создать из человека, искалеченного теперешним обществом, физического красавца, выполняющего решительно все то, что диктует ему наличие у него всех органов, которые у нас загнаны, не развернуты. Нужно, чтобы он развернул все свои органы гармонично, так, чтобы они не мешали один другому. А общество в целом также должно развернуть все свои органы так, чтобы они не мешали один другому; как в организме образованного человека каждая клетка живет и действует для блага всех, и всё сливается в ощущении счастья, так же точно и в обществе всё должно служить для общей цели, и всякий отдельный индивидуум должен дать максимум творческих усилий, чтобы всё слилось в одну гармонию. И эта-то гармоничность, то, что мы называем культурой, и есть образование. Школа должна служить этому образованию, но как она может служить ему? Может ли она дать человеку в полном об'еме подобное образование? Нет, его нельзя достигнуть ни в какие годы, процесс этого образования идет с человеком до могилы. Сколько человек живет, столько же он и учится. И нет такого срока у человека, когда он не должен был бы учиться. Сама жизнь устроена так, что нужно учиться, не только потому, что всякое искусство и всякая наука бесконечно совершенствуются, но и потому, что жизнь вокруг нас дает нам каждый месяц новые задачи, заставляет нас приспособляться к новому. Один знаменитый японский художник сказал, что только в 70 лет он окончательно понял, что такое рисование, что только в 70 лет он почувствовал себя настоящим художником. А между тем это был настоящий, великий художник, который и до тех пор рисовал много хорошего, но он в 70 лет производил буквально чудеса своим карандашом и должен быть признан едва ли не величайшим мастером рисования, который когда-нибудь существовал (Хирошиги).

И не только приходится всё время учиться, но в то же самое время нужно быть постоянно на чеку, нужно быть гибким, нуж-

но быть готовым к новым впечатлениям. Ужасно, если под образованием разуметь то, что человек в 22 года отливается раз навсегда в какую-то окончательную форму. Нет, он должен постоянно приспособляться к новому, должен откликаться на каждый новый звук, чутко уметь поймать всякую новую окраску, всякое новое открытие.

Вы знаете, что есть старики такого типа, которым сколько ни показывай нового хорошего, они всё равно скажут: „Нет, в наше время было лучше, все в наше время было лучше, иное было племя, богатыри, не вы". На самом деле это, конечно, пустяки, это—только пристрастие к тем формам жизни, в которых человек слагался.

Велико искусство быть ребенком, но этому искусству учит сама жизнь. Почти всякий умеет быть ребенком, только не мешайте его детской радости. Не мешайте, не разрушайте этой его гениальной способности радоваться жизни. Но дальше, когда мы переходим к юности, когда мы переходим к зрелому возрасту и к старости, великое искусство жизни является самым важным искусством. Да, это одно из великих искусств—быть прекрасным стариком, и, может быть, ни в чем так полно человечество не выражается, как в мудром старце, сердце которого открыто для всего нового, который приветствует новое поколение, который передает ему свой опыт, который может сказать, что жизнь его действительно проведена им при свете любви. И вот она приходит к величественному и спокойному закату, когда человек, насыщенный днями, не заботясь о загробной жизни, умирает, сознавая, что то, что он сделал, передается в руки грядущих поколений.

Свершилось. И старец великий смежил
Орлиные очи в покое,
Он землю покинул, зане совершил
В пределах земных всё земное.

Всему этому надо учиться. Только что привык человек считать себя молодым, как подходит иное время, и если он не умеет встретить лицом к лицу то, что для других является невзгодами и ужасом, он потерпит крушение. Учиться нужно постоянно. Значит, образование не есть только школьное дело. Школа дает лишь ключи к этому образованию.

Школа должна приучать человека работать, закладывать определенные правильные методы подхода ко всей той тайне, какой является мир, дать таким образом первый толчок, а уже потом жизнь будет катиться дальше, и никто не может сказать заранее, каков будет путь человека.

Внешкольное образование есть вся жизнь!—Всю жизнь должен человек себя образовывать, потому что идеал далек, и не должно быть такого момента, который бы человек провел без всяких результатов. Это будет моментом, который он выкрал из своей жизни. Конечно, нужен сон, нужен отдых. Но этот сон и этот отдых нужны только в тех размерах, чтобы потом, получив новые силы, наверстать потерянное время. Говорят: кто спит, тот не грешит. Нет, кто спит сверх меры, тот грешит ужасно, теряет время, убивает время, а кто убивает время, убивает себя, убивает в себе образ человеческий, убивает общество и убивает самый идеал человечности. Когда собираются те или иные чиновники и говорят: давайте сыграем несколько роберов в винт, чтобы *убить* время, они совершенно правильно характеризуют свое дело, они—четверо убийц, которые занимаются самоубийством, убийством друг друга и убийством общественно-полезного времени. Жизнь их так мелка и скудна, что только здесь, за зеленым столом, какой-нибудь акцизный чиновник или регистратор чувствует, что есть какие-то шансы, что бывает так, что повезет, что может быть большой шлем,—это целое событие,—других событий у него нет. Убивать время не должен человек, который стремится к образованию. Для него все события, для него всякая мелочь ставит вопрос, для ответа на который он должен порыться в книжках, должен порасспросить и должен усвоить узнанное. А что̀ значит усвоить: сделать своим, сделать элементом своего богатства. Настоящее богатство человека есть то, что усвоено.

Бывают любители, у которых есть картинная галлерея, у которых есть свои собственные театры. Но они ничего этого не *усвоили*, и отнюдь не они являются хозяевами, а нищий художник, который придет в галлерею и будет с полным пониманием восхищаться какой-либо картиной.—Он в тысячу раз больше ее хозяин, чем тот, который заплатил тысячу рублей, но ничего не

сделал, чтобы эту картину усвоить и сделать ее источником своей радости.

Школа дает возможность этого усвоения. Что же такое внешкольное образование, и для чего здесь вас собирают? Вас собирают здесь, чтобы вы могли учить и учиться внешкольному образованию. Внешкольное образование есть дело создания и использования тех центров культуры, которые помогли бы человеку сделать жизнь свою не простым времяпровождением, не простым процессом. Вот в чем заключается и к чему стремится так называемое внешкольное образование: музеи, библиотеки, театры, народные университеты, курсы, гимнастические общества и т. д. и т. д., сделайте всё это доступным населению, втяните во всё это население, чтобы оно могло учиться и учить тому, как нужно учиться, чтобы оно могло отдавать свою душу, отдавать всё ценное в общую сокровищницу.

У нас в России это дело приобретает особо острый характер. Одно дело сказать: жизнь есть море житейское, нужно уметь плавать и плыть к далеким житейским обетованным берегам. Другое дело сказать: люди тонут, надо учиться плавать, чтобы спасать их. У нас в России не было правильной школы, никто правильной школы не прошел. Наша школа калечит людей, отрывает их друг от друга, дает познания, которые позабываются. А сколько есть тех, которые ходят с закрытыми глазами и не знают, что они слепые, что стоит только открыть глаза—и увидят небо, солнце и землю! Для нас внешкольное образование есть гигантский орган пропаганды ряда образовательных, т.-е. научных и художественных ценностей, гигантский аппарат культурного просвещения народа,—который держали в темных подвалах, который держали в кротовых норах, которому не давали возможности развернуть свои крылья,—чтобы этот народ был в состоянии воспользоваться своей победой.

Политически он победил теперь, экономически он начинает брать все центры производства в свою мощную руку; но как он будет править и как он будет хозяйничать, когда у него нет знаний? Он получит их в школе, но—Улита едет, когда-то будет. Нужно давать знания сейчас и не только подрастающему поколению, из которого, будем надеяться, мы сделаем новых людей,

но тому, кто сейчас победил: дайте ему возможность переделать общество, дайте ему знания!

Тот голод физический, который мы сейчас ощущаем, он гораздо менее опасен, чем духовный голод, чем это истощение народа в смысле культуры. Сколько он ошибок делает, сколько мерзавцев он выдвигает вперед, которые его рабоче-крестьянское дело срамят своими гнусными проделками! А что ему делать, когда он не имеет знания, когда ему приходится хвататься за тех, которые идут к нему? Что же ему делать, когда его государственную власть на первых порах саботировала интеллигенция из-за политических предрассудков? Ошибки делаются на каждом шагу, но он верит в себя, у него есть искренняя и твердая уверенность, что *надо* победить, у него есть потребность знания, тем более, что он, разрушив здание старой культуры, среди руин живет и закладывает фундамент нового здания.

Чтобы знать, что разрушать и как разрушать, чтобы правильно заложить здание, нужна масса знаний. И мы боимся, что народ-слепец, хотя и сознал свою силу и сделался политическим господином, не окажется в силах в хозяйственном порядке устранить то зло, которое получил по наследству от своих царей, от своих бар. Поэтому у нас это дело стоит очень остро. И ваше дело—выполнить все то, что в нормальное время выполняет школа, т.-е. дать простую грамоту, но в то же самое время никогда не забывать, что идеал заключается не в этом и не в том, чтобы натаскать человека на ту или другую специальность, а именно в том, чтобы сделать его борцом за человечность, а таким может человек стать только тогда, когда он знает, что такое мир, откуда он стал, как вытек настоящий момент из капиталистического строя, какое отношение имеют к этому научные, художественные и технические задачи, какое место я, как какой-то Иван и Степан, занимаю в этом мире, и что мне делать? Дайте ему уменье делать то, что он должен делать в эпоху величайшей революции, какую видел когда-либо мир!

Вот почему, товарищи, наше рабоче-крестьянское правительство не может не придавать внешкольному образованию самого первого, колоссального значения. Вот почему никакие средства не будут достаточны в этом отношении, и вот почему рабоче-

крестьянское правительство ничего не пожалеет для того, чтобы притти на помощь внешкольному образовательному делу.

Если бы у нас было достаточное количество преподавателей, то мы могли бы и сейчас покрыть лицо России народными университетами. Но это не так легко сделать, потому что количество людей, которые могут быть светочами в этом отношении, не велико. Нужно сначала подготовить лекторов, подготовить самих руководителей, и прежде всего, пожалуй, за это и придется взяться. А пока удовлетворимся тем немногим, что мы для масс можем сделать сейчас же.

Тем не менее я должен сказать, что если дело внешкольного образования является могучим рычагом, который поднимает до нового уровня народные массы, то оно является также могучим рычагом для того, чтобы переобразовать тех, кто считает себя образованным.

Мы заставим образованных людей работать в этой области, даже тех, которые этого не захотят сами, мы втянем тех, которые идут нам навстречу, чтобы они своим образованием служили народу. Те крохи знания, которые они имеют, они должны отдать народу и, отдавая, они не станут беднее, а, наоборот, они станут богаче.

Работа со взрослым человеком не то, что школьная работа. Хотя мы и требуем в школе, чтобы учитель был сотрудником ученика, но там все же есть незрелый ученик и зрелый педагог, здесь же человек, который был оторван от труда, который не знает настоящих невзгод, у которого нет социального инстинкта, нет революционного размаха творческой души, — он просто будет учиться у тех рабочих, у тех крестьян, к которым он идет и которых он начинает учить. Да, ему, уча, придется учиться! Он, придя, должен дрожащими от счастья руками отдать этому богатырю-народу то, что он знает в физике, химии и т. п. И он должен знать, что то спасибо, которое ему скажет народ в простом сотрудничестве, даст ему новые силы. Русский интеллигент влачит загнанное и жалкое существование. Если он может из прислужника самодержавия, которое штемпелевало его, чтобы быть надсмотрщиком над рабами, сделаться действительно гражданином и проникнуться тем, чем переполнены лучшие люди из трудяще-

гося люда, то только путем сотрудничества с этими трудящимися людьми, только тем он сможет сделаться действительным гражданином.

Пользуясь этим, мы сможем завязать в один узел эту громадную цепь народную, которая, исполненная страданий прошлого, проталкивается к своему будущему, с тою цепочкою, какую представляют из себя науки и искусство, в которых есть много ценностей и которые должны влиться в эту мутную и темную реку своими небольшими сравнительно потоками. Слияние будет благотворно, ибо эта мутная и темная, но могучая река и является той средой, в которой должно развернуться и засиять все то хорошее, что в культуре современной все-таки есть, ибо кто же может отрицать, что в науке и искусстве прошлого есть масса громадных ценностей. Все это от соприкосновения с народом загорится новым светом, из мертвого превратится в живое. Все это зажжется пламенем настоящего творчества и в то же самое время осветит недра гигантской, но пока еще темной народной души, темной, но горячей, темной, но богатой.

Мы призываем знающих дать свои знания незнающим и заразиться мощью трудового народа. Из сочетания того и другого будет постепенно начато создание образованного человека, борца-титана, который напрягает все силы, чтобы переделать лицо земли, а потом и того человеко-бога, того существа, ради которого создался, быть может, мир, который будет царем природы, но таким, о котором мы мечтаем, когда говорим — образованный человек.

Наш идеал — образ человеческий, богоподобный, по отношению к которому мы все являемся только материалом, только болванками, которые нужно оформить, но болванками живыми, носящими свой идеал в себе самих.

И в настоящее время, расплавленное время, горячечное время, революционное время, могущее сделать громадный скачок вперед, — все вместе, все дружно, к какому бы слою по степени образованности мы ни принадлежали, — все вместе по направлению к этому сияющему будущему должны итти мы. Вот при таком порядке вещей всякое открытие курсов, в которых рабоче-крестьянское правительство, являющееся носителем пламенной веры и жажды познания, которыми переполнен русский народ

и которые это правительство старается в вас зажечь, — всякое открытие таких курсов есть событие.

Товарищи, в последние дни, когда советская власть начинает одерживать победы, когда кошмарное сознание того, что каждую минуту мы можем поскользнуться, что каждую минуту меч внутренней крамолы или чудище внешней враждебности может задушить еще ребенка—социализм, лежащий сейчас в гигантской всероссийской колыбели, до некоторой степени ушло, когда наша грудь бодро дышит, когда мы видим, как рушится империализм везде, начиная с Болгарии, когда мы чувствуем, что недалеко время, когда наша победа будет более или менее полной, когда к нам присоединятся целые миллиарды наших братьев, до сих пор отставших от нас, — в эти дни, ездя по Петербургу, выступая с речами на открытии всяких курсов, всяких клубов, я ощущаю переполняющее грудь счастье, когда вижу столько людей, готовых работать, и не только в низах, но и в интеллигенции, из рядов которой многие идут к нам с чрезвычайною охотой и только спрашивают: пригодится ли то, что мы знаем, берите, если это нужно. И несут ценности, прекрасные ценности, наличность которых я, человек, по старой терминологии, как будто образованный, иногда просто не предполагал и которые сейчас к нашим услугам.

Огромнейшими возможностями духовными полна Россия, идущая вслед за своим красным Петербургом. Огромными возможностями располагаем мы в нашем строительстве, и при всех этих возможностях рассеивается страх, что мы очень невежественны, очень молоды, очень незрелы, что мы—младший брат в европейской семье, который взялся за решение такой задачи, которая и старшему брату была как будто не по силам. Нам нужно терпение, но не то терпение, которое медлит, а терпение, которое напрягает все силы к работе, не приходит в отчаяние, когда не сразу постройка возводится. Из этого не следует, что можно работать с прохладцей. Все к энергии, все к величайшему напряжению, — и мы создадим нового человека!

Глаза всего мира устремлены на нас, на нас смотрели и говорили некоторые со злорадством тайным: вот пошатнулись, вот падают, опять встают! — Теперь видят, что мы прочные корни

в землю пускаем, что мы будем праздновать свой пролетарский годовой юбилей, и если нет еще на молодом деревце золотых плодов, то первые листочки уже есть, первые почки уже появились. И одной из таких почек, одним бутоном этого деревца и являются ваши курсы, которые я от имени Комиссариата Народного Просвещения приветствую, товарищи.

Краткий очерк истории просвещения.

(Лекция, прочитанная в школе инструкторов физического труда 8-го июля 1919 г.)

Товарищи! Я с большим удовольствием согласился прочесть у вас курс из 6-ти лекций [1]), посвященных истории просвещения. Предмет этот в высокой степени интересный, и я могу только пожалеть о том, что не имею времени для того, чтобы подготовить более обширный курс. История просвещения в 6-ти лекциях в сущности будет некоторым расширенным конспектом этого предмета, тем более что постановка теоретических вопросов у нас связывается всегда с историей труда, с историей культуры, стало быть требуется, чтобы каждый отдельный вопрос, который представляется здесь вашему вниманию, был поставлен в широкие исторические рамки. Тем не менее я постараюсь в наши шесть лекций изложить возможно больше материала, определяющего наше отношение к различным эпохам истории просвещения.

Вероятно, другие лекторы, отвечая на другие темы, уже касались того, что такое просвещение в собственном смысле этого слова, но так как для этого понятия нет установленного определения и даже, если вы будете читать самых великих педагогов, то найдете у них разные ответы на этот вопрос, поэтому нужно условиться, что мы будем подразумевать под словом „просвещение". Я не утверждаю, что то определение просвещения, к которому мы придем в конце лекции, есть единственно верное определение, так как есть несколько определений, и я не хочу, чтобы оно принималось вами, как обязательное; может быть, вы сами придете к другим выводам. Но это будет понятие просвещения

[1]) Задуманный курс не был прочитан, но первая лекция имела характер общего абриса курса и поэтому заслуживает быть напечатанной. Лекция читалась для мало подготовленных слушателей, частью для подростков.

достаточно ценное, имеющее право на существование рядом с другими определениями, а главное то, которым я буду пользоваться в дальнейших чисто-исторических лекциях.

„Просвещение"! — Вы сразу обращаете внимание на то, что слово „просвещение" происходит от слова „свет" и противополагается тьме. Что прежде всего наблюдает человек в темноте? Свою беспомощность. Когда человек находится в темноте, то мы знаем, что глаза не служат ему, он ничего не видит, не разбирает, что перед ним, и бредет ощупью и принимает одну вещь за другую; он беспомощен в темноте, и мы называем также „темным" человеком того, кто не имеет внутреннего света, кто видит и не понимает. Мы можем увидеть надпись, которая гласит что-нибудь очень важное, и неграмотного человека, который будет смотреть на эту надпись и не знать, что там написано, как если бы он эту надпись совсем не видел, как если бы был слеп. Кроме слепоты телесной, когда человек физически ничего не видит вокруг себя, бывает таким образом еще темнота или слепота духовная, которая не позволяет человеку разобрать в чем дело, благодаря которой человек не понимает, что он собственно видит и что слышит.

Что значит понимать? Это значит—брать в себя, делать своим. Есть для этого и другое слово — „усваивать". Для того, чтобы что-нибудь *усвоить* или *понять*, нужно увидеть и услышать и органами слуха и внутренним каким-то органом, которые заставят сказать: это все ясно, прозрачно и понятно для меня.

Мы стремимся к тому, чтобы в нас самих и вокруг нас было *светло*, чтобы мы легко понимали и уясняли себе окружающее. Когда у нас все вокруг усвоено, когда мы все понимаем, то мы и поступаем правильно. Мы знаем, как к каким вещам надо отнестись, как управлять таким-то делом, что хорошо и что плохо, что нужно делать, чтобы добиться наилучшего эффекта, чтобы достигнуть того, что подсказывают нам наши чувства и воля. Таким образом просвещать кого-нибудь—это значит выводить из тьмы духовной и делать так, чтобы вокруг него стало светло.

Обратим внимание на животное и возьмем яркий пример. Вот только что родился цыпленок, его никто еще не просвещал, он только что вышел из яйца, и если вы насыплете перед ним

просо, то он побежит к нему и начнет клевать и есть, как взрослая курица. Откуда же происходит то, что он сразу видит и знает, что это можно есть и как нужно клевать? Ведь он не ошибается, а точно клюет как раз это маленькое зернышко. Очевидно, что он не учился этому, потому что в яйце он ничего не видел и не знал и не делал. Нет. Он это знание уже отроду имеет, отроду этому научен. Что это значит? Данное существо отроду научено, и многое, касающееся самого важного в его жизни, ему известно. Сравним цыпленка этого с человеком или со щенком. Щенок рождается слепым, темным, ничего он не видит, а только тыкается носом вокруг себя и больше ничего; ходить он тоже не умеет и к жизни он не приспособлен. Если только что родившегося щенка отнять от матери и бросить, то он сдохнет, так как он совершенно не приспособлен к жизни. Разница между ним и цыпленком прямо бросается в глаза. Однако если мы присмотримся, то увидим, что эта разница не так уж велика. Например, щенок правильно дышит, он умеет дышать, у него бьется равномерно сердце и, поймав грудь матери, он сосет молоко, умеет сосать молоко и усваивать его. Этому ведь он тоже не учился, но это нам никогда не бросается в глаза, как и то, что у человека бьется сердце, что он дышит и что все это ему прямо дается без учения. Мы привыкли к тому, что у всякого существа это унаследовано, дается сразу, как у часов, если они правильно построены и заведены, то что они идут, тикают себе и показывают время. Так и живое существо: если оно правильно построено, то оно начинает жить, и весь вопрос в том, *насколько* оно умеет делать все, что нужно для жизни. Кровообращение, дыхание, пищеварение, простейшие движения—это все есть уже больше половины жизни, и всякое существо, в том числе человек, это унаследовало. Но у некоторых существ, более низших и менее развитых, замечалось больше: это существо выходит из яйца или из куколки совершенно готовым. Оно сразу умеет *все* делать, так же точно, как бьется у него сердце, оно умеет ходить или летать; оно представляет собой как бы маленькую машинку, которая так хорошо построена, что она *все* хорошо выполняет, и ей *нечему* больше учиться. Это умение данного существа производить какие-нибудь даже очень сложные акты или действия без того, что оно ему училось, называется „инстинк-

том". Инстинктом мы называем способность живого существа производить сложные действия, не учась им, а по природе своей их унаследовав. Конечно, мы не стоим с вами на той точке зрения, что первого цыпленка или первую бабочку сделал бог. Нет, мы знаем, что все виды развились постепенно, что вначале жизнь появилась на земле в виде небольших комочков пенистой слизистой материи, и эти комочки пенистой слизистой материи выпускали вокруг себя ложноножки и передвигались, всасывая мелкие частицы, когда они годились им в пищу, выбрасывая то, что не усвоилось, а то, что можно было переварить, превращали в свое тело. Вот из этих маленьких существ, называемых „амёбами", и развился весь животный мир путем постепенного приспособления.

Сейчас я не читаю лекции о происхождении видов, а скажу только, что на своем пути животный мир приобретает постепенно громадное количество всякого рода опыта. Вот возьмем простейший пример. Какое-нибудь, предположим, существо наталкивается на что-нибудь вредное или ядовитое, оно вбирает это в себя и от этого погибает, а другое существо, может быть и низшее, к этому ядовитому заранее враждебно относится, у него такие химические свойства, что когда его касается это ядовитое вещество, то оно сжимается, сморщивается, и таким образом это существо от яда будет предохранено; то же, которое не предохранено от яда, погибнет от него. И явно, что пережившими и их наследниками будет приобретено свойство этого сжимания, это станет инстинктом этого существа. Привычка сжиматься и расширяться, приближаться и удаляться в зависимости от свойств— среды — служит основой развития. Так у живого существа создаются органы и оно постепенно приучается к разного рода реакциям или двигательным ответам на разного рода раздражения. Можно сказать, что таким образом животное учится целые тысячелетия, и то, что оно усвоило, отпечатлевается в самом еще теле и передается следующему поколению по наследству.

Этот процесс идет крайне медленно, но все то, что усваивает себе животное, претворяется в его теле. Конечно, многое остается поверхностным и унаследовано быть не может, но все то, что входит в его тело, наследуется следующим поколением. Получается медленный, тяжелый процесс приспособления, и животные суще-

ства идут по различным дорогам: из примитивных существ они развиваются—в одну сторону—в растения, а в другую—в животных. Животные также распадаются на множество видов и разновидностей: скажем, насекомых, позвоночных, моллюсков и т. д. Это все постепенно растущее дерево, в котором с первых зачатков мы видим стремление искать разные способы, чтобы приспособиться к природе и чтобы природу приспособить к себе. Догадка, находчивость, память играют у животных небольшую роль, но большую роль играет то, что усвоено, что сложилось от жизни путем опыта, что превращается в самое тело и передается по наследству. Вот почему, чем ниже животное по своему развитию, тем короче бывает у него период беспомощности. Например, амёба, когда она становится большой, то распадается на две части и каждая живет как амёба-мать. Насекомые из своей куколки выходят готовыми и сразу приспособленными к жизни. У высших животных это не всегда так. В детстве они часто также беспомощны и их приходится воспитывать, конечно, не так уж много, но все-таки их приходится кормить, беречь, играть с ними.

Игра же, как вы видите, имеет большое воспитательное значение. Таким образом проводят время дети или котята и т. д.

Но детство у животных все же не так велико, как у человека. Человека даже в 16 лет нельзя считать законченным и зрелым. Животные, как я сказал, в детстве не только едят, спят и выполняют свои остальные нормальные функции, они еще и играют. Эта игра есть их школа. Почему животные играют? Если вы спросите, какому внутреннему импульсу, т.-е. какому порыву, они повинуются, то можно сказать, что они играют от избытка сил. У него растут постепенно органы и он чувствует в них беспокойство некоторое, жажду деятельности, и если животное посадить в клетку или спеленать, то это было бы большим несчастием для него. Мало того, что это было бы несчастием для него,—оно стало бы хиреть, потому что ему нужно упражняться; котенку нужно играть клочком бумаги или мячом, ловить его, притворяться, что это зверь, подбрасывать и т. д., потому что он учится таким образом всем тем охотничьим приемам, которые он должен потом выполнять, будучи большим котом.

Всякая игра щенка или другого молодого существа заключается в том, что он производит маневры того, чем взрослое настоящее животное живет. Значит, его игра—это упражнения и гимнастика; он выдумывает себе целую игру, он представляет себе, что он ловит мышь, он будет гнаться за собственным хвостиком и будет кружиться в величайшем упоении, и проделывать это будет с величайшей серьезностью, думая, что он охотится за зверем. И это имеет глубокий смысл, ибо существа, которые родятся неготовыми и которые играют и таким образом приготовляются к жизни, приобретают большую полноту движений. Цыпленок всегда будет одинаков, но котенок, в зависимости от того, в деревне ли он или в городе, там ли, где с ним ласковы, или где его бьют, где он должен прятаться,—он развивается в ту или другую сторону, он приобретает определенный характер и навыки, потому что он не из утробы матери или из яйца выносит привычки, но он, часть унаследовав, многое приобретает, и приобретает в зависимости от окружающей его определенной обстановки.

Если мы обратим внимание на человека с его длинным детством, то мы поймем, что человек рождается очень неготовым и мало просвещенным, он ничего не умеет; хотя он и не рождается слепым, но его глаза ничего не видят и бродят в пространстве, ничего не замечая, но через несколько времени он начинает сучить ручками и ножками, а через несколько недель он будет хвататься за что придется, но долгое время он не сумеет схватиться и будет попадать мимо предмета, так как он еще расстояния не понимает, у него не координированы ни его движения, ни своими чувствами он не умеет владеть и всему будет еще научаться, играя. В колыбели ребенок много играет. Один из варварских обычаев—это пеленать ребенка. Человека скрутят в пеленки, в то время, когда ему нужно с первого же дня научаться владеть членами своего тельца. Этот обычай—варварская приостановка его естественных функций. Нужно, чтобы он пользовался своим тельцем и, когда он не плачет и когда ему не больно, он *играет* все время, он играет, когда смотрит на окружающее, когда он приноравливается к собственному своему телу и знакомится с ним. Все его движения—игра, от которой дитя постепенно созревает и ориентируется в окружающем мире.

Затем, когда ребенок немножко подрастет, то здесь выступает на первый план его первый воспитатель—мать. У животных мать некоторое время тоже заботится о детеныше, пока кормит, о детях же человеческих мать заботится гораздо дольше. С ребенком приходится возиться дольше, и в то время, когда мать одного держит у груди, другой или двое других цепляются за юбку и не могут обойтись без помощи матери, как и тот, которого она кормит грудью. Мать должна их учить жизни, она предостерегает их от целого ряда опасностей, дает целый ряд советов, бранит их, если они поступают неправильно, ласкает, если они ведут себя хорошо, и, совершенно не зная никакой педагогической науки, она вынуждена формировать их душу и тело; она передает им то, что наследуется от стариков, которые тоже имели детей и передавали им, что они находили в живой деятельности.

Согласно с тем, как мать, мало просвещенная, просвещает своего ребенка, и все общество человеческое с раннего времени сознает себя заинтересованным в том, чтобы просвещать детей, оно заинтересовано и в том, чтобы новое поколение, которое появляется в мир слабым, с известного момента воспитывалось уже не на основании только материнского указания, а чтобы оно стало подготовляться к своему месту в обществе.

Даже у самых примитивных дикарей в игру ребенка, в существование ребенка, в особенности мальчика, вмешивается само общество.

Оно вмешивается двояко: во-1-х, путем примера. Мальчик или девочка сами видят, что вот сильный человек, и перед ним все кланяются, значит, нужно перед ним кланяться, а вот слабый, над которым все смеются, значит, и им можно смеяться и потешаться. Вот это принадлежит чужому, и это трогать нельзя, а вот это можно трогать, это наше. Тут есть тысяча вещей, которые они наблюдают, присматриваются к обществу, подражают тому, что является в обществе обыкновенным, слушают, что вокруг них говорят, и все это они складывают в своем сердце и растут под влиянием своих наблюдений.

Второе вмешательство — это активное вмешательство путем социального воспитания. Его может давать отец или специально приглашенный учитель. Для этого развертывается известная дисциплина внутренняя, делающая дворян вооруженными помощниками своего классового предводителя царя, воином, который

всегда на чеку. В течение моих лекций по истории просвещения я покажу эволюцию типа учителя, т.-е. какими в разное время бывали учитель и школа. Пока только констатирую этот факт, перед нами выступает впервые школа. Школа может быть и военной, и жреческой, и народной. 1) Она может быть школой военной потому, кто там преподает и что там преподается; если для данной стадии развития особенно нужна война, то юношу будут учить владеть копьем или вообще оружием, ездить верхом на лошади и т. д. Само собой разумеется, что, когда мы будем иметь дело с классовым обществом, которое распалось на отдельные группы, и если там есть военный класс, то под военной школой нужно разуметь не только, что здесь учат граждан быть солдатами, но что здесь военные аристократы учат своих детей вообще. Всякого рода дворянские школы и заключаются в том, что дворяне учат своих детей своему главному искусству — войне, ибо дворянин есть разбойник, хищник, защитник своего достояния и налетчик на чужие владения. Его война заключается по преимуществу в обороне и в борьбе за власть над награбленным добром. Для того, чтобы человек был в большей или меньшей степени „доблестным“, т.-е. готовым встретить лицом к лицу опасность, или когда нужно проявить жестокое обращение с врагом, для этого развертывается известная дисциплина внутренняя, делающая дворянина вооруженным помощником своего классового предводителя—царя, воином, который всегда на чеку. Но, с другой стороны, тут выращивается великая гордость дворянская, надменность, наклонность считать за ничто человека, стоящего ниже его по классу, дворянский класс создает свою собственную школу, где дети обучаются этой классовой морали и классовому образу жизни. На самых различных стадиях развития человечества как в Спарте, так и в средневековой Франции или в дворянской России мы видим, хотя и в различных формах, воспитание, на котором лежит эта печать. Но рядом существует и жреческая школа. С точки зрения об'ективной, т.-е. по об'екту или по тому, *кто там* обучается, под жреческой школой надо разуметь школу *для жрецов*, школу, в которой готовятся разных религий жрецы, включая и наших священников, которые обучаются в духовных семинариях.

Что такое жрец? Жрецы возникают у всех народов там, где в обиход общественной жизни входит потребность при помощи

выполнения разных магических формул влиять на мир духов. У всех решительно народов, каких только мы знаем, на очень ранней стадии развития получается такое представление, что, кроме видимых людей, существуют еще духи. Прежде всего это дух умерших людей, потому что ведь он был живой, ходил, говорил, смеялся, а вот теперь лежит недвижимый, из него вышел дух, дыхание, душа, он стал холодный, он ничего не может делать и его тело стало разлагаться. Значит, из него вышел двойник, тот теплый незримый дух, который в нем жил и его одушевлял. Это ясно только потому, что я его видел во сне и он со мной говорил. Затем, когда я сплю, я знаю, что я лежу здесь, но во сне я ходил по холмам и был на такой-то речке. Дикарю снился сон, но этот сон он воспринимает, как действительность, и верит, что из него выходил дух, который есть в его теле, и этот дух переживал то, что он видел во сне. Когда дикарь бывает болен, то он говорит, что его кто-то колет в бок или грызет ему кость, но это делает некто незримый; очевидно, это тот двойник умершего недавно человека, которого он видел во сне. Итак, дикарь населяет все окружающее этими двойниками и душами, которые могут временно покидать тело или совсем его покидают. Порывы ветра, грозу, молнию, удачу и неудачу и все то, что ему мало понятно, и все то, что поражает его и что имеет влияние на его жизнь, он об'ясняет при помощи действия этих душ. Потом, когда у него появляются цари и аристократы, то он и духов разделяет на классы; предки царей считаются богами, а предки дворян—полубогами. Что касается простых людей, то о них ничего неизвестно, они носятся в какой-то неведомой толпе духов, о которых время от времени можно вспоминать и приносить им жертвы, чтобы они не беспокоили своих потомков. Такое имеется у первобытных людей представление о потустороннем мире. Если люди едут, например, на охоту, при чем самое их существование зависит от того, удачна ли она будет, они предаются всяким гаданиям, призывают для этого старого человека, который есть ведун, чудесник или кудесник, который знает, как полагают они, что такое окружающая природа, который является ученым того времени. Ведь тогда наука заключалась в том, чтобы воздействовать на находящихся за видимым миром духов вещей. Верили во всяком случае в то, что на вещи можно действовать заклина-

ниями, заговорами, одним духам пригрозить, других подкупить, пообещать им пай в удаче и т. д.

Из этих знахарей и ведунов развиваются шаманы, жрецы и священники. Если бы я читал вам историю религии, то я рассказал бы вам, как это развитие происходило вплоть до христианства. Сейчас нам важно знать, как подготовляли жрецов.

Возьмем первоначальный тип — знахарей. Какой-нибудь старый старик валяется на печи и больше ничего делать не может, так что у него масса свободного времени. Если он смышленый старик, то он понемножку начнет заниматься колдовством, знахарством и гаданием и т. д., он приобретает знание человеческого сердца и умение лечить хворость и т. д. Но здесь примитивная медицина большой накопленный опыт смешивает с целой массой глупостей, неправильных толков и предрассудков и т. п., из чего создается месиво, где не разберешь, что основано на опыте и что на фантазии. Такова у них наука. Но какой-нибудь молодой человек, видя, как выгодно быть знахарем, пойдет к этому старику и скажет: „дедушка, поучи меня, расскажи твою науку, я буду твоим учеником". И тогда это уж будет началом жреческой школы потому, что так выделяются спецы по знахарству, шаман или жрец, и постепенно развивается настоящая школа, где будут рассказывать, кто эти боги, откуда они произошли, как им надо молиться. Жрецам нужно пройти целую большую науку, и может быть часто в этой науке преподается не только, как влиять на людей или богов, но и как оболванивать людей. Дикари так легковерны, что не знают, где кончается обман и где начинается правда. Недавно я читал прекрасную книгу „Происхождение религий и богов" Кунова. Там рассказывается такой случай: дикари одного острова, когда у кого-нибудь из них что-нибудь болит, проделывают массу чепухи и разных церемоний, а потом начинают сосать больное место и после этого выплевывают изо рта камень, будто бы его высосали из тела. Иногда больному становится от этого легче, он убежден, что это ему поможет, и таким образом гипнотизирует себя.

Такие же „опыты" производятся и над современными людьми. Лет 50 тому назад в Петербурге некий барон Вревский излечивал от всех болезней каким-то особенным, дорого стоящим баль-

замом или элексиром что ли, но когда как-то исследовали этот элексир, то оказалось, что это была простая вода, взятая из Невы. А ведь были люди, которые выздоравливали от этого элексира, это просто происходило потому, что они верили в его силу. Это смесь самообмана и прямого обмана, при чем сюда примешиваются некоторые научные данные, и составляется искусство „жречества". Когда теперь церковь учит, что нужно молиться на церковно-славянском языке, надев ризы, и кадить кадилом и т. д., чтобы пошел дождь, то ведь это с научной точки зрения — просто глупость. Сколько воды ни освящай, если дождь не может итти по метеорологическим условиям, то и не пойдет. Это явно нелепая „наука". Но крестьянство в это верит и, может быть, еще долго будет верить. Если дождь не пошел, несмотря на молебны, то рассуждают: значит, мы нагрешили, а если дождь пойдет, то припишут его молебну. Так развивается дело и учит всем особенностям этого знахарства, всем требам, таинствам и проч., а они тем грубее, чем примитивнее народ, и тем совершеннее, чем народ сам по себе культурнее и ученее.

Но подготовка жрецов есть пустое дело по сравнению с тем, что можно назвать суб'ективной жреческой школой. Кто учит? Жрец учил не только тех, кого готовил в жрецы, но и народ, прежде всего дворянина. Их считали учеными, они знают науку, жрец знает все божественное и земное. Он знал не только про богов, но и все то, что тогда можно было знать. Он был первым учителем народа. У всех народов первым школьным учителем был жрец, и так как старшему жрецу, старому, почтенному человеку, некогда было возиться с этой наукой, то в большинстве случаев эта наука переходила его подручным, которые и ведали школьным делом. Это было не только у дикарей, но и в средние века в Западной Европе, и у нас были такие школьные учителя не только в школах формы церковно- приходской, но вообще в типичных школах того времени, в которых воспитывались десятки и сотни лет русские дети.

Если царский сын, то его учил архимандрит; если дворянский сын, то деревенский поп, а если простой крестьянский сын, то его лупил линейкой дьячок. Но везде проходит церковный чин— Кутейкин, который был долгое время учителем детей. Он учил

прежде всего молитве, начинали учение с Псалтиря или Часослова, и учили на том языке, на котором говорит церковь, т.-е. на языке церковно-славянском, и уже потом этот же Кутейкин учил и началам гражданской грамоты, кое-что попадало ученику из географии, математики, истории и т. д. Так что первая школа в этом смысле была у нас церковная. На всех стадиях развития у всех народов первые школы были церковные, и в них сначала учили только поповских детей, чтобы они стали жрецами, а потом уже и всех остальных; дворянину в дополнение к военной науке давались некоторые поверхностные сведения, которые ему были нужны для того, чтобы не быть чистым невеждой. Главное, что преподавалось народу, это—повиновение и страх перед господином, идеи о том, что все делается по воле божией. Наука служила тому, чтобы убедить народ, что богом установлен такой порядок, чтобы был барин и мужик, и кто против этого, тот будет на том свете гореть в огне неугасимом, а кто перетерпит все жизненные терния, тот удостоится вечной жизни. Это хитрая мнимо-наука, которой нагнетались народные массы, чтобы народ научить так, как учат лошадь ходить под седлом, как дрессируют собак или соколов для охоты.

Это было не просвещение, а дрессировка, не наука, а выучка, приспособление, приручение, одомашнение народа, чтобы он не только за страх, а и за совесть служил барам, как нужно.

Рядом с этим начинает развиваться и другая сторона дела. Долгое время человек считает, что самым важным является знать, как нужно обращаться с богом и богами, как молиться и т. п. Но постепенно начинается и другая линия, которая и у самого примитивного дикаря играет роль. Рядом с магизмом, т.-е. с заклинаниями, идет техника, работа, труд. Дикарь знает, что прежде всего, если хочешь иметь хороший нож, то нужно взять камень, который может расщепляться на соответственные слои. И это нужно *уметь* делать. Точно так же если хочешь развести огонь, то перед собой нужно иметь кремень и огниво или особый деревянный бурав. Это начатки техники. Первоначально человек смешивает эти технические данные с разными представлениями о богах. И нынешний крестьянин потом скажет: я ни за что не берусь, не помолившись богу. Он считает, что если он не помолится, то дело у него не будет спориться. Но чем меньше человек зави-

сит от природы, погоды и т. п., тем меньше он верит в молитву. В самом деле, станет какой-нибудь токарь говорить: надо помолиться, помолюсь—обточу, а не помолюсь,—мой кусок дерева не обточится. Он знает, что нужно *сделать*, чтобы работа привела к нужному результату, у него есть чертеж, где заранее рассчитано все, и молитвы тут—дело второстепенное. Здесь важен не „закон божий", а сама техника, которая опирается на иную науку, на знание законов, явлений. Человек хочет точно знать, выйдет у него или не выйдет задуманное дело, и чем больше человек стремится к точности, чем больше у него точных знаний, тем меньше он полагается на волю божию.

Ему нужно знать, как определенный металл или определенное химическое вещество будет изменяться, каковы его свойства—реакция. Наука в этом смысле есть *точное знание вещей*, как они есть и как они относятся друг к другу. Так возникают науки, подобные физике, химии. Целый цикл наук, которые расскажут нам о всем мире с разных сторон. География, которая учит о земле, на которой мы живем. Астрономия, которая учит о земле и небесных телах. История, которая говорит о прошлом. Всюду наука стремится к правде, т.-е. к точно установленному пониманию действительного, она не любит преувеличений и боится фантазии. Некоторое время наука живет в дружбе с религией. Ты говори о боге, а я буду о земле, ты о сотворении мира, а я дам урок физики. Ты будешь учить, что если кто заболеет, то нужно позвать священника, а я скажу, что нужно слабительное дать и отрезать член, который может заразить остальное тело. Но потом наука великолепно замечает, что чем чаще внедряется этот закон божий в собственное построение, тем это влияет хуже и уже нельзя более сочетать одно с другим.

Хотя человеку и говорят, что все зависит от воли божией, но он всецело на эту волю божию полагаться не станет, человек знает, что свою судьбу он сам должен главным образом устраивать. Всякий купец, если он и отслужит для успеха молебен и пообещает богу рублевую свечку поставить, все-таки он зорко следит за своим приказчиком, чтобы тот его не обокрал или чтобы барка у него была построена как следует и не затонула бы. Поэтому пословица говорит: „На бога надейся, а сам не плошай". Поэтому человек все *менее* надеется на бога, а сам все менее плошает.

Если бы человек действительно потом ознакомился со всем, что его окружает, то он сумел бы заставить природу служить себе, сумел бы овладеть природой. В этом заключается цель светской науки, и постепенно эти светские школы начинают отнимать у попа его педагогические права, и вытеснять их из школы. Ремесленники, купцы городов говорят жрецу: ты их учишь пустякам, а их надо учить по-настоящему—что такое природа и как надо с нею обходиться, чтобы человек мог устроить счастье на земле, добыть обилие, довольство и богатство.

Конечно, дворянин и жрец заключают между собою и союз, поддерживают друг друга. Про царя церковь говорит: „Нет власти, аще не от бога", а царь и дворянин сажают в тюрьму или убивают тех, кто сомневается в учении жрецов.

Как же будет учить светская школа? Ведь если она будет правду говорить обо всем, то она расскажет, зачем существуют цари, зачем церковь и ее вера, для чего должна быть война, для чего должна быть частная собственность на орудия производства! Светская школа опасна не только для жрецов, но и для царей, она, оставаясь правдивой, повернулась бы и против буржуазии. Чтобы защищать их привилегии, надо держаться за потустороннее, за бога и ангелов, а также построить их таким образом, чтобы ссылками на них доказать невозможность существования на свете чего-то лучшего, чем существующий строй и право меньшинства владеть большинством.

Но светская школа не только вещь опасная для привилегированных, она и нужная им вещь. Ведь без нее каналов не проведешь, городов не построишь, в особенности железных дорог и т. п.

Обыкновенно носителем, светочем культуры является буржуазия: капиталисты, фабриканты. Буржуа прежде всего старается завести школы, в которых учили бы делу. Он говорит: я хочу, чтобы моего сына никто не одурачивал, я хочу, чтобы он знал, куда можно поехать и чем торговать, как машины строить и т. д. Он должен быть инженером или торговцем, ему нужны реальные сведения, реальная школа. Однако нельзя сказать, что духовная школа давала просвещение, основанное целиком на ошибочном представлении о мире духов, что дворянская школа есть узкоклассовая школа разбойников и убийц, а буржуазная школа есть

хорошая школа, и взятый ею ход мы должны продолжать. Это не совсем так. Во-первых, буржуа свою реальную школу не доводит до конца, а отклонится в сторону от чисто-буржуазной педагогии. Еще отец буржуазной науки, Бекон, уже рисовал буржуазную школу очень яркими красками. Это была школа, в которой преподается действительное знание, в которой занимаются нахождением полезных сведений. То было в XVII веке. Но буржуа что-то мешает устроить такую школу. Настоящая, подлинная реальная школа, которая учила бы людей знанию и умению и давала бы полную правду, должна бы учить и критиковать все вопросы, она должна была бы учить человека ставить перед собой такие вопросы: ради чего он живет, что он будет делать в жизни, что такое добро и зло, и разрешать их тоже на основании реальных соображений, подлинных, научных. В такой школе надо бы прямо поставить вопрос о том: в чем человеческое счастье, как создать такую жизнь, в которой большинство было бы счастливо. А если бы такие вопросы стали ставить, то разве мыслимо, что люди, кроме детей капиталистов, поверили бы, что нужно оставить капиталистический строй.

Буржуа понимал, что развивать критическую мысль крестьян и рабочих нельзя. Всякая реалистическая школа была бы вместе с тем школой революционной.

Пока сам буржуа был революционно настроен, пока господствовал дворянский и жреческий строй, с которым и боролся, пока он не боялся пролетариата и крестьян, до тех пор он готов поддерживать научные школы, но, когда он сознает силу пролетариата, он пугается и думает о том, как бы исказить эту школу. Буржуазия, например, все еще держится за так называемые классические гимназии. В чем тут дело? Классические школы дрессируют умы и помогают вырабатывать подчиненных. Необходимо, чтобы в государстве были чиновники, говорят бюрократы, а чиновнику нужно не столько реальное знание, сколько формальная дрессировка, и буржуазия, начав с требования реальной школы, признает доводы бюрократов и стойко держится за древние языки для едва ли не большинства детей, проходящих среднюю школу в цивилизованных странах.

Так же и о войне буржуазные мыслители учили когда-то. Буржуазный философ Спенсер говорил, что когда буржуазия

восторжествует, то войн больше не будет, так как она только будет торговать и производить. Мы видим теперь, что это совсем не так. Буржуазия стремится иметь армию, чтобы держать в повиновении крестьян и рабочих ради хищнических инстинктов. Буржуазия постоянно воюет. И как ей нужно держать солдатчину, казарму, так она не может из-за своей выгоды отказаться и от религии.

Мы знаем, что во многих странах—в Америке и во Франции—воспрещено преподавание закона божия в школах. Это на том основании, что там могут быть дети разных исповеданий. Но это не значит того, что там совсем отошли от религии. Наоборот, ксендзы, пасторы, раввины попрежнему отравляют души детей. Один крупный американский педагог настаивает на том, что в школе нужно преподавать не христианскую или какую-нибудь другую определенную религию, а учить, что есть бог, что он создал мир, что мы от него зависим, что есть бессмертная душа. Тогда люди не будут придавать чрезмерного значения тому, что они бедны, тогда как другие богаты,—раз душа бессмертна. Вообще люди будут заниматься вечными вопросами, и это их отвлечет от действительности. Вы видите, в чем тут дело? Дело заключается в том, что поп нужен, хотя и в новом наряде. Во Франции, которая изгнала закон божий из школ, ввели *мораль*, и в ней говорится о боге, о бессмертии души и о всем прочем, но только не в католическом или протестантском духе, а вообще якобы философии, и там стараются народу внушить представления, ничего общего с наукой не имеющие, но которые имеют целью вытравить дух критики, бунтарства, требовательности по отношению к жизни.

Поэтому буржуазия, даже в высших школах, не давала полной свободы знания, она подкупала профессоров, заставляла подменять науку, особенно начитав общество в своем духе.

Там, где начинались вопросы, правильное решение которых могло быть крайне невыгодным капиталистам, начиналось подкрашивание науки.

Буржуазия и среднюю школу загубила, потому что она воспитывала в ней детей так, чтобы они были капиталистами или приспешниками их, внушала собственническую хозяйственность, т.-е. людоедство, гнусное отношение к рабочим, заражала латынщиной,

муштровкой умов, духом казармы и т. д. В особенности коверкались низшие школы, народные, где все дело сводилось к тому, чтобы дать минимум знания и как можно больше всякого закона божия и подкрашенной истории, где учили патриотизму и преданности власти и барам.

Но пролетариат, когда он выдвигает *свой* идеал школы, то возвращается к идеалу реалистической чисто-научной школы, притом придает ей еще один характер, к которому и буржуазия подходила, но менее решительно, а именно характер трудовой школы.

Он требует, чтобы она была не только *дельной*, но и *трудовой*, потому что буржуа готовил своих детей прежде всего к тому, чтобы они были руководителями, командующими, они нужны как организаторы и распорядители, а непосредственный физический труд делает тот, кому приказывают,—рабочие. Если же мы хотим сделать человечество равным во всех его членах, то у нас не может быть в идеале интеллигентов и рабочих, у нас каждый рабочий должен быть интеллигентен и научно образован и каждый научно-образованный человек должен работать в течение определенного количества часов и лет в своей жизни, должен работать одинаково со всеми другими. Поэтому мы должны воспитывать всесторонне людей труда. Но в тех школах, которые остались нам в наследие от жрецов, учили от сих до сих, твердили зады, детей сажали на парты и заставляли слушать и исполнять, что господин учитель скажет, в таких школах ничего не сделано для того, чтобы ученик сам активно, творчески работал, а не сидел с раскрытом ртом и ждал, пока ему положат разжеванную пищу в рот. Важно то, чтобы пролетариат, взяв буржуазные школы в свои руки, очистил их от всех компромиссов, которые буржуазия связала с этими школами, и придал бы им характер действительно народный, чтобы эти школы просвещали не только знаниями, но учителя живым умением вносили в детскую жизнь максимум активности, связанной с жизнью общества.

Кроме тех школ, о которых я говорил, в некоторую эпоху, значительно более счастливую, существования человеческого создался другой идеал и другая школа, не совсем совпадающая с реалистической буржуазной школой, мало совпадающая с школой дворянской военной учебы, с казарменной школой и совсем не совпадающая с школой жреческой, полной россказней о поту-

стороннем и разными своекорыстными фантазиями. Я говорю о школе древней Греции и в частности афинской.

Мы видели, что общество *воспитывает ребенка*, оно через посредство школы старается сделать его гражданином, каким общество его хочет. Дворянина—забиякой, военным, гордым по отношению к низшим классам, жреца—умеющим производить заклинания, знающим человека и своеобразным ученым, простолюдина—покорным и умеющим выполнять, что прикажут, обученным в той или в другой специальной работе и т. д. Таким образом ставился воспитательный идеал. В Афинах мы встречаем замечательные отступления от такого взгляда. Это было небольшое государство, которому с разных сторон грозили неприятели—огромные империалистские державы. Поэтому афинянам нужны были ловкие, мужественные солдаты и возможно большая внутренняя спайка, нужно, чтобы больше было патриотов. Но одни богаты, а другие бедны, и очень бедному было безразлично, будут ли существовать свободные Афины или нет. В тех случаях, когда небольшой народ находится вкрапленным среди очень больших держав, сильных врагов, он или погибает, или делается твердым. Как же он становится таким? Когда вводит демократию, когда вводит народоправие, которое дает право всем членам этого союза и делает каждого готовым, как лев, защищать свою родину. Поэтому таких равноправных членов должно было быть в Афинах как можно больше. Это понимали лучшие государственные умы. Так там стало постепенно. Сначала отпускали долги должникам, потом требовали земельных переделов, старались урезывать богатых, старались притти на помощь бедноте, вводились права гражданства сначала так, что аристократы имели все же больше прав, средние классы меньше, а бедные еще меньше, но все-таки пользовались правами и они, а дальше шли к тому, чтобы все больше и больше уравнивать *всех* в правах. Ведь нужно было подкупить *весь* народ и сплотить его. Инстинкт самосохранения народа сказывался в том, что государство ставило себе целью не допустить возникновения тиранов, которые захватили бы власть и таким образом разрушили бы равновесие, не допустить развиться от большой бедности равнодушию к государству, создать уравновешенное государство, где все были бы по возможности равны, чтобы всякий был на своем месте, на своем посту, чтобы всякий готов был умереть за государство.

Но для этого, чтобы иметь хороших солдат и граждан, нужно просвещение, нужно, чтобы не только аристократы, но и последний человек, раз он призван защищать отечество, умел бы владеть щитом, копьем, умел бы ездить на коне и быстро бегать, надо дать ему военное знание, чтобы можно было качеством побеждать количество. Тогда ведь не было огнестрельного оружия, и они должны были сделать из своего воина быстроногого человека, находчивого, ловкого, способного ко всякой борьбе. Для этого нужно было иметь сильное, прекрасное тело, и они заботились о физическом образовании; им нужно было, чтобы матери были хороши, так как тогда дети рождались бы здоровыми, нужно, чтобы и женщина гимнастикой укрепляла и делала прекрасным свое тело. В основу педагогики клалась цель получить *совершенного солдата*, произвести человека *с прекрасным, развитым телом*; это касалось даже девушек, чтобы и мать была такой же. Поэтому юноши и девушки в разных местах упражнялись гимнастическими играми, чтобы довести свое тело до полного совершенства. И эти греческие солдаты оказывались таким чудом, что какая-нибудь тысяча греков разбивала десятки и сотни тысяч врагов.

Но и это потому, что они умели действовать *вместе, согласно и дружно*, и потому, что они *любили свою родину*, были хорошими гражданами. Для этого греки нашли еще один способ—педагогический, чтобы воспитать из своего народа единственный народ, который сумел потом временно овладеть всем миром. Что же, кроме физического и гражданского воспитания, пускалось греками в ход? Они пускали в ход *эстетическое воспитание*. Греки старались внушить такую мысль, что грек *лучше всякого другого человека*, который живет не в Греции, потому что грек красив и благороден, он живет более тонкой и изящной жизнью. Идеал, который поставила себе Греция, был—создать человека прекрасного и доброго, но не такой доброты, какой учит христианство, чтобы милостыню подавать и если тебя по щеке ударят, ты подставь другую. Такой доброты они не желали. Но их доброта в человеке означала, что он может быть *другом*, на которого можно положиться, и что он настоящий *доблестный* человек, который готов всегда умереть за свою родину, а идеал красоты они возвели выше, чем физическое образование, о котором мы

уже говорили. И чтобы народ мог видеть и созерцать этот великий идеал, нужно было устраивать народные празднества, где можно было бы видеть образцовых людей. Пускались в ход общественные танцы и общественные песни хором под музыку для того, чтобы у народа были *общие переживания*, чтобы он чувствовал не порознь, каждый в отдельности, и восклицал бы от всего сердца: „Мы, эллины,—великий народ". Для этого устраивались игрища, где люди при громадном стечении народа старались выделиться в том или другом спорте, включая и самые утонченные виды спорта—пение, поэзию и т. п. Подобную роль играл воспитательный театр; ставились трагедии в особом помещении, которое вмещало десятки тысяч людей. Трагедии заключались в том, чтобы в великолепных стихах давать вечное поучение человеку, чтобы он был справедлив, не гордился перед ближним, так как иначе он де пропадет, чтобы люди ближе держались друг за друга. Жизнь—страшная вещь, и чтобы победить и вместе с тем быть чистым, чтобы не было греха, нужно иметь мудрость и умеренность, и на примерах из жизни богов и героев проповедывалась умеренность, чувство справедливости в самом глубоком смысле этого слова и другие человеческие добродетели. Всего этого добивались при помощи музыки, танцев и драматического действия, т.-е. через красоту, ибо красота есть сила, при посредстве которой один человек может убедить другого. Толстой говорит, что искусство имеет способность потрясать, волновать человеческие сердца и *переубеждать* их. Греки это понимали. Способом воспитания народа были великолепные здания. Дом каждого отдельного грека был скромен, но народ строил великолепные общие дома и храмы богов, которых он изображал в виде прекрасных и бессмертных людей. Все места, где собирался народ, где заседал суд или молодежь упражнялась, где ставили трагедии и устраивались игры,—все это делалось гармоничным, светлым, и необыкновенно стройным. Видя эти великолепные здания, грек мог воскликнуть: „Вот где мы, греки, отражаемся, вот наше вещественное воплощение". Варварская внегреческая архитектура отличалась своей тяжеловесностью и грубостью. Я упомянул о богах. И сами боги у афинян служили воспитательным средством. Греки ставили перед юношей статую атлета и говорили: у нас был такой атлет, постарайся и ты развить себя так. Но человек

не может развить себя до полной красоты, так как этому мешает его ограниченность, его смертность—он ведь болеет, старится и умирает. Поэтому греки ставили перед юношей зрелого человека или юную женщину или девушку такими прекрасными, какие только мог художник вообразить, и говорили: это бессмертные люди, или боги. Пусть они будут для тебя вечными звездами, к которым ты будешь стремиться. Если можешь, старайся больше подходить к Зевсу, который есть царь мудрости и справедливости, или на Аполлона, который есть бог просвещения и света, который разит всякое зло в природе и людях и развивает семя любви, умеренности, справедливости и красоты форм. Венера—Афродита, всякий бог и богиня, представляли у греков определенный жизненный идеал. Так они представляли себе религию, они воплотили дух в чудную мраморную плоть и поставили ее перед человеком и сказали, что если человек победит смерть, то вот каким он может стать прекрасным!

Таким образом и скульптуру, и архитектуру, и театр, и музыку — все это развивали для того, чтобы воспитывать.

Слово „педагогия"—греческое слово и означает „водительство детей", но они воспитывали и юношество, и взрослых, и всех граждан. Все эти чудесные люди, красивые и добрые эллины, хотели быть в хороших отношениях между собой, так что им не зачем бороться и ссориться; они могут вполне быть друзьями и наслаждаться красотой жизни друг с другом, сообща. Конечно, до этого идеала грекам было далеко. У них были более богатые и менее богатые, у них были рабы, которыми они делали военнопленных, которых они продавали и покупали. И хотя они относились к ним мягко, не издевались, но это были все же рабы, и они считали их „говорящим инструментом", как выражается Аристотель. Афиняне утверждали, что без рабов они не могли бы построить такого совершенного общества, и Аристотель однажды обмолвился, что если бы веретена сами начали действовать без помощи людей, то можно было бы сказать: нам не нужны рабы. Он еще не думал о том, что какой-нибудь механизм, паровой или электрический, может быть приспособлен так, что в конце-концов не понадобится при нем ни одного человека, кроме надсмотрщика. Он не думал, что веретена будут так работать, что одна женщина сможет следить сразу за несколькими десятками их. Но мы находимся

только в начале этого развития. Мы придем к тому, что всякий физический труд, какой бы он ни был, будет передан особым усовершенствованным машинам, а человек будет выполнять только умственный надзор, потому что всякая физическая работа может быть выполнена автоматами, и только умственная работа не может быть выполнена таким путем. Поэтому современная техника приведет к тому времени, когда культура не будет покоиться на согбенных спинах людей физического труда.

Греки, кроме того, были разбиты между собой на разные мелкие нации, которые дрались между собой. Греки отрицали свое равенство с варварами, которых они считали за полуживотных. Их культура таким образом долго не была общечеловеческим идеалом.

Но тем не менее, поскольку они создавали своих полубогов и богов, поскольку они поставили себе идеал гармонического человека, не солдата или жреца, а именно *человека*, поскольку они поставили себе задачей сделать гармоничным внутреннее согласование общества, хотя этой задачи они не решили удовлетворительно, а только наметили кое-где,—они оказали огромную услугу человечеству, они опередили все народы, которые жили в то время, а также и многих из тех, которые жили после них, создали замечательный педагогический капитал, которым мы и сейчас в некоторых отношениях пользуемся.

И буржуазия, и жречество, и дворянство Европы твердят, что Греция прекрасна и римский народ прекрасен, поэтому жрецы заставляли употреблять эти языки в своих церковных службах, греческий язык был языком евангелия и отцов церкви, а латинский язык стал языком католичества также, а буржуа, когда в эпоху возрождения он открыл эту прекрасную греческую литературу и скульптуру, восхитились. Но вскоре после этого они постепенно превратили эту культуру в настоящую схоластическую мертвечину. Если вы учились в классической гимназии, то вы знаете, к чему сводилось все дело. Какой-нибудь греческий писатель, произведение которого дышит светом и бессмертной человечностью, которое так радостно и в котором заключен вечный союз человека с природой, изучается в каких-нибудь 100 строках, для того чтобы вызубрить спряжение глаголов или примеры

каких-нибудь синтактических словосочетаний. Это прекрасное тело расчленяется по кусочкам и как сухие грибы предается мертвенному анализу.

Когда какой-нибудь ученик задавал вопрос учителю, который касался культурной стороны Греции, то учитель смотрел на него, как на сумасшедшего и говорил: ваше дело вызубрить эти склонения! Из латинского и греческого языков сделали головоломку, пустые упражнения, а культура Греции и Рима оказалась спрятана где-то и недостижима. Такое употребление было сделано потому, что свобода Греции была бы опасна. Несмотря на существование рабства и военный патриотизм, весь дух гуманитарный и все стремления сделать человека свободным, прекрасным и бессмертным слишком легко могут превратиться в лозунг революционной демократии.

Если поставить вопрос: можно ли стремиться к тому, чтобы все люди в каждом отдельном человеке представляли такое гармоничное и прекрасное тело с живым разумом и душой, полной дружбы и чуткости, которые жили бы в прекрасных городах и садах, когда стоило бы жить до бессмертия,—если бы так был поставлен вопрос, то, имея перед собой всю культуру буржуазии, некрасивую, закопченную, с ее казармами и темными массами, а вместе с тем с ее нелепой пышностью разжиревших, потерявших образ человеческий больных аристократов капитала, разумеется, всякий сколько-нибудь знающий древнюю Грецию и любящий ее с ужасом констатировал бы разницу между тогдашним идеалом и нынешней действительностью. Для нас же эта культура наследия поэтому и значительна, что мы хотим, чтобы наша школа была не только строго-научной и трудовой, но чтобы она была эстетичной и развивала уменье в человеке наслаждаться красотами и создавать красоту. Мы хотим, чтобы она довела физическое развитие человека до наибольшей красоты и стройности и чтобы она была гражданскою школою, в которой приучали бы человека к тому, чтобы жить в глубоком согласии с другими людьми, чтобы сочетать свои усилия с усилиями других людей.

Только такая школа может быть подлинно человеческой. С этой точки зрения мы и сформулируем теперь ответ на вопрос, что такое просвещение. Просвещение есть передача новым поко-

лениям или непросвещенной части человечества накопленных знаний и умений в самых организованных и доступных формах и стремление сформировать новое поколение как в индивидуальном, так и в социальном отношении согласно с идеалом наиболее широкой и богатой и в то же самое время наиболее гармоничной, т.-е. согласной, жизни.

Вот как можно сформулировать идеал просвещения. Против такого определения просвещения можно было бы привести только одно возражение. Вы говорите о ладной жизни всего общества и человека? Все это так, но ведь сейчас нам приходится бороться, приходится жертвовать собой, может быть сейчас тот человек самый лучший, который хочет принести себя в жертву за други своя—борец, герой, который отвергает себя ради других, который является преданным солдатом великой армии труда, стремящимся к осуществлению своего идеала?

Для нашего времени это действительно самый высокий человеческий тип, и в нашей школе до тех пор, пока кипит борьба в человечестве, мы не можем воспитывать людей, способных только быть счастливыми участниками гармоничной жизни. Мы должны воспитать человека, готового ответить на всякие нападения эксплоататоров и на борьбу с ними, с тоской по лучшей жизни и готовностью оценивать себя как промежуточный момент, как человека, которому не суждено, быть может, жить настоящей жизнью, но который ведет борьбу для того, чтобы эта лучшая и настоящая жизнь была осуществлена хоть для его детей.

Вы сами понимаете, что это может быть только переходным моментом. Для чего же такой человек жертвует собой? Почему он отвергает себя? Да потому что он не верит, что в настоящий момент можно быть счастливым, и справедливым, и прекрасным, и добрым. Поэтому он борется и жертвует собой, чтобы поскорее пришли времена, когда можно будет быть одновременно и счастливым, и справедливым, и прекрасным, и добрым, когда человек, будучи равен другому и не думая, что он крадет чужое, может быть вполне счастливым. Этого мы хотим и к этому стремимся, и одним из средств здесь является беспощадная борьба; для этого нужны люди иного закала, иной школы, боевой, создающей бор-

цов, и чем больше мы будем бороться, тем ближе для нас будет победа и осуществление нашего идеала.

Такова сущность просвещения. Всегда под просвещением подразумевалось, что общество приспособляет к себе будущее поколение. Затем оказалось, что общество не только приспособляет будущее поколение, но и старается дать ему возможно больше знаний и уменья выполнить определенные идеалы, стремясь к тому, чтобы оформить малых детей лучше, чем были оформлены их отцы в направлении к известной цели. Но долго эти цели остаются национальными, классовыми и частными, для того чтобы лучше и удобнее властвовать над низшими классами. Просвещение, пока оно было в руках жречества и буржуазии, не могло итти навстречу желаниям, которые преследовали общие воспитательные идеалы.

Только пролетариат, который хочет устроить настоящее общество, ставит перед просвещением подлинную задачу воспитать и образовать детей, чтобы они были лучше нас и могли приблизиться к идеалу человека.

Только пролетариат не боится всей полноты истины и красоты. Только наш класс является носителем действительного школьного идеала, и все великие педагоги, поскольку они были велики, постольку являются предшественниками пролетарской школы. Пролетариат является настоящим наследником Фихте, Песталоцци, Фребеля и др.

Нет лучше, выше и шире работы, чем просвещение, ибо просвещение есть работа старшего поколения над новым. Это есть шлифовка, формировка самого высокого материала, который только есть на свете,—самого человека.

О классовой школе.

Буржуазная и коммунистическая трудовая школа.

(Лекция, прочитанная 26|IV 1920 года в секции Наркомпроса при Свердловском университете.)

В классовом обществе все, что ни делает государство, имеет строго-классовый характер.

О государстве имеются два доминирующих суждения: то, которое выставляет либеральная буржуазия, и то, которого придерживаются марксисты.

Либеральная буржуазия утверждает, что государство есть организация порядка.

Не отрицая того, что отдельные классы существуют в настоящем обществе и могут бороться между собою, они говорят, что государство с его законами стоит над классами и должно заботиться о том, чтобы эти классы в распре между собою не нарушали общего единства. Оно охраняет справедливость и вместе с тем заботится о путях сообщения, о больницах, о школах,—словом, о таких сторонах жизни, которые необходимы для всех и которые поэтому переходят в ведение общего органа, наивысшего органа общественного характера государства.

Либералы вследствие этого требуют, чтобы государство само зависело от парламента, выборы в который происходят свободно, так что каждый класс может прислать туда своих представителей. Парламент таким образом оказывается, по их мнению, отражением взаимоотношений сил в стране.

Эта теория государства, как компромисса, как договора, венчающего разнохарактерные классы общества, получает некоторое подкрепление в парламентском демократическом режиме.

Очень правильно говорит т. Бухарин в своей блестящей книге, что еще вавилонские цари за тысячи лет назад писали на камне: „Я представитель государства, которое существует для того, чтобы заботиться об общем благе и чтобы сильный не обижал слабого".

Однако теория совершенно неверна. На самом деле действительность этому не соответствует. На самом деле государство, как до Маркса многие юристы догадывались и как Маркс совершенно точно и определенно установил, есть организация власти господствующего класса, и только.

Господствующий класс есть меньшинство, которое эксплоатирует большинство, которое живет трудом большинства, которое должно управлять и землями, и инвентарем, и скотом, и своими рабочими. Управлять оно может только, создавши огромный механизм насилия, и все государства в мире имеют военно-полицейскую силу, которая находится на службе у господствующего класса и которая пресекает всякую попытку большинства протянуть руку к тому гигантскому имуществу, которое находится в руках меньшинства, и самыми жестокими карами вгоняет это большинство опять в повиновение.

Так было в рабовладельческом государстве, где рабовладелец вооружен, а рабы обезоружены, где рабовладелец имеет челядь, которая по его приказу обрушивается на рабов, если они осмеливаются восстать. Так же и в самых тонких демократиях, где рабочее движение, протестующее против эксплоатации, вызывает кары судебные или просто карательные экспедиции, вплоть до Англии, вплоть до Америки, до Швейцарии.

В Швейцарии недавно милиция расстреляла на улицах цюрихских рабочих.

Всякое государство имеет главною целью обеспечить господство господствующему классу. Но по мере того, как большинство начинает просвещаться и организоваться, когда имеется уже политически мыслящий пролетариат и радикальствующая мелкая буржуазия (это бывает там, где крупная буржуазия или близка к власти, или взяла уже власть в свои руки, где есть хорошие пути сообщения, где есть известный уровень капиталистического развития), там крупная буржуазия оказывается не в состоянии устроить такой строй, при котором безоговорочно и без маски власть принадлежала бы ей. Она пыталась это делать, устраивая так

называемое цензовое правительство, которое в парламент пускало только людей богатых, но это было трудно, это било в глаза созревших частей демократии, хотя бы и среди имущей, которая волновалась; можно было опасаться революции. Поэтому-то и введена была буржуазией (кое-где вполне добровольно) хитроумная машина всеобщего избирательного права, которая давала как будто бы политическое равенство всем гражданам, но вместе с тем обеспечивает власть за богачами. В Америке, в Англии или во Франции существует всеобщее избирательное право, это—демократические страны, демократия—значит власть народа, но огромное большинство народа живет там нищенскою жизнью, незначительное меньшинство имеет фабрики, заводы, копи, дома, громадные имущества, живет в великолепии и роскоши. И это образцы демократичнейших государств. А если являются там люди, которые говорят, что народу должны принадлежать и машины, и здания, и земли и только тогда будет власть народа, то этих людей хватают, сажают в тюрьмы, их газеты закрывают, одним словом, отвечают на эту проповедь жестокими репрессиями.

Этого нельзя добиться голою силою. Конечно, буржуазия может быть лучше вооруженной, чем рабочие, но на этой стадии развития буржуазия вынуждена иметь очень большую военную силу как для того, чтобы справляться со страной, которая велика, справляться с многочисленными восставшими, нужно большое постоянное войско, как нужно оно и для защиты от нападающих хищнически других государств. Поэтому в военном отношении приходится опираться на всеобщую воинскую повинность.

Но народное войско может легко присоединиться к восставшим. Дело в том однако, что никогда, ни в какие времена государство не покоилось на грубом насилии т о л ь к о. Г л а в н ы м средством подавления низших классов являлся м е ч, грубое насилие, но рядом с этим шли м е т о д ы о т р а в л е н и я с о з н а н и я низов общества.

Во-первых, не надо давать низам знания, надо, чтобы массы оставались невежественными; во-вторых, на почве этого невежества надо привить им такие взгляды, такое настроение, чтобы раб считал, что создавшееся положение законно, чтобы он считал, что это справедливый порядок, надо извратить его здравый смысл и заставить добровольно подчиниться тем условиям, в которых он живет.

У наших писателей отразился тип крепостного или дворового человека, который, как собака, ухаживает за своим барином, который убежден, что Бог велел душу свою положить за своего барина. Вспомните, как твердо солдат был уверен, что положить жизнь за царя—величайший подвиг. Видите, как приручили людей! Их приручили так, что они до мозга костей становились рабами и благословляли свое рабство. Это делалось при помощи религиозного разврата через священников. С малых лет начинали иногда накачивать в мозги подчиненных, что мир не есть настоящий мир, а есть еще другая, загробная жизнь, в которой все иначе и которую нужно знать, чтобы понять, как нужно вести себя здесь. Самая хитрая религия учит, что мир так построен, что бедняк покорно влачит здесь злосчастную жизнь, чтобы на том свете получить великую награду, что, наоборот, если будете в какой-нибудь мере бунтовать против судьбы, на том свете будете мучиться в страшных пытках.

Эти идеи вдалбливали и в головы крестьянина рядом с целой массой других предрассудков, и таким образом крестьянство, низы проникались этой идеей.

В мире есть великий монарх, против которого ничего не поделаешь,—бог, которому повинуются урожаи и неурожаи; судьбы человеческие, жизнь и смерть, болезнь, удача и убыток—все от него зависит. Это не то, что царь земной, который может посадить в тюрьму; от него зависит судьба не только, пока человек живет, но и судьба вечной души. А что такое кратковременная жизнь человека на земле перед этой вечной душою? И этот-то царь установил на земле существующий порядок.

Христианство говорит, что бог любит именно бедняка, что он на его стороне. Еще неизвестно, может быть, богачу на том свете очень круто придется, и вот нужно этот краткий искус выдержать и повиноваться на этом свете богачу. Богачу это учение, конечно, выгодно, а бедняк по невежеству своему верит и поддерживает всю эту хитрую концепцию.

И в Западной Европе мы видим то же самое, мы видим, что громадные суммы денег расходуются государством, а там, где государство отделено от церкви, обществом на то, чтобы содержать эту армию омрачителей, отравителей человеческого сознания, попов всякого рода.

И чем страна культурнее, тем христианство тоньше, хитрее, чтобы оказаться достаточно действующим одурманивающим ядом.

На стадии развития более или менее цивилизованного государства оно получает в свои руки огромные средства, чтобы отравлять человеческое сознание, оно получает в свои руки всенародную казарму. Всеобщая воинская повинность делает то, что каждый молодой человек оказывается на некоторое время взятым в ежовые рукавицы военного механизма. На самом деле 2—3-летняя военная служба для всех не нужна. Война доказала, что в 3 месяца максимум можно сделать прекрасного боевого солдата. Но его брали в солдаты надолго, чтобы там, через посредство кадрового офицерства и унтер-офицерства, совершенно обезволить, чтобы он по их приказу стрелял в кого угодно. Под видом патриотического долга людей превращают там в манекенов, выдрессировывают, и такой дрессированный человек не только в течение своей солдатской жизни оказывается в распоряжении армии, но и после он носит в своей душе эту покорность, эту способность оказаться загипнотизированным командой.

Затем государство получает прессу, т.-е. возможность на огромном количестве бумаги само, как государство или через органы, которые оно подкупает, поддерживает, распространять какие угодно клеветы, писать все, что выгодно, вести лживую кампанию против социализма, распускать всякую сеть сплетен, слухов, ложных известий. Целая река лжи течет по жилам прессы, в особенности в странах Запада. Она проникает всюду, буквально почти в каждую избу крестьянина и производит там опустошительное действие. Продажные газеты создают так называемое общественное мнение. Это общественное мнение, которое проникает в недра народных масс, в буквальном смысле слова фабрикуется. Государство говорит: извольте общественное мнение подготовить так-то, и все газеты начинают трещать в известном направлении; им верят. Затем надо бороться с прессой чужой, с прессой социалистической. В демократических республиках нельзя просто закрывать социалистические газеты, и борьба с ними и так сравнительно легка. Для того, чтобы иметь большую газету, нужен большой капитал. У рабочих его нет, газеты рабочих издаются на ничтожные средства. Затем буржуазные банки и фирмы не дают им своих об'явлений, а для того, чтобы газету

продавать за одно су, как было во Франции, они должны иметь об'явления, а иначе существовать не могут. Поэтому социалистическая пресса во многих случаях была на задворках буржуазной прессы.

Наконец, еще одно средство имело буржуазное государство—это подкуп и привлечение к себе вождей угнетенного народа и рабочего класса.

Из среды самих рабочих в парламент часто выбираются люди из числа тех, которые понимают весь этот механизм и начинают проповедывать в массах, чтобы они открыли глаза, посмотрели на то, что это вовсе не демократия, что это—сплошной обман, что при помощи казарм и прессы, при помощи подкупа ими правит незначительное меньшинство, которое делает их жизнь обездоленной.

Сначала таких людей просто истребляли всеми средствами, но потом это оказалось невозможным, их стало слишком много.

Так как в парламентском режиме этих людей, если они красноречивы, выбирают в городские думы или в генеральный совет, что соответствует нашим бывшим губернским земствам, наконец, в парламент, то выбранных таким образом находят уместным подкупить. Такому человеку обещают всякие блага, принимают в свою среду, иные из них женятся на буржуазных девушках, они получают внезапно высокие назначения, им продают или уступают даром акции предприятий. Иные рабочие депутаты поддаются этому соблазну и продаются. Одни продаются целиком, со всеми потрохами, как какой-нибудь Бриан, делаются абсолютными лакеями буржуазии, но все же оставляют на себе такой социалистический налет для обмана. Говорят всякие революционные фразы, но революцию откладывают на сотни лет, и боже сохрани,—предостерегают рабочих,—итти за людьми, которые легкомысленно сейчас хотят осуществления социализма. Они становятся эволюционными социалистами. Они делаются министрами. Это все способные люди, и буржуазия доверяет им всю свою судьбу, делает их главными кормчими государственного корабля, потому что, обволакивая себя такими социалистическими фразами, они являются более выгодными политиками, чем простой буржуй, волчьи зубы которого очевидны народу.

Так и у нас в России делали. Как только буржуазия достигла власти в феврале—апреле, она потребовала, чтобы социалисты сде-

лались министрами. Она потребовала к себе Чернова, Церетелли и т. д. Она посадила их, как ширму, перед собою, и они ездили и заливали революционные пожары, как настоящие водолеймейстеры. Они служили им всяческим заслоном, а настоящая власть находилась в руках капиталиста Коновалова, помещика Львова, банкира Терещенко. У нас не было таких людей, которым буржуазия могла бы просто передоверить всю власть, а в Зап. Европе есть такие вышедшие из народа, в роде Ллойд-Джорджа или Мильерана, которые становятся первыми министрами и президентами. Конечно, их держат на ниточке.

Есть такие, которые продаются лишь вполовину. Личная жизнь их становится более или менее удобной, они перестают торопиться, но на словах остаются как будто бы вполне социалистами. Все время они раз'езжают, агитируют среди рабочих, строят организации, но в сущности у них все согласовано с буржуазией. Они говорят, что цель, т.-е. революция, — это ничто, а путь, т.-е. реформы,—это все. Сегодня на полчаса рабочее время сократили, завтра на гривенник заработную плату увеличили. Это и есть настоящая парламентская борьба. Потихоньку—полегоньку. Буржуазия охотно идет на эти уступки. И громадная партия, как германская социал-демократия, вплоть до самых левых людей в роде Каутского, оказывается совершенно погрязшей в такой парламентской тине. Таким образом рабочий класс лишают его вождей.

Вы видите, какие огромные силы у буржуазии, но не последнее место в этих силах занимает и ш к о л а, которую буржуазия делает тоже орудием развращения сознания масс.

Первая задача, которую ставит себе правительство господствующего класса, заключается в том, чтобы низы были не развиты, чтобы в них не развернулась критическая мысль. Когда дело идет о такой стране, как Россия, то там до самого конца царского режима министр народного просвещения являлся, по выражению Щедрина, министром народного затемнения. Если какое-либо общество хочет школу открыть,—министр ему не позволит; если хотят в городе открыть университет,—министр не позволит; если имеется талантливый профессор, — его выгонят вон, за границу; если студенчество борется за то, чтобы школа шире развернула научные занятия,—отдать студентов в солдаты. Это была постоянная политика министерства народного просвещения. Министерство

народного просвещения было как бы департаментом министерства внутренних дел. Министерство внутренних дел заботилось о том, чтобы школа была предоставлена в его распоряжение. Но даже в России министерство финансов, заинтересованное в том, чтобы свести бюджет, и понимавшее, что для этого нужен развитой капитализм, что без этого Россия должна была безнадежно отстать от других стран, потому что некапиталистическая страна всегда будет бита капиталистической, настаивало на необходимости развернуть школы и вошло в острый конфликт с министерством народного просвещения. Министерство финансов устроило свои политехникумы, свои коммерческие гимназии по лучшему зап.-европейскому образцу. И действительно, нельзя народ держать в невежестве, если хочешь иметь квалифицированных рабочих если хочешь иметь хороших приказчиков, если хочешь иметь крестьянина, который может прочитать какой-нибудь популярный агрикультурный журнал и согласно ему улучшить свое хозяйство.

Страны с широкой грамотностью, страны с хорошо поставленным, хотя бы буржуазным, народным образованием могут иметь и относительно хорошего солдата, хорошего земледельца, хорошего рабочего, и когда Зап. Европа убедилась в этом, она усиленное внимание обратила на народную школу.

Однако она отнюдь не хотела, чтобы эта народная школа дала народу полное знание. Для чего это ему? Выдрессировать надо, чтобы он умел читать, писать, но надо, чтобы тут же поп вложил возможно большее количество своего христианского яду. Надо дать простолюдину технические умения до известного предела, но без серьезной научной подготовки, а главное—пресечь всякую возможность для человека из народа из этой узкой сферы так называемой народной школы перейти к какой-нибудь другой.

И это было сделано до такой степени искусно, что в России, напр., количество людей из крестьянства и рабочего класса, которые попадали в элементарную школу и затем переходили в школу среднюю, составляло всего $^1/_4\%$. Значит, один человек из 400 мог попасть в школу высшей ступени, когда кто-нибудь ему покровительствовал или когда это был сыночек богатого крестьянина и т. п. Таким образом человек из народа получает образование, в лучшем случае, в течение 3—4 лет и затем выбрасывается из школы. И если удается получить образование дальше

на дополнительных вечерних курсах, то там он совершенствуется только в своем ремесле. Так это сделано в тех видах, чтобы человек, получивши все знание, не сделался легко, может быть, социал-демократом. Вот почему в Германии, во Франции, в Англии, во всех странах Европы никакого хода из низшей школы выше нет. В Америке это не совсем так. Там процент рабочих или мелких фермеров, которые попадают в высшую школу, гораздо выше. Не меньше, чем 4—5%. Почему так? Америка не так боится выходцев из народа. Школа построена таким образом, что в нее попадает маленький процент рабочих городских и фермеров, но школа старается в них разжечь буржуазное сознание, внушить школьнику мысль, что ему надлежит отвернуться от своих. И нельзя себе представить ничего отвратительнее этих людей, которые стыдятся своих родителей, которые стыдятся своих товарищей из низшей школы, потому что они иначе одеты, иначе питаются и к ним иначе относятся господствующие классы. И замечательно, что германская политика, не пускающая рабочих и крестьян в среднюю школу, имеет свои невыгодные стороны для буржуазии, потому что талантливые рабочие остаются в своем рабочем классе, и поэтому в Германии очень много талантливых руководителей рабочего класса. В конце-концов количество сознательных администраторов и организаторов с.-демократов выросло в Германии до очень значительной величины. Наоборот, Америка умнее. У нее нет остатков феодализма, она делает этих людей своими офицерами, возводит в разряд своих покорных инженеров, и если бы не эмиграция, если бы не то, что отсюда, из Польши, из России, из Германии, постоянно приезжает в Америку беднота, там не было бы совершенно социалистических вождей. Там вождями социалистическими являются в большинстве случаев итальянцы, евреи, поляки, ирландцы, которые выехали из Европы. Коренные американцы, как только поступят в школу и как только там заметят, что это человек талантливый, они его приручают. В школе там даются сведения исключительно практические. Там преподается история в патриотическом классовом духе, там преподается закон божий, который отравляет сознание ребенка, затем там преподаются все науки в примитивном виде, только в течение 4 лет. В 12 лет мальчик ничему больше учиться не должен, он отправляется в качестве ученика на фабрику, на завод, в мастерскую, его вы-

талкивают из школы вон, его образование кончено. С законом божиим у буржуазии выходит недоразумение. Так, например, знаменитый немецкий педагог Паульсен заявляет, что преподавание закона божия в школе, явно расходясь с научным преподаванием других учителей, поселяет в учениках недоверие к школе. Поняв, что россказни библии, которые им передаются, являются антинаучными вымыслами, дети не верят уже и остальным учителям в их патриотической и т. п. проповеди. Вот почему, по мнению Паульсена, необходимо из классовой школы, задачей которой является обработать в интересах правящих классов маленьких людей, выбросить ее слабейший пункт, а именно закон божий. А с другой стороны, другой знаменитый педагог, Форстер, настаивает, что все попытки поставить школу без закона божия не удаются привилегированным классам. Никак нельзя, сетует он, уверить маленьких крестьян и пролетариев, что они должны проливать кровь за свою родину, в которой они являются эксплоатируемыми париями. Разумно раз'яснить справедливость такого порядка невозможно, и только привлечение воли божией и потустороннего мира дает возможность настоящим образом просветить патриотически, т.-е. отравить по существу головы и сердца учеников. Французы, отказавшись от закона божия приблизительно по тем же соображениям, как указывает Паульсен, постарались заменить его буржуазной гражданской моралью. Учебник этой морали, как говорит радикал, а не социалист Бюиссон, представляет из себя верх идиотизма.

Так мечется буржуазная политическая мысль: с попами глупо, и без попа не проживешь; с делом воспитания действительно все труднее и труднее. Культура до такого уровня дошла, что маленького француза или немца уже трудно надуть. Он начинает смотреть на все своими глазами, и отсюда школьный кризис.

Как сделать так, чтобы школа выпускала верноподданных, которые беспрекословно шли бы умирать за ту тюрьму, в которой их эксплоатируют? Это задача трудная.

Но не думайте, что лучше обстоит дело со школой так наз. средней. Средняя школа устроена была в Западной Европе так, что в нее поступают такие же маленькие дети, как и в низшие, но только дети буржуазные. Для того, чтобы в данную школу не входили бедные, были установлены высокие цены. Школа платная,

и плата установлена такая, чтобы рабочий никак не мог ее уплатить; есть некоторое количество бесплатных мест с таким расчетом, чтобы туда попадали дети из мелко-буржуазных семей. Тут проводится лозунг, который был высказан Толстым, что кухаркиным детям не место в гимназии; это лозунг обще-буржуазный. Тут преимущественно производятся офицеры всякой службы, будь то армейская или промышленная или вообще бюрократическая; здесь та масса, на которую капитал опирается, как на своих людей, как на своих приказчиков, чтобы руководить остальными. Когда правительство очень скверно, когда оно отстало, когда оно чудовищное, как было в России, то с величайшим недоверием относится такое правительство и к этим офицерам. Когда интеллигенцию всячески угнетают, когда держат страну в таком невежестве, в таком варварстве, что при отсутствии врачей врач не имеет заработка, что при отсутствии журналистов писатели живут в Сибири и им запрещено писать,—естественно, что и интеллигенция идет против правительства. Это правительство феодальное, помещичье. Недоверие к гимназии выражается в том, что назначаются директорами гимназии непременно черносотенники. Создаются колоссально глупые учебники и книги, и огромное большинство учебных заведений поставлено так, что от них пользы даже государству нет. На первом месте стоит преподавание мертвых языков. Когда-то эти мертвые языки, как латинский, были очень важны. Когда-то в Европе, сплошь католической, писатели писали по-латыни все книги; по-латыни писали и англичане, и итальянцы, и поляки. Это был тогдашний международный язык. Теперь латынь потеряла всякое значение. Слова о том, что изучение греческого и римского мира может быть проводимо только на мертвых языках, неправда. В средних учебных заведениях „классических“ на последнем плане стоит фальсифицированная и искаженная история культуры, которую преподает учитель истории два—три раза в неделю, а каждый день долбится грамматика, исключения, — все внимание направлено на форму языка. Оправданием этому служит то, что это как будто бы формально обучает ум, что это хорошо — заставить ребенка изучать то, что ему скучно, изучать то, что ему ненужно. Это де такая особенная гимнастика! На самом деле это делается для того, чтобы забить мозги человеку, которому не нужна грамматика, который ее забудет и который

должен покорно повиноваться, слушать и читать, что прикажут. Эти болванчики-гимназисты сидят в мундирах, не смеют пошевелиться, должны отвечать, когда их спросят, а все остальное время молчать. Но задается урок от сих пор и до сих пор, и они должны зазубрить то, что приказано; повсюду — повиновение, как в казарме. Количество сведений, которое выносят из гимназии, ничтожно. Так, например, университеты и технические школы приходили в ужас от неподготовленности этого материала. С реалистами было немножко лучше, но для того, чтобы вы убедились, какая разница между реальной школой и гимназией, я расскажу следующий случай. Когда Вильгельм II взошел на престол, к нему обратились педагоги, сторонники реальной гимназии, и говорили: нам нужны хорошие коммивояжеры, нам нужны хорошие капитаны, нам нужны хорошие счетоводы и инженеры. За каким чортом вы засоряете умы наших детей латинским и греческим языками? Мы требуем категорически, чтобы дали полезную школу. И Вильгельм, который стремился к империалистическим целям, благодаря которым Германия сейчас погибает, Вильгельм стал на эту же точку зрения: надо учить полезным вещам, потому что Германии придется торговлю и промышленность расширять, и известно, что в войне победит организованность.

Но закоснелые учителя-классики ответили ему:

Вы, ваше величество, хотите сделать огромную ошибку. Из реальных училищ, пожалуй, получатся лучшие знатоки той или другой специальности, но зато гораздо худшие верноподданные. Если хотите иметь настоящих верноподданных, их может дать только классическое воспитание.

Вот совершенно правильная постановка дела. Вильгельм просто ответил, что пусть де будут похуже подданные, но поумнее. Потом он раскаялся в этом. Позднее он прямо боролся против науки вплоть до того, что устранял иногда из университетов крупных ученых-естественников за их политические взгляды.

Буржуазная школа Америки и Зап. Европы несколько лучше, чем российская.

Интеллигенция прочно куплена буржуазией, поэтому особенно бояться давать такой интеллигенции знания нечего. Знающий инженер прекрасно знает, что ему будут устроены паи и акции в том предприятии, в котором будет он служить, что он будет полу-

чать громадный оклад и жить тем лучше, чем больше будет выжимать денег из рабочих для своего хозяина. Адвокат, журналист, врач—в большинстве случаев люди, купленные прочно, еще при отцах своих, и люди, ставшие той силою, которая подпирает буржуазный строй за совесть. Между тем для русского правительства долгое время слова революционер и студент были равнозначащими. Приходилось постоянно бороться против народа, поскольку он получал образование, а не давать никакого образования нельзя—нужны чиновники и специалисты. И правительство русское металось в этих тисках. Но заметьте, как только пришла в России буржуазная свобода, все студенчество оказалось на ее стороне, против пролетариата и его идеалов. Во время московской революции студенты стреляли в рабочих и составляли цвет белогвардейских отрядов, потому что они верили, что им с буржуазией будет лучше, чем с пролетариатом. „Чорт знает, что будет с пролетариатом, он груб, невежественен, будут нами командовать какие-то мужланы, это нам не с руки". В Европе средние школы рациональнее поставлены, и тем не менее они поставлены плохо, буржуазия там никак не может отвыкнуть от схоластической постановки дела. В Америке средняя школа поставлена лучше всего, и нам приходится очень присматриваться к тому, как американские буржуа построили школы для своих детей. Многое из того, что мы вводим в свою единую трудовую школу, есть социалистическое применение методов, введенных в обиход лучших американских буржуазных школ. Буржуазия боится учить совершенно реалистически. Когда приходится доводить науку до ее конечных выводов, то каждая наука непременно оказывается преисполненной социалистических тенденций. От этих конечных выводов не только вдребезги полетят какие-нибудь религиозные представления, но будет совершенно немыслимо защищать буржуазный строй. Если интеллигент, настоящий интеллигент, искренний, который думает не о том, сколько он заработает, на ком женится и как устроит свой домик, а именно хочет быть хорошим врачом, хорошим учителем, серьезно отдастся своей науке и додумается до конца, то он непременно сделается социалистом. Ибо как создать хорошую жизнь? Разве не является естественною целью каждого вдумчивого общественно мыслящего человека содействовать организации гармоничной жизни, в которой развивались бы все стороны человека и в кото-

рой эти развитые люди жили бы в братском сотрудничестве друг с другом ради счастья всех? Такие великие педагоги, как Руссо, Песталоцци, Гербарт, Фребель, не могли не подойти к этой задаче при свете подобного широкого идеала. Наука всегда толкала людей к социализму, если они были честны и смотрели достаточно широко.

Инженер должен поставить вопрос: как с наименьшей затратой сил производить побольше? Как устроить хозяйство так, чтобы не было убытков от конкуренции? И он скажет, что прежде всего нужно устранить капитализм; поскольку конкуренция является громадной растратой сил, поскольку основная техническая задача сводится к тому, как человек в наиболее безвредных для себя условиях может наиболее плодотворно производить и как отдельные предприятия слить в рациональную систему? Честный врач поймет, что лечение болезни—паллиатив, что первое для врача—профилактическая общественно-санитарная работа. Надо, чтобы жилища были хороши, надо, чтобы не было чрезмерного труда, чтобы было достаточное питание,—и люди в сто раз станут здоровее, и все это может дать только социализм.

Ни один интеллигент, который ставит свою специальную задачу во весь рост, не может не быть социалистом. Значит, чтобы он не стал социалистом, нужно убить его совесть, сделать его бессовестным, но это не всегда удается.

Крупные интеллигенты вследствие этого-то бунтуют часто, и целый ряд великих имен в последнее особенно время присоединился к социализму. Средних людей легче купить, но предварительно недурно их для этого околпачить. Все-таки лучше, если всей правды он не будет знать. Отсюда фальсификация и всяческий обман. В средней школе сохраняется для этого и в Европе прежняя учеба. Вы встретите сколько угодно людей, кончивших среднюю школу, которые вам не об'яснят толком самого простого производственного процесса. Его образование главным образом литературное; из школ среднего технического типа выходит человек со специальными знаниями, но тот оказывается дикарем во всем остальном, выходящий из нее знает только одну свою часть, а остальное не знает вовсе. Вот как построена школа средняя.

Что же мы, социалисты, противоставим этой классовой школе? Прежде всего так как классов не может быть в социалистическом обществе, то у нас не должно быть школы начальной или народной и школы средней. Всякий мальчик и всякая девочка, в какой бы семье они ни родились, вступают в один и тот же первый класс, в единую трудовую школу первой ступени. Так же точно каждый из них имеет одинаковое право по окончании 4 лет первой ступени перейти в 4 года второй ступени. Для всех единая школа. Конечно, нужно оговориться: для того, чтобы мы за каждым мальчиком и девочкой могли признать право на школу, мы должны иметь несравненно больше школ, чем их имеется сейчас. Пока наше хозяйство не станет на ноги, школа будет далека от идеала, ибо она зависит от хозяйства. Но из этого не следует, что мы не должны были ставить перед собой этих идеалов. Нет, мы должны взять на себя эту священную обязанность. Со школой второй ступени дело обстоит хуже, так как вторая ступень как раз соответствует бывшим классическим гимназиям и бывшим реальным училищам. Их в России крайне мало, заводились они только для буржуазии и буржуазной интеллигенции, их так мало, что в то время, как начальная школа могла вместить 60% всех детей, эти школы не могли вместить и 10%. Нам нужно расширить сеть школ второй ступени в десять раз, а школа второй ступени предполагает лаборатории, всякого рода физические кабинеты, подготовленных учителей и т. д. Вот какая гигантская задача стоит перед нашей страной. Ее можно выполнить только в течение многих лет. Что же делаем мы, провозглашая принцип, что каждый ребенок из первой ступени может перейти во вторую ступень, пока мы не можем обеспечить за всеми детьми такого перехода? Мы должны стоять на точке зрения перевода наиболее способных; часто более способным окажется тот, кто лучше подготовлен, у кого дома лучшая обстановка, кто может скорее расширить свои познания, чем крестьянин или пролетарий. Поэтому мне кажется в высокой степени правильным отдавать преимущество детям трудового населения. Мы никакого риска тут не имеем. Неправда, что таким образом мы переведем более тупых и менее даровитых детей в школы второй ступени. Наоборот, среди той массы крестьянских и рабочих детей, которые потому не могли переходить в среднюю школу, что до сих пор находятся

в худшем положении, чем дети из буржуазно-интеллигентской среды, масса талантливых детей. Мы называем нашу школу единой трудовой школой. Что это значит? Это значит, что буржуазия унаследовала от схоластической школы школьную учебу, т.-е. школу книги, учебника, устного урока, который дает учитель, и устных же ответов со стороны учеников, неподвижно сидящих на партах в течение определенного количества часов, школа строго разграфленной программы, усвоения на память. Мы считаем эту школу совершенно осужденной педагогической наукой. Даже лучшие буржуазные педагоги от нее уже отошли. Первое понимание трудового принципа заключается в том, что ребенок должен воспринимать предметы обучения через труд, т.-е. через живые активные процессы. Когда девочка играет в куклы, она готовится быть хозяйкой и матерью; когда мальчик играет в войну, он готовится быть борцом; дети вечно воображают себя взрослыми, вечно играют во взрослых и игрою во взрослых упражняются в том, что они потом будут делать в серьез. Игра есть метод самообразования. Школьная учеба игнорирует этот факт, она говорит: ребенок хочет бегать—посадите его на место; ребенок хочет сам творить, хочет сам заняться чем-то интересным для него—посадите его за латынь! Одним словом, тут идет борьба с самой природой ребенка. Мы стоим совершенно на другой точке зрения. Мы говорим: вся задача детских садов и первых годов школы заключается в том, чтобы дети играли целесообразно! Когда дети танцуют, поют, вырезывают, лепят, они учатся. Руководители должны все время так выбирать игры, чтобы возникали каждый день новые знания, чтобы каждый день дети что-нибудь приобрели, чтобы они могли каждый день научиться тому или другому маленькому ремеслу. И все это должно быть интересно. В школе первой ступени та же тенденция, но от игры необходимо переходить к труду в самом широком смысле слова, надо поставить дело так, чтобы дети приобретали знания играючи и вместе с тем трудились. Труд ведь веселая вещь, когда он не доходит до переутомления; учителя должны предоставить детям разбиться на группы, выбирать занятие и направлять их к получению известных знаний. Поставив себе определенную задачу, они должны дать детям подготовленный материал для обработки и выводов. Сущностью нового преподавания является не учеба, не задавание урока и не

спрашивание, а экскурсии, прогулки, зарисовка, моделирование и всевозможные трудовые процессы, путем которых ребенок сам проделывает обогащения своего опыта. Возьмем для примера геометрию; и вы скажете: вот у нас двор, разбейте его на части, на одной части будут грядки, на другой построим помещение для наших животных и т. д. Давайте сделаем это. И тут дети начинают гадать и думать, как можно этот двор разбить ровно на соответственные части. Тут вы им и покажете хотя начальные способы землемерия, потому что планиметрия есть землеизмерение. Точно так же, когда вы переходите к преподаванию стереометрии, вы клеите с детьми кубы, пирамиды, шары. Он сам клеит, сам из дерева делает тела, интимно знакомится с ними. Из этого куска дерева ты сделай правильный цилиндр. Ребенок испортит один, другой кусок; другой ребенок пусть ему поможет.

Вместо того, чтобы преподавать географию по нарисованной карте, вы покажите сначала в натуре, напр., что такое холм, что такое река, что такое равнина, как можно измерять волнистость почвы. Вы делаете вместе с детьми из глины плато, горную вершину, всем классом пусть выполнят такую карту окрестности, а потом какой-либо части республики, напр., Крыма. Это называется трудовым преподаванием. Усвоенных знаний никто не может забыть. Возьму, для примера, другой метод: театральный. Нужно, чтоб дети сами, своими силами подготовляли, например, к какому-нибудь школьному празднику постановку. Это великолепный урок, групповой трудовой акт! Главное дело здесь в том, что драматизация— ведь главный элемент игры. Когда дети играют в куклы или в разбойники, это очень близко к театру! Положим, мы проходим дикарский период истории культуры. Поживем же летом неделю как дикари, пойдем в лес, будем выбивать кремнем огонь, будем приготовлять пищу сами и т. д. Поживем таким образом, и при изучении патриархального быта давайте мы разыграем его, и получится вещь увлекательная!

Вот вы изучаете какое-нибудь средневековье, дети это должны усвоить: дайте им такое задание, постарайтесь описать, обрисовать отношение между цеховым рабочим и его заказчиком или между сувереном и вассалом с участием представителя духовенства, напишите так сцену, чтобы ребенок был заинтересован, тогда от такого урока он вынесет столько понимания средневековья, что никогда не забудет этого, ибо он это пережил, у него это в крови.

Вот такого рода преподавание играючи чрезвычайно важно.

Очень большое внимание приходится при этом обращать на рисование. Я говорю не об эстетическом требовании, не об обучении искусству, а о рисовании, как необходимой вещи, как письмо, как разговор. Неграмотен человек, который не умеет рисовать. В Америке школьный учитель обязан уметь весь свой урок нарисовать. Когда спросят его, как гусеница устроена, он нарисует тут же ее перед вами, и каждый ребенок должен стараться сделать то же самое. Карандаш или мелок в руках человека, когда он говорит перед большой публикой, это тот же орган его речи. Нужно уметь иллюстрировать свою речь.

Дети пошли гулять, зарисуйте прогулку. Вот здание такое-то—зарисуй. Вот дерево, которое в первый раз встретили, пришли назад домой и набросали рисунок по памяти. В виде „кроки" зарисуй дом, где ты живешь, как построен, как кровать стоит, где окно—нарисуй план. Вот эти наброски, эти иллюстрации чрезвычайно важны, потому что потом в жизни миллион раз встретится подобная надобность. Поручили детям организовать то-то и то-то—возьмите лист бумаги, начертите схему организации. Карандаш, как орган черчения, как орган иллюстрации,—совершенно необходимая вещь. Таково первое претворение идеи труда в школе. Кроме того, трудовая школа имеет еще другое значение. Мы не можем производить интеллигентов литературы, как производила прежде средняя школа. Трудовая школа должна всех научить трудиться. Значит, мы не только должны заботиться, чтобы учебные предметы воспринимались через труд, но надо научить детей самому труду.

Тут встречается у нас много последователей этой идеи и среди интеллигентов-толстовцев, которые тоже проповедуют устремление к труду.

Легко понять это пожелание не в коммунистическом, а в толстовском смысле.

Толстовцам кажется, что человек должен уметь и печь сложить себе, и сам хлеб себе испечь, и сапоги сшить, чтоб он мог себя обслуживать, и, чем больше человек может сам себя обслуживать, тем меньше ему нужен другой человек. Это мелко-буржуазный идеал. Коммунистический строй покоится на крупной промышленности, на фабриках и заводах. Разве можно заставить

человека, который работает на заводе, производит какие-нибудь ремни или гвозди, и его еще заставить дома, чтобы он сам себя обслуживал! Нет, мы не хотим, чтобы его жена стирала, а хотим, чтобы в одной паровой прачечной стиралось все белье, чтобы не сам он готовил себе обед, а чтоб имели хорошо оборудованные общие столовые. Коммунистический строй все переводит на индустрию, он стремится не установить самообслуживание, а наоборот, из-под власти мелкого труда перейти к громадным общественным учреждениям.

Конечно, детям мы этого сразу дать не можем. Конечно, мелкая буржуазия и крестьянское хозяйство в России существуют и будут долго существовать. И крестьяне, поскольку ставят нам задачи относительно профессиональной школы, стремятся к ремесленничеству. Ты научи мне его, чтобы он и подковы ковал, чтобы он и одежду шил. Мы не можем сказать, что теперь это уже не нужно. Но мы должны давать такие знания в деревне в особенности, но основная наша тенденция не та, и поэтому, когда трудовой школе придают часто характер самообслуживания совершенно толстовский, это идет вразрез с настоящей социалистической идеей. Иногда спрашиваете детей, чему вас научили за этот год. Они говорят: очень мало, не было времени учиться.— Что же вы делали? „Самообслуживались, каждый день дрова носили, пищу готовили, овощи чистили". Именно, если дети топят печку в школе, то, может быть, не столько для того, чтобы самообслуживаться, сколько для того, чтобы узнать на практике, что значит горение, почему дрова горят и почему дают тепло. На каждом акте, на приготовлении супа можно об'яснить уже и весь мир с его законами. Такого учебного характера мы часто не находим. Нам говорят: „Ну, все-таки они приучились к труду, они были белоручками, а теперь им ничто не страшно, они таскают и помои". Это совершенно толстовский подход. Дело оказывается не в том, чтобы создать настоящего гражданина коммунистической республики, а в том, чтобы сломить в интеллигентском ребенке отвращение к грубым формам физического труда. Я слышал от не очень разумных сторонников единой трудовой школы и такую вещь: каждый завод в России должен быть производителен, поэтому и школа должна оправдать сама себя. Можно засадить детей шить или строгать и продавать на рынке или пускать в обмен, отдавать совнархозу за деньги, и тогда школа

ничего не будет стоить. Тут полное непонимание того, что школа производит не товар, а производит знающего человека. Вот ее продукт. Продукт в знаниях и умениях ее учеников, а все остальное—подсобное. Конечно, детей надо приучать к тому труду реальному, который действительно полезен, не выдумывать для школы ненужный искусственный труд, какое-нибудь выпиливание из дерева рамочек, такой труд ничего не стоит, но нужно придумать для детей как раз такой труд, результаты которого были бы воспитательны. И труд в школе должен быть педагогичным, т.-е. должен быть произведен в таких порциях, чтобы ребенок учился, и если ребенок трудится и ничего не приобретает, то это преступление школы.

Ни одного часа труд не имеет права существовать в школе, если ребенок благодаря ему не сделался умнее и ловче. Это не значит, что нужно осудить труд в школе первой ступени. Наоборот, совершенно правильно американцы развивают ту идею, что нужно развивать ловкость рук, поэтому очень полезно, когда у детей школы первой ступени есть какая-нибудь слесарная мастерская, есть какая-нибудь столярная, токарная школа, если они умеют смерить, применить и точно выделать какую-нибудь вещицу. Приучать детей школы первой ступени к простым инструментам хорошо. Даже самообслуживание — прекрасная вещь, если им умело руководить. Какой-нибудь легкий ремонт школы, или огородная работа, или ухаживание за какими-нибудь мелкими животными, за кроликами, за козами, это чрезвычайно важно, прекрасно, но надо, чтобы, во-первых, дети не переутомлялись и чтобы всякий раз производились наблюдения, обогащался опыт. Не просто завести коров, чтобы они давали молока, — это привело местами к печальным результатам,—а дать детям, возясь с коровами, приобрести целый ряд знаний и зоологических, и физиологических, и технических, и ветеринарно-лечебных и т. д.,— словом, чтобы максимум знаний из этого извлекался.

Что касается школы второй ступени, тут дело обстоит совершенно иначе. На второй ступени, начиная с 10—12-летнего возраста, мы должны приучать детей к настоящему техническому, т.-е. по возрасту ф.-з. крупному общественному производству. Это делается по нашей программе политехнически, т.-е. мы не преследуем цели в этот срок от 12 до 16 лет делать ремесленника или хорошего рабочего мастера определенного цеха, металлиста или кожевника.

Мы должны заботиться о том, чтобы в 16 лет мальчик вышел с известным представлением о том, что такое промышленность вообще, чтоб ясно представлял строение фабрики, завода, паровую машину, динамо-машину, систему приводов, важнейшие станки разного рода, распределяя завод на цехи и на мастерския, чтобы знал, как функционирует склад, экспедиции, как получается сырье, что такое фабричная контора, чтобы все эти вещи он отчетливо представлял себе. Нужно во всех частях фабрики поработать, может быть, только по паре недель.

Школа приходит на фабрику, рассыпается на группы, расходится по разным цехам для работы и через несколько дней меняется. Когда дети возвращаются в школу, они суммируют свои знания путем рефератов, путем споров, потом учитель об'единяет все в одну картину. Спрашивает одного, другого, и у них фиксируется в памяти, что такое эта фабрика. Если они один завод знают уже, то на следующем им будет легче. Учитель укажет, что тут одинаково и что отлично и почему. Неважно, чтобы дети приобрели знакомство с огромным количеством таких производств. Достаточно, если они познакомились с самыми важными из этих производств. Желательно, чтобы в идеале каждый мальчик или девочка, кончая школу, имели представление о металлической индустрии, о текстильной индустрии, о химической индустрии. Эти производства должны быть им показаны. Наша страна отсталая, фабрик и заводов в ней мало. Есть города, в которых нет их совсем. Многие фабрики и заводы сейчас стоят. С этой стороны мы встречаем громадные затруднения, но главное— в неподготовленности учителей. Если нельзя показать несколько фабрик, показать одну, как пример, и затем при помощи чтения, при помощи живой беседы, путем показывания рисунков раз'яснить, чем отличается она от других. Если нет других фабрик, то очень может помочь железная дорога, изучение локомотивов, ремонтных мастерских ж.-д., большие пароходы, наконец, почтово-телеграфные станции. Ими надо пользоваться в маленьких городах, можно использовать любую паровую машину или типографию, или станцию для электрического освещения. По мере того, как у нас будет развертываться сеть заводов, и по мере того, как мы сможем возить детей куда нужно, делать более длительные экскурсии, мы это выравняем, и в течение 4 лет ребята будут видеть

значительное количество индустриальных заведений, и нужно их не только посещать, но и пробыть там достаточно долго. Тогда все предметы преподавания можно будет опереть на это.

Центральный основной предмет—история человеческой культуры, как развивались в зависимости от экономики все формы человеческой культуры. При изучении паровой машины вы наглядно расскажете, как появилась паровая машина, что было до нее; каждый урок чрезвычайно сильно оплодотворяется теми впечатлениями, которые ребенок получает от знакомства с индустрией. Индустрия так богата, в ней есть и вопросы химические, физические, вопросы гигиены, и чисто-экономические, и классово-политические. Учитель редко должен сам рассказывать, он скажет ученику: ты поищи в такой-то книге, сам расспроси рабочих, сам догадайся. Таким образом приобретается способность самостоятельной умственной деятельности. Позднее введите рефераты. Например, о русской текстильной фабрике, как она возникла, когда возникла и как устроена. Ученик должен подготовиться, собрать материал; вы должны указать некоторые руководящие нити в книгах, указать, кого должно расспросить, и он сам читает реферат. Затем устраивается дискуссия.

Надо ставить дело так, чтобы ученик не выучивал ничего на зубок, а сам все приобретал.

Недавно один талантливый человек, который хочет реформировать также фармацевтическое дело, говорил мне, что огромных результатов можно добиться, если заставить детей по данной таблице разыскивать и засушивать определенные растения. Одновременно вы научаете детей разбирать растения, даете прекрасный урок ботаники и затем собираете громадный и драгоценный аптечный материал. Это совершенно правильная идея. Пусть дети знают, что они делают самостоятельную, полезную, нужную работу. Конечно, не нужно перегружать ребенка, ему помогать, пусть он поищет, пошарит, потом вы ему говорите, что вот существует такой-то закон, такая-то формула, которая уяснит тебе многое, постарайся, вот этот частный случай тебе об'яснит с точки зрения вот этого закона. Положим, вы хотите дать детям представление о воздухе. Вы обращаете внимание ребенка, что предметы падают неравномерно, что камень скорее падает, перо медленнее, а надутый водородом шар летит вверх. Подумай,

раз'ясни, почему? Он скажет может быть, что одно легче воздуха, другое такой же приблизительно тяжести, а третье тяжеле. Он, может быть, подумает, что это зависит от об'ема предмета, но дать вам иную формулу он не сможет, и вам надо навести его. Дети должны, сначала играючи и потом все более трудясь, приобретать ряд знаний, которые должны быть заранее указаны в программе с тем, чтобы учитель в конце года мог проверить себя, все ли дал он, что нужно. Он может свой год разбить на более короткие промежутки времени, с календарным этапом. На первой ступени дети должны научиться особым формам этого труда—столярному, слесарному может быть и т. д. И такие вещи, какие велись в передовой школе буржуазной—огородная работа, садовая работа, ухаживание за животными, террариум, аквариум—все это полезно на первой ступени. На второй ступени мы главным образом переносим центр тяжести в технику, но не вырабатываем специалистов, а людей, которые знают всю технику более или менее. Он знает, что такое индустрия вообще, и в связи с этим получил живое представление об обществе с экономической и исторической точки зрения, и о законах физики, и о законах химии, и о законах биологии.

Россия, как страна земледельческая, никогда не может упускать из вида сельского хозяйства. Для огромного большинства русского населения город мало доступен. Хотя в план наш входит, чтобы дети сельские по крайней мере делали длительные экскурсии в город, но это сопряжено с трудностями и скорее городские дети могут делать экскурсии в деревню. Их меньше, а деревня велика. Но для самих сельских жителей трудовая школа приобретает невольно не столько индустриальный, сколько с.-х. характер. И действительно, до тех пор мы не поставим нашу трудовую школу на ноги, пока не сделаем каждую деревенскую школу с.-х. учебным заведением.

Сельская школа должна быть с.-х. Я об'ехал в настоящее время не менее 13 уездов, был в России и на Украине и очень много видел разных школ и много беседовал с крестьянами по поводу школ. В общем и целом крестьяне недовольны нынешней трудовой школой. Хотя в очень многих случаях учителя и учительницы стараются эту идею проводить. Но что получается? Учительница получила какую-нибудь книгу Блонского, какую-ни-

будь брошюру Калашникова, она не плохо представляет себе индустриальную школу, а фабрик нет, станков нет! Как же все это проводить в жизнь? Но она прочла также, что ритмическая гимнастика хорошая штука, лепка хорошая штука и рисование, а много учебы плохо. И вот она дело поставила так, что дети занимаются грамматикой мало, арифметикой мало, но зато массу времени лепят, рисуют, танцуют и поют. Крестьяне волнуются и говорят: ну вот, иконы вынесли, уму-разуму не учат, закон божий совсем изгнали, а все время поют и танцуют, прежде было лучше— чуть разбаловались детишки, учительница по затылку им даст, а теперь до того довели ребят, что мальчишку захочешь ударить, а он говорит: тятька, это запрещено сов. властью! и выйдут из них какие-нибудь стрикулисты, это нам не с руки, мы такой школы не хотим и учительницу кормить не будем.

И что же, по-своему крестьянин прав. По-старому ему кажется, что ребенка нужно вымуштровать, бить, страх божий внушить и дать грамотность, а все остальное не нужно. Это плохие мысли, но ведь действительно эстетическая школа в деревне—дело очень второстепенное. И когда приехал я в одну школу и увидел, что все стены оклеены детскими рисунками, что на это потрачено много времени, я понял, что это должно производить удручающее впечатление на крестьян. Беда в том, что учитель в с. х. и природе понимает мало. Научить в этом смысле ничему не умеют, граблей от лопаты не отличит, говорят крестьяне, и не могут питать уважение к школе.

Между тем русский крестьянин в с.-х. отношении страшно невежествен; если бы русский крестьянин применял то с. х., которое применяется в Германии, то мы имели бы урожаи в 6 раз высшие самого большого урожая в России, а если бы применяли те научные методы, которые применяются теперь в Западной Америке, то совсем нельзя сказать, что бы тогда было, потому что американцы развернули дело так, что им не нужно ни дождя, ни солнца. Они совершенно устранили всякое понятие о неурожае. Они определяют, какой длины должно быть зерно и какое количество зерен в том или ином сорте пшеницы, они изменяют свойство почвы, прибавляя в нее разные вещества или прививая почве микроорганизмы, и делают в смысле обеспечения урожая настоящие чудеса. В сравнении с ними наши крестьяне самые подлинные дикари, и вот если бы школа могла дать ему помощь ,он бы считался с ней.

Нужно, чтобы русская агрономическая наука протянула свои щупальца к крестьянству именно через учителя и через детей. Для этого мы стараемся теперь устраивать наши осенние и весенние кампании, когда дети под руководством учителей принимают участие в работах и получают тут же и урок естествознания, и урок с. х. Нам приходится собирать учителей на краткосрочные курсы, на которых агрономы должны читать лекции. Первый год, конечно, можно сделать мало, но через несколько лет мы добьемся того, что каждый сельский учитель будет знать основы агрономической науки, будет получать хорошие с.-х. журналы, будет иметь с.-х. библиотеку и сможет действительно сказать крестьянину что-нибудь и относительно новых типов с.-х. орудий, и как их починить, если они испортились, и сможет дать совет, какое рациональное удобрение применять, и т. д. Изменить все крестьянское хозяйство, поднять на высшую высоту—это задача Наркомзема, но если школа будет внедрять такие знания в нерациональное крестьянское хозяйство, то крестьянин будет уважать школу. Мы распорядились чтобы каждая школа имела кусок земли. Надо, чтобы учитель постепенно на этом куске земли развернул образцовый сад, образцовый пчельник, чтобы там было по возможности образцовое поле.

Следует еще прибавить момент политический. Как сказано в резолюции VIII с'езда партии, школа должна быть источником познания, обучения труду и гражданского обучения.

Каждая сельская школа должна быть центром образования не только детей, но и взрослых, т.-е. при каждой школе—это наша цель—должна быть небольшая книжная лавка и библиотека-читальня, при ней должен быть маленький внешкольный центр. Здесь читаются лекции для взрослого населения. Школа должна быть источником пропаганды и агитации. Как аппарат внешкольный и школьный, она должна стремиться сорвать дело попа, убить религиозные предрассудки, чтобы бороться с властью какого-нибудь кулака, со всевозможными предрассудками, вплоть до эсеровских, чтобы развертывать перед крестьянином правильное понимание, что такое коммунистический строй, что такое советская республика, что такое революция, откуда она возникла, чего хочет; чтобы при помощи газет, при помощи ежедневной информации, постоянно через детей на родителей и прямо по отношению к родителям вести неуклонно эту пропаганду.

И тогда наши учителя, которые должны иметь на одного, конечно, не 50—60 детей, а не более 25, станут распространителями просвещения в деревне. И нельзя говорить скептически: когда-то это будет. Сейчас нужно это делать; самое важное—поставить себе правильную цель.

Государство в наших руках, да, мы побеждаем наших врагов, мы не сразу, но сладим с хозяйственными вопросами. Придет то время, когда фронт просвещения будет выдвинут, как главный фронт, когда будет выдвинут лозунг: все на просвещение, тогда мы пойдем вперед, и все то, что я говорил, будет осуществлено.

Есть люди, которые говорят, что вот 2½ года мы бьемся, как рыба об лед, и ничего еще не сделано. Но сразу сделать всего нельзя, здесь нужно пройти определенные этапы. И сказать теперь, что лучше стоять на реальной почве и вернуться к старой школе—это величайшая ошибка. Мы от наших коммунистических идеалов отступать не можем, хотя бы выполнение их было очень трудным. И крестьянин, и рабочий прекрасно знают, что дело не делается так, что тяп-ляп, и вышел корабль. Когда задача большая—построить гигантское здание, нужно положить очень много труда и настойчивости и не сетовать на то, что крыши нет, когда мы только фундамент начали строить.

Единая трудовая школа отличается даже от самых лучших школ Западной Европы. Когда наша декларация о единой трудовой школе была переведена на иностранные языки, то газета „Норддейтше Альгемейне Цейтунг", газета в высшей степени буржуазная, писала: „В первый раз правительство намечает программу подлинной народной школы. Если бы большевикам удалось этого достигнуть, то, само собой разумеется, у них была бы школа несравненно более высокая, чем в любой другой стране... Но это конечно, химера и, конечно, утопия,—они этого сделать не могут"... В то время буржуа думали, что вообще дело русской революции представляет собою только эпизод, эксперимент. Только теперь они стали вопить о большевистской опасности, теперь им кажется, что это не эксперимент, а большая мировая гроза, которая может погубить их самих.

Значение совпартшкол и их место в системе народного образования.

(Речь на с'езде совпартшкол.)

Товарищи, на первом с'езде совпартшкол мне не пришлось принимать участия совершенно и поэтому мне хотелось бы сегодня высказать несколько основных идей, которые руководящие лица Наркомпроса вкладывают в свое отношение к совпартшколам.

Я хотел бы высказаться по поводу места, которое совпартшколы занимают в общей системе народного просвещения. Поэтому моя сегодняшняя вступительная речь не будет сводиться к простому приветствию от Наркомпроса; я попрошу несколько расширенного вашего внимания. Надеюсь, что затрата этого времени не окажется совершенно бесполезной при дальнейшей работе.

Само собой разумеется, товарищи, было бы совершенно смешно говорить об общей важности задач просвещения. Можно только подчеркнуть ту особенность нашей страны, которая с необычайной силой выдвигает на первый план задачи просвещения, а именно, что Россия в социально-политическом отношении занимает первое место в мире. Она сделалась фактически авангардом в продвижении в коммунистическое будущее. И мы все знаем, что ни энтузиазм, ни революционная самоотверженность, ни какая-либо кон'юнктура политического характера не позволит нам удержать это место авангарда и выполнить без срама для себя и без ущерба для мировой задачи возлагаемые им обязанности. Мы знаем прекрасно, что прочной базой действительно успешного продвижения к коммунизму является достаточное развитие капиталистической культуры в данной стране. Мы прекрасно понимаем, что капиталистическая некультурная страна не может в течение долгого времени играть роль застрель-

щика в общем продвижении и что если бы во-время западно-европейский пролетариат, растущий III Интернационал во всем его об'еме, не пришел бы к нам на выручку, то, вследствие всех исторических законов, в силе которых мы не сомневаемся, последовало бы полнейшее поражение. Совершенно прав товарищ Троцкий, когда он говорит, что как только социальная революция перекинется в те или другие страны Запада, то к пролетариату этих стран перейдет положение гегемона и колонновожатого мировой революции.

Но если непосредственная экономическая действительность непосредственная высота экономического развития есть об'ективная база для прочного развития коммунизма или переходных к коммунизму общественных форм, то надо сказать, что все-таки огромное значение рядом с этим имеет и общая культурность. Она обыкновенно идет параллельно с развитием капитализма, и поэтому в нашей капиталистически отсталой России она выражается также и в крайней культурной отсталости нашей. Товарищ Ленин чуть ли не в каждой ответственной речи подчеркивает эту крайнюю некультурность нашего крестьянства, очень значительную некультурность нашего пролетариата и даже достаточную-таки некультурность самой партии коммунистов.

Мы не подготовлены к той гигантской задаче, хозяйственной и политической, которую мы должны разрешить. Если мы, пользуясь тем, что завоевали полную и подлинную политическую свободу, хотим в кратчайший срок, на локомотиве, которым является, по слову Маркса, революция, догнать соседа, сжечь несколько этапов культуры, развернуться, чтобы почувствовать нормальную базу под своими ногами, то мы должны усиленно заботиться о техническом и общем образовании народных масс. Решение этой задачи является абсолютно необходимым. Никакими другими способами, кроме народного образования, вести основательную борьбу больше нельзя. Подготовить всякого рода специалистов, администраторов, руководителей и технический персонал никакими другими способами, кроме развития просвещения (развернуть самостоятельную промышленность и поднять культуру), мы не можем. Наша политическая задача в мировом масштабе может быть развертываема нами также только в том случае, если мы будем опираться на соответствующе подготовленные массы. С этой точки

зрения мы могли бы сказать: да, перед нами стоит почти безнадежная задача—подвести прочный фундамент, начиная с просвещения, под нашу отсталость. Конечно, мы не из тех людей, которые отчаиваются, и делаем все зависящее от нас до сверхчеловеческих мер для того, чтобы эту задачу разрешить. Я считаю, это задача трудная, но не неисполнимая. Дело в том, что наша партия представляет единственное в своем роде человеческое об'единение, совершенно небывалое в истории. Другого подобного человеческого коллектива мы в истории не знаем. Каким образом оно сложилось? Ее основное ядро, вокруг которого группируется нынешняя РКП, создалось при самом благоприятном для ее крепости условии, т.-е. при самом неблагоприятном быте ее членов. Она развивалась, как подпольная партия, в которую могли вступать люди только совершенно самоотверженные, отвергающие всякий личный расчет, готовые во всякое время положить жизнь свою за определенные идеи, только такие люди могли в царский период вступать в партию, и из этих людей и подобралась наша партия.

Характерной чертой нелегальной партии является то, что она с самого начала состояла из людей, не мечтавших о карьере. Но при этом к сознательным марксистам примыкала под знаком научного социализма та часть интеллигенции и самого рабочего класса, которая неспособна была к научному об'ективному подходу к событиям, требовавшемуся марксизмом, и, с другой стороны, если марксизм мог привлечь к себе очень большое количество интеллигенции, которая осознала, что для продвижения в политической борьбе к политической власти необходимо опереться на рабочий класс, которая осознала важность капитализма в общем развитии России, то подобные элементы, полу-марксистские, опять-таки не могли примыкать к РКП на том основании, что им недоставало революционной энергии, они уходили в теоретическую работу или марксистский фатализм, становились меньшевиками. Мы имели совершенно особый подбор людей отважных, людей активных и развернувших свой природный ум при свете марксизма. В течение десятилетий находясь в подполье, стремясь постоянно охватить из него массы, партия выросла в такое единство, что сделалась как бы истинной аристократией того народа, который ее выдвинул в эти годы, и параллельного явления мы нигде не находим. Какие

другие крупные революционные партии в истории человечества мы встречаем? Либо эти партии создались в разгар революции, как величайшие наши предшественники якобинцы великой французской революции: никаких корней в прошлом, никаких заранее обдуманных планов, ни теоретической, ни практической подготовки; или это легальные партии, которые существовали десятки лет и получили политическую и теоретическую подготовку, но в такой атмосфере постоянных компромиссов, парламентщины, свободной журналистики, которые понизили их революционный об'ем. Особенность РКП в том, что она в течение 25 лет постоянно проверяла каждого своего сочлена, выдвигала их на определенные посты, смотрела, как он выполняет работу, заменяла другим человеком, если он был непригоден. Это позволило ей составить такие штаты партийно-проверенных товарищей, которые дали нам совершенно опять-таки ни с чем несравнимый государственный штаб, и выразилось все это в конце-концов в колоссальном авторитете руководящего вождя этой партии, Вл. Ильича Ленина, которого колоссальная научная подготовка, тактические дарования и огромный вес в глазах партии не мог бы создаться в один день, для этого нужна была долголетняя подготовка нелегальной рабочей партии, которую мы проделали в течение почти $^1/_4$ века. Затем, когда мы победили, когда началась нынешняя великая революция, то все железное, энергичное, все разумное устремилось в РКП. Мы изо всей страны стали выжимать все лучшее, не только из рабочего класса, но даже далеко за его пределами из крестьянства и интеллигентской бедноты. Несмотря на то, что мы в течение всех этих 5-ти слишком лет живем в положении чрезвычайно стесненном, победа была одержана. Тут только могла явиться приманка для людей, шедших к нам не только из идейных и революционных соображений. Вот почему мы производили безжалостную и энергичную чистку нашей партии, не останавливаясь перед ошибками и тяжелыми осложнениями, и партия смогла таким образом действительно широко захватить в свои ряды активные элементы и выбрасывать из партии все то, что могло ее разжижать. Вот эти особенности нашей партии— ее исключительная научность, выдержанность, дисциплинированность—заставляют думать, что многое, что было, недостижимо и что, казалось бы, является недостижимым при тех условиях, в которых мы сейчас живем, для нее окажется по плечу, и вот с этой обна-

деживающей мыслью о том, что силы РКП громадны и что многие намеченные задачи могут быть выполнены, я хочу перейти теперь к некоторым соображениям более детального характера.

Наша партия, как марксистская, естественным образом не может вести свою пропаганду не научно. Пропаганду партия ведет, как таковая, т.-е. как группа лиц, стремящихся к власти и проведению определенной программы путем привлечения членов в свою среду и распространения сочувствия вокруг себя. Поскольку дыхание партии является именно пропагандой, эта пропаганда, поскольку мы обращаемся к русскому мало-культурному пролетариату и еще менее культурному крестьянству, не может не сопровождаться значительной научно-просветительной работой. Для нас политическая пропаганда нашей партии никоим образом не отделима от общего поднятия культуры всей страны. И, с другой стороны, если мы поставим вопрос, как его дальше поставил Наркомпрос, не партия, а именно Наркомпрос, которому поручена, как советскому органу, забота об общем народном образовании, то мы должны сказать, что Наркомпрос сам не может разрешить ее без распространения марксизма. Марксизм—это необходимый элемент народного образования, он не только важен, но абсолютно необходим. Мы не можем себе представить, как это можно заниматься народным образованием без того, чтобы не вкладывать марксистского воззрения в голову каждого, кто должен сделаться сознательным гражданином РСФСР.

Здесь имеется совпадение задач, и наша совпартшкола, если бы на минуту стали рассматривать ее только как партийную школу, поставляющую членов партии, тем не менее не может быть не заинтересована в общем научном образовании; с другой стороны, Наркомпрос не может обойтись без этих школ.

Вообще говоря, Россия представляет собой громадный пустырь не только в смысле недостаточной обработанности, в смысле недостаточного подхода к лежащим в ее недрах богатствам, в смысле отсутствия путей сообщения и т. п., но и в смысле использования внутренних сил самого населения. Все это не организовано ни в отдельной личности, ни в коллективе. Все это подлежит реорганизации, напряженнейшей, огромнейшей реорганизации; и, конечно, реорганизовать можно только на основе весьма точного знания. Но что такое представляет коммунистический работник, который

не знает России, у которого нет конкретных знаний? Я не хочу сказать, что марксист должен стремиться к универсализму, к тому, чтобы быть мастером на все руки, и с этой точки зрения подготовить себя во всероссийском или всемирном масштабе. Наоборот, совпартшколы вовсе не должны подготовлять человека, который способен сделать все, что ему прикажут: акушерское дело или добывание угля. Но, конечно, и не такого человека, который с молодых ногтей приспособлен к одному какому-то делу, нет, он должен получить такой марксистский фундамент, который вооружит его марксистским методом и сделает его как раз способным в кратчайший срок примкнуть к какой-либо специальности. Нам нужно, чтобы был построен первый этаж, на котором второй этаж—специалистов—легко можно было бы возвести, и если нужно переменить специальность, то чтобы и тут человек нашелся. Тут нужно, провести ту идею, которую мы проводим в трудовых школах, т.-е. политехническую. Это вовсе не верхоглядство и не многознайство. Но это не односторонняя техника, это тот основной фундамент, который можно повернуть куда угодно. Но не потому, что он абстрактен, а потому, что в нем заложено то конкретное содержание, которое необходимо, как предпосылка, для революционной практической деятельности. И отсюда вытекает та же самая чрезвычайная необходимость в своеобразных нормах: не хватать через край, прорабатывать наиболее напряженно некоторое ограниченное основное конкретное научное содержание. Можно сказать, что нам надо во что бы то ни стало в громадной степени практически приблизить марксистские методы преподавания к конкретным государственным задачам. И нам нужно омарксистить всю Россию до последнего предела.

Смешны толки, которые появляются и в партии, о том, что партия, как таковая, должна заниматься своей партийной пропагандой, вербовкой членов, устройством своей собственной организации и только. Что собственно наша партия в настоящее время имеет своей целью, которая определяет 999 тысячных ее существа? Укрепление ее власти в России и использование этой власти в наиболее максимальном приближении к конечной цели. С этой точки зрения мы можем сказать, что вся партия целиком должна уйти в советскую работу. Партийные работники в узком смысле должны подготовлять людей, лозунги, которые применялись бы ко

всему рабочему классу, к крестьянству России, ко всему нашему хозяйству вообще, а через них к задачам мировой революции. Конструирование партии, ее рост и укрепление есть государственная задача—всероссийская и всемирная, и всякая работа на пользу РСФСР, какую бы часть ее мы ни брали, как бы далеко ни отошли от специфически партийного дела, есть в конце-концов партийная работа.

Прежде всего нужно сказать, что задача, которая стоит перед Наркомпросом, эта государственная и партийная задача—колоссальна, и смешно было бы ожидать, что мы быстро сможем двинуть ее с места—у нас нет средств, народное образование стоит огромных денег, а их у нас нет. Можно сказать, что только в этом году мы начали переходить от провала, от дыры к какому-то заштопыванию, медленному и болезненному. Правда, смета Наркомпроса являет собой менее печальное зрелище, дойдя с $3^1/_2$ до $7^1/_2\%$ бюджета. Несомненно, местные средства представляют теперь что-то более или менее конкретное, но тем не менее экономический вопрос испытан и на партшколах, которые некоторые называют „школами для привилегированного сословия“. Вы чувствуете, что эти ваши „лицеи и пажеские корпуса“ обставлены не очень жирно, и, следовательно, вы можете умозаключить, как обстоит дело с другими, менее привилегированными учебными заведениями. Экономический вопрос стоит во весь рост, но мы не призваны здесь его разрешать, и я его коснулся только вскользь. Другое препятствие, пожалуй, еще большее, так сказать, коренящееся в суб'екте того, кто несет просвещение, в просветителях в целом. Тут мы сами слабы численными и, может быть, качественными силами. И особенно бедны мы всякого рода профессорами и учителями вплоть до сельских учителей и ликвидаторов безграмотности. Суб'ективные свойства всей этой большой армии в высшей степени безотрадны. Я ни на минуту не могу отрицать того, что у учительства, несмотря на голод, которым его морили и морят, есть колоссальная жажда знания, есть симпатия к нам и желание с нами работать и дальше, и даже у худших из них есть глубокое сознание, что эту большевистскую беду не изживешь, и любо или нет, а приходится служить, даже у худших есть известная почва для совместной с нами работы. Но это не значит, что у них есть способность работать. Пусть он от всей души хочет рабо-

тать с нами или волей-неволей пошел за нами, но у всех этих лучших или худших нет предпосылок, они никакие марксисты, никакие педагоги с точки зрения наших требований к ним, и суб'ективно они не сознают иногда своей колоссальной удаленности от масс, нисколько не думают, что они ведут контр-революционную пропаганду, но, преподавая то, что им свойственно, они тем не менее ведут контр-революционную пропаганду. Положение чрезвычайно тяжелое; ведь заменить всю эту армию некем. Идут в разных местах экзамены, переэкзаменовки учителей. Но если вымести дочиста непригодных учителей, то и самые школы нужно закрыть. Конечно, я не отрицаю, что такая мера заставит учителей подтянуться, а указываю только на то тяжелое положение, в котором мы находимся. Нам приходится отводить огромное место переподготовке нашего преподавательского персонала. Она идет поневоле медленно, пока вырастут новые.

Теперь относительно красной профессуры. Институт красной профессуры является при всех несовершенствах украшением нашей системы народного образования. Пока что мы вынуждены пользоваться той профессурой, услуги которой являются наиболее полезными в технических областях, но становятся менее полезными и, наконец, делаются совершенно вредными для масс на факультетах, где преподаются предметы, близкие к гуманитарным наукам.

Когда я читал брошюру „Задачи и организация совпартшкол", я натолкнулся несколько раз на очень важное, с моей точки зрения, соображение, заключающееся в том, что нам нельзя итти вперед быстро, что это нерасчетливо и мы никогда не сможем итти вперед даже ровным шагом. Не подлежит никакому сомнению, что мы наполним наши школы детьми пролетариата и крестьянства. Самыми слабыми пунктами остались два: высшие курсы, университеты и школы второй ступени. Что касается остальных школ, то достаточно вам будет указать, что в процентном отношении они достаточно наполнены теми элементами, на которые Советская власть опирается. Но я не буду касаться вопроса о детских школах, так как он не подлежит обсуждению на этом с'езде. Обратим внимание на рабфаки и вузы. Совершенно правильно говорит брошюра, что они подвергаются чрезвычайной опасности. Я пристально приглядывался к тому, что сейчас переживает эта молодежь, в полном смысле слова надежда России. Что

она переживает? Не говоря о том, что, когда мы набираем несколько десятков тысяч человек рабфаковцев-студентов, мы, лишая их куска хлеба, отрывая их от работы на местах, ставим сразу в невыносимое положение. Путем давления на партию нам удалось делать положение рабфаков от времени до времени сносным. Допустим, что оно сейчас сносно, хотя это трудно допустить. Мы стоим перед такой картиной. Когда рабфаковец, курс которого длится три года, становится студентом, он попадает в болото нищеты, которое его засасывает, он оказывается совершенно без общежития, без пищи, без одежды, без того, что сейчас нужно для самой скромной жизни,—у него ничего нет. Надо постоянно пополнять рабфаки. Надо содержать тридцать, сорок, а некоторые говорят, что и все 50 тыс. учащихся на государственный счет три-четыре года. Но затем и в университете надо их поддержать в такой же точно мере. Пока эта экономическая задача страшно трудна. Эти вопросы совершенно конкретно показывают, что нам придется в скором времени подумать о тормозах, поэтому-то и расширение сети совпартшкол, которое, конечно, желательно, немыслимо для данного момента.

Есть и другие опасности для нашей молодежи, которые вам всем хорошо известны и знакомы—одно препятствие полностью, другое в несколько ослабленной форме. Первое, о чем брошюра не упоминает, заключается в крайней психической переутомленности этих рабфаковцев и новых студентов; они великолепно подготовлены в смысле жажды знаний и революционного настроения они имеют прекрасные физиологические способности, у них емкий, живой мозг, и он представляет собой благодатную почву, в которую можно сеять, но они тем не менее не привыкли к абстрактной научной работе и к целому ряду приемов методологических, к которым они приступают впервые. Можно было бы колоссально облегчить им работу, проведя те реформы, которые вы уже проводите у себя. Нужно бросить им те мосты, которые являются не вульгаризацией преподавания, а его усовершенствованием. Новые студенты и рабфаковцы требуют, чтобы с ними говорили конкретно, не с кафедры, а в кабинете и лаборатории, они улучшают этим университеты, они не стаскивают профессора за полу тоги с его кафедры, как это думают ученые мужи, а возвышают его из схоластика до высоты настоящего учителя народной молодежи. Сам

рабфаковец или студент, получивший подготовку вольным образом и поступивший в университет, встречает стену в методах, которых он не понимает. Переутомленность тех, кто в этом году начал работать, колоссальная, сказывающаяся огромным количеством всяких неврастений и невроистерий, часто приводящая к бегству от этого дела, к развитию всякого пессимизма и разочарования. Если мы процент этого краха высчитаем, то увидим, что это довольно значительный процент.

Другая опасность, которая вам известна, о которой говорится в специально изданной к этому с'езду брошюре, это та, что мы подвергаем этих молодых, умственно плохо вооруженных, людей влиянию академической среды профессоров, из которых 99% явно враждебны нашим взглядам и которые подходят к науке с совершенно чуждой нам точки зрения.

В большинстве случаев студенты смотрят на профессоров отрицательно, без всякого доверия и как будто говорят: „ври, знаем мы тебя, ты ведь буржуазный агент". И при такой постановке дела, ясно, ничему научиться они не смогут. Как в конце-концов на молодую душу воздействует это преподавание, сказать трудно, но опасность тут не малая. Если вы обратите на это положение ваше внимание, то вы увидите, что по главному фронту рабфаковцев, первых курсантов вузов и технических школ с придачей к ним школы 2-й ступени, улучшение преподавания идет крайне медленно. Мы в этом огромном наступательном фронте имеем такое контр-движение, мы плывем против такого течения, что мы сможем проделать это страшно медленно, и как бы ни заботились о том, чтобы социальный прием был почище, какие бы органы контроля ни поставили, как бы ни поставили клубную работу, все равно массовое продвижение в этом направлении будет медленно, и кто сознает, что крыша над ним горит и нам ждать нельзя и что нам нужно иметь контингент готовых работников, тот прекрасно знает, что эта медленность продвижения способна возбудить отчаяние.

Вл. Ильич Ленин в своей речи на последнем конгрессе Коминтерна заявил, что крестьянство и пролетариат шлют нам своих молодых людей в большом количестве. Они будут нашими завтрашними спецами, они заменят неверных нам спецов или окружат их такою сплошною стеною, что они вынуждены будут хорошо слу-

жить нам. Мы ведь уже воспользовались таким способом офицерством, как командным составом для воспитания рабоче-крестьянской армии. Я уже сказал, как болезненно и туго это идет, нам нужно еще сначала повлиять на профессуру сверху, дать педагогов для самого этого командного состава, поддержав их политически и морально. Нужно иметь еще большую закваску, а мы имеем только членов РКП, какие они есть и сколько их есть. Их не хватает, члены РКП разрываются на 10 частей, и все разговоры о мобилизации их напрасны. Откуда их мобилизовать? Каждый сидит на своем месте и имеет работы больше, чем на двоих, и нагружать его еще работой невозможно. У нас получается Тришкин кафтан: либо есть рукав, либо полы короче колен. Вот это и заставляет нас возлагать особенные надежды на быстро растущее продвижение, которое мы делаем в области совпартшкол, поскольку они подтягивают нашу партийную молодежь, пронизывают ее сознанием теоретически и практически, поскольку они отшлифовывают учащегося для любой работы. Совпартшкола делает ключ к ларчику, где таится большой ключ ко всему народному образованию.

Вся система партшкол есть как бы авангардный налет, как бы просвещенский кавалерийский рейд, которым мы заходим в тыл позициям невежества. Большой фронт от системы школ по ликвидации неграмотности до коммун университетов есть все же наступление по относительно узкому фронту, которое заставит дрогнуть врага и даст потом возможность продвигаться всей армии. В самом деле, нам нужно начать с того, чтобы получить несколько тысяч новых, вполне подготовленных к своей работе, работников вдобавок к тем, которые практически научились кой-чему в жизни.

Мне не зачем распространяться относительно того, какой характер должна получить совпартшкола, потому что все это есть в тех резолюциях, которые вам будут предложены, как материал. Поэтому предложенные резолюции правильно подходят к разрешению этой задачи: в экстренном порядке подготовить нам новых работников. Разумеется, такие вопросы целиком одним с'ездом разрешаться не могут, вы сделаете только большой шаг вперед, а затем придется еще многократно вернуться к ним.

Я выскажу только несколько соображений относительно самой программы и метода. Прежде всего мне показалось, что в тех

резолюциях, которые предложены вашему вниманию, как будто бы недостаточно подчеркнута необходимость хотя бы элементарной выработки целостного миросозерцания. Конечно, марксизм, как социальная наука, есть громадная доля миросозерцания. Но, говоря о естественных науках, сказано, что они должны итти по таким главным линиям, как география, биология и т. д. Я не вполне понимаю, что разумеют под географией. Всем известно, что такое география. Но включает ли она под видом этой географии что-либо из космографии, истории развития вселенной? Всякому, кому приходилось—а мне приходится вести просветительную работу, пропаганду—знает, какая это огромной важности вещь.

Человек должен дать себе отчет в той природе, частью которой он является, а рассказывая историю науки о вселенной, можно сообщить чрезвычайно много поучительнейшего с марксистской точки зрения. Кто не имеет этого, тот, по существу говоря, по моему мнению, наполовину марксист: у него нет фундамента, нет мировоззрения, а вокруг он встретит, к сожалению, даже не людей без мировоззрения, но огромное большинство, которое имеет таковым мировоззрение религиозное, христианское, с которым нужно бороться. Я вот не знаю, включается ли все это в ваших подходах к географии. Обратите на то большое внимание, потому что я не уверен, что на это обращено достаточно внимания.

Я хочу сказать еще, что нам грозит немалая опасность погружения в варварство. Один остроумный журналист в „Накануне“, Ливидов, пишет о том, что Россия превращается в страну здоровых варваров. Они решительно, говорит он, отметают все то, что непосредственно не нужно для жизни, они приноравливаются к потребностям тех низших по образованию слоев населения, которые могут довольствоваться немногим. Россия возвращается к средним векам, откуда с большим напором пойдет вперед в далеком будущем. На одном из заседаний Совнаркома тов. Лебедев рассказывал нам о новых изобретениях, касающихся истребления людей, и говорил, что у нас должно быть все, как у людей. Но ведь это относится не только к усовершенствованным пушкам, но и ко всякой технике—до самого последнего рабочего станка. Нам никоим образом нельзя так рассуждать о здоровых варварах. Мы—страна только во втором счете промышленная, и нам приходится опираться главным образом на крестьянское хозяйство, на земле-

делие. Но тут мы обязаны прямо сказать, что мы, считаясь хотя с этой базой мелкого земледелия, все же научно прогрессировали максимально. Можем ли мы ограничиваться примитивными, так называемыми восстановительными задачами? Талантливый тов. Яковлев изрек вдруг, что борьба с вошью и ликвидация безграмотности—это все, и нечего заботиться о внешних формах культуры, остальное придет, мол, само собой. Но рассуждать так, конечно, мы не можем. Или вдруг появляется какая-нибудь книжка, которой смысл заключается в том, что 18 тезисов ее выучишь, и никакой науки больше не нужно. Предлагают студенту-рабфаковцу грызть науку зубами—но какая же ее масса, этой науки!—а то предлагают ему как-нибудь обойтись и без нее. Надо помочь молодому человеку усвоить самое необходимое, помочь ему самому занять командные высоты мировоззрения и заставить его зарубить себе на носу, что существует в мире гигантская культура, которую нам надо усвоить и воспользоваться ею, как оружием, направленным против наших врагов. Мы не видим, как появляются, может быть, бессознательные шарлатаны, которые предлагают в 24 минуты создать для пролетариата совершенно новую науку, искусство, мораль и т. д., и я с ужасом вижу, что эти люди иногда имеют большой успех среди молодежи.

Совпартшколы представляют тот могучий аппарат, который должен ликвидировать это совершенно.

Товарищи, я думаю, что самый метод, которым мы подходим к разрешению общей задачи просвещения, превращая в особо ударный аппарат его совпартшколы,—метод безусловно верный. Я думаю, что глубокое и постоянное сотрудничество партии и ее органов с Наркомпросом будет в этом отношении в высшей степени важно. Наличность у нас в коллегии таких лиц, как заведующий агитпропом тов. Бубнов, крайне полезна. Мне думается, что ЦК и Наркомпрос должны быть связаны еще больше, чем это было до сих пор. Задача просвещения становится сейчас, очевидно, важнейшей; конечно, она задача нашей партии, как и все остальные государственные задачи, и она эти вопросы разрешит. Мы хорошо знаем, что сейчас, когда мы все проникнуты глубочайшей скорбью по поводу болезни Вл. Ильича Ленина, всякая обывательская публика думает, что это поведет к ужасному ослаблению нашей партии, что в ней начнутся острые разногласия и это послу-

жит сигналом нашим многочисленным врагам, что наша единая неделимая партия начнет давать трещину. Конечно, это абсолютнейшее самообольщение врагов,—ничего подобного не произойдет, и мы проникнуты надеждой, что в ближайшее время Вл. Ильич вернется к работе и что партия представляет такую громадную силу, что временный отход того или другого из ее вождей не может поколебать ее твердого шествия вперед. Я думаю, что вместе с приветствием вам от Наркомпроса я сделаю хорошо, если предложу с'езду, во-первых, высказать пожелание скорейшего выздоровления и возвращения к работе Владимира Ильича Ленина, во-вторых, высказать партийному с'езду, который на-днях начнет свою работу, полную вашу уверенность, как работников в одной из важнейших областей партийной работы, в успешности той работы, которую он будет вести, и продвижения к победе, которой и ваш с'езд должен мощно содействовать.

Коммунистическая пропаганда и народное просвещение.

Дело народного просвещения в классовом государстве, о чем мы неоднократно писали, всегда носит классовый отпечаток.

Выделим временно так называемые об'ективные знания, данные точных наук, хотя упомянем и здесь, что аромат классовости умеет тончайшим образом забираться даже в самые, казалось бы, недоступные уголки науки, вплоть до математики.

Но если мы остановим наше внимание на науках гуманитарных, то здесь мыслители, отличающиеся наибольшей точностью методов, как раз и устанавливают в последнее время наличность огромных доз суб'ективности.

Изучение методов, вольно и невольно применяемых, например, историками, приводит к выводу, что личное уравнение играет здесь капитальную роль, и даже самое об'ективное историческое исследование представляет собой в конце-концов совершенно оригинальное об'единение материалов, из которых другие историки могут вывести с неменьшей добросовестностью и научной основательностью противоположные выводы.

Помимо невольного классового оттенка, который придается таким образом плодам научных работ, а стало быть и преподаванию их, мы имеем перед собой еще более или менее грубые формы прямой фальсификации данной науки в угоду тем или иным классовым предрассудкам или в службу тем или иным классовым интересам.

Народное просвещение, как область государственной деятельности, с этой точки зрения всегда было орудием приспособления психологии масс к видам того или другого классового правительства. Само собой разумеется, что общепросветительная политика классового правительства разнообразно преломлялась в разных слоях социальной среды.

Преподавание ставило иные цели по отношению к воспитанию господствующих классов средних, так сказать, группы надсмотрщиков и низов, являющихся только об'ектом и рабочей силой для государства.

Мы ни на минуту не отрицаем, что и социалистический строй на первой стадии его развития, т.-е. в эпоху диктатуры пролетариата, представляет собой общество классов. В нем определенно имеется политически господствующий класс, именно пролетариат, и притом по самому существу приходится признать этот класс находящимся в суровой борьбе за свое господство и под постоянным риском поворота колеса истории назад.

При этих условиях народное просвещение ни в коем случае не может не рассматриваться, как серьезное орудие классовой борьбы в руках пролетариата.

Вся разница между насильническим государством буржуазии и государством пролетарской диктатуры заключается в том, что усилия первого направляются на укрепление и увековечение самого государства, а вместе с ним и закрепощение одних людей другими, усилия же второго направлены, так сказать, к самоубийству, т.-е. к созданию таких условий, при которых само государство перестало бы быть нужным, и к полному раскрепощению всякой человеческой личности.

Орудием-путем является, однако, тоже насилие.

В области народного просвещения эти положения отражаются в том смысле, что просвещение и весь государственный просветительный аппарат должны быть использованы в целях коммунистической пропаганды, насилие может проявиться в том смысле, что лица, являющиеся элементами государственного просветительного механизма и вредящие делу коммунистической пропаганды или отказывающиеся быть по меньшей мере ее пассивными проводниками, должны быть беспощадно устраняемы из государственного аппарата.

В то же время аппарат этот должен по возможности наполняться элементами, способными служить активными проводниками коммунистической пропаганды.

В соответствии с существенной разницей между государством, как формой насилия буржуазии, и государством, как формой насилия пролетариата, мы и здесь видим со стороны буржуазии

стремление насильно навязать через школу (равно как через прессу и т. п.) свою буржуазную ложь.

Коммунистическая же диктатура, не останавливаясь перед насилием, старается распространить максимум своей пролетарской и общечеловеческой правды.

Тенденциозность буржуазного государства является отвратительной, как меч буржуазного государства является проклятым орудием античеловечности.

Напряженное распространение коммунистических знаний есть тоже тенденция, но тенденция благородная и целиком служащая интересам развития человечества, как коммунистический меч в переходную эпоху является в полной мере рыцарственным орудием защиты угнетенных против угнетателей.

До настоящего времени в нашей практике не произошло не только слияния, но даже, я бы сказал, простого сближения между задачами коммунистической пропаганды и народного просвещения.

Какое может существовать народное просвещение для коммуниста вне коммунистической пропаганды? Разве мы, пропагандисты коммунизма, занимались когда-нибудь чем-либо, кроме народного просвещения? Разве революционная пропаганда не есть самое подлинное народное просвещение в области наиболее необходимой народу, наиболее насущной?

Когда поднимается вопрос о том, что Комиссариат Народного Просвещения должен сделаться орудием коммунистического просвещения, могучим органом пропаганды коммунистических идей среди всего населения Советской России, то возражения немедленно возникают с двух сторон.

Что говорят нам сторонники чистого и об'ективного просвещения?

— Как! Вы хотите подчинить науки тенденциям определенной партии! Вы хотите принести в жертву обучение населения чисто-митинговому воздействию на него, путем агитационным и т. д., и т. д.?

На эти возражения мы отвечаем: никто не посягает ни в малейшей мере ни на свободу научных изысканий, ни на широчайшее, в идеале нашем бесконечно более широкое, чем до сих пор, просвещение народа об'ективными знаниями: знаниями

языка, математики, естественных наук, художеств, технических приемов и т. д.

Это общешкольное образование именно потому и может быть у нас совершенно свободным, что пролетариат и его идеал не боятся ни в малейшей степени света истины.

Еще Лассаль указал на это естественное слияние „четвертого сословия“ с наукой.

Но мы знаем, что школа обязана, во-первых, преподать детям и юношам прошлое человечества, дать картину настоящего и осветить надежды будущего и что сделать это с абсолютной об'ективностью не может никто на свете, ибо эта абсолютная об'ективность скрыта от человеческих глаз.

Мы знаем, что на самом деле под видом об'ективности детям и юношам стараются преподать эту историю с отсталой точки зрения, с точки зрения отсталых классов (помещиков, буржуазии) или промежуточных межклассовых групп, с точки зрения разных мелких интеллигентских идеалов.

Если говорить о научности и об'ективности, то, разумеется, все это просто глиняные черепки по сравнению с базальтовой твердостью научно-социалистического подхода к истории культуры.

Требуя из соображений пролетарской тактики наполнения школьного и внешкольного обучения духом научного социализма, мы, положа руку на сердце, могли бы требовать того же, и исходя из соображений наивысшей научной об'ективности.

В сущности нет такой науки и нет такого технического умения, которое не имело бы отношения к идее коммунизма или коммунистическому строительству.

Наоборот, всякое знание, будь то самое отдаленное от общественных вопросов, знания законов природы, всякое техническое умение освещается новым светом, когда мы смотрим на природу, как на лестницу законов все более сознательного строящегося всечеловеческого разумного и счастливого коллектива, когда на каждую работу мы умеем посмотреть, как на часть, стройно входящую во все более разумные планы общественно-культурного строительства.

Поэтому рациональные возражения сторонников независимости школы не должны смущать нас ни в малой мере, школа будет

независимой от печального прошлого человечества, наиболее об'ективной, наиболее научной, если она сделается возможно более коммунистической.

Но мы встречаем, к сожалению, возражения и с другой стороны—от наших товарищей-коммунистов, и в том числе прежде всего от пропагандистов нашей партии.

Они боятся, что если Комиссариат Народного Просвещения будет признан господствующим органом пропаганды коммунистической истины, то в широкий орган общего просвещения вольется струя чисто-партийной пропаганды, что вопросы злободневные—политика, тактика, обучение программе и т. д.—растворятся в безбрежности общего просвещения.

Я даже встречал возражения, формулирующие эту мысль с большей наивностью; некоторые товарищи с серьезным видом доказывали мне, что нельзя взять дело пропаганды у партийных людей и передать его учителям гимназии.

Само собой разумеется, что было бы чудовищным допустить хотя на одну минуту подобное разжижение нашей партийной пропаганды посторонними элементами; не об ослаблении ее идет дело, а об ее усилении.

Партийные пропагандисты и персонально, и в тех самых организационных соединениях, которые сейчас у них существуют, остаются, и никакому новому контролю, кроме контроля Ц. К., они не подчиняются. Связь их с местными партийными организациями остается совершенно неприкосновенной, и они получают к своим услугам весь аппарат Комиссариата Народного Просвещения. Они могут внедряться в него, они могут пользоваться нашими школами, народными университетами, народными домами, библиотеками, театрами, концертами, выставками и т. д.

Дело не в том, чтобы подчинить партию Комиссариату Народного Просвещения, да еще притом включая в него и его непосредственный учебный и ученый персонал, весьма далекий в подавляющем большинстве от всякого коммунизма, дело именно в том, чтобы этот аппарат и этот персонал подчинить партии как можно прямее.

Повторяю, никакого ущерба той работе, которая уже ведется, от этого произойти не может, ибо никаких изменений в деле партийной пропаганды, сближением ее с работами Комиссариата

Народного Просвещения, не вносится; зато в работу Комиссариата Нар. Просвещения вносится существеннейшее изменение, поскольку оно, стремясь превратиться в орудие распространения коммунистической науки и научного коммунизма, не может выполнить этой задачи без самой сугубой поддержки коммунистической партии.

Итак, мысль, которую я желал бы видеть обсужденной и усвоенной нашими партийными пропагандистами, заключается совсем не в том, что партийная пропаганда должна быть частью работы Ком. Нар. Просв., а в том, что работа Ком. Нар. Просв. должна быть весьма и весьма важной частью работы коммунистической партии.

О преподавании истории в коммунистической школе.

(Лекция, прочитанная на сентябрьских педагогических курсах в Петербурге в 1918 г.)

Я хочу сегодня побеседовать с вами на тему о преподавании истории. Мне кажется, что эта тема, пожалуй, явится наиболее важной из тех, которые я мог бы предложить вашему вниманию [1]).

Прежде всего далеко не является бесспорным, надо ли вообще преподавать историю в правильно поставленной школе. На первый взгляд кажется диким самое сомнение относительно необходимости преподавания истории, потому что мы привыкли к тому, что уже издавна этот предмет является включенным в программу школ; в течение столетий считали мы, что знакомство с прошлым человеческого рода естественно входит в курс образовательных наук.

Однако тем не менее весьма авторитетные и талантливые мыслители выступили против этой идеи. Между ними мы видим Ф. Ницше, который в целом ряде пламенных страниц доказывал, что одной из гибельнейших особенностей нашей культуры является ее историчность. Он считал, что современный человек черезчур обременен всякого рода воспоминаниями, связывающими его примерами, традициями: словом, старое мертвое захватило живого и не пускает его. Ницше доказывал, что человек, который рас-

---

[1]) Лекция была прочитана при далеко недружелюбно настроенной аудитории учителей в 18 году в Петербурге. Не уступая аудитории ничего в принципах, я старался выдвинуть на первый план тот присущий коммунистическому подлинному марксизму практический революционный идеализм, который, по моему мнению, легче всего может привлечь к нам симпатии лучших интеллигентов.

Вопросы преподавания истории были позднее прекрасно разработаны институтом гуманитарных наук при Наркомпросе под руководством такого мастера, как М. Н. Покровский. Все же я думаю, что предлагаемая лекция может оказаться и сейчас полезной. (*Примечание 23 г.*)

сматривает себя, как некоторое передаточное звено от совершенно определенного прошлого к неопределенному будущему, склонен к детерминизму, к рассматриванию себя, как единицы, все поведение которой установлено этим мертвым прошлым. Подобный человек так парализован этим сознанием, что не обладает революционной отвагой в деле строительства.

Вы знаете, в эпоху французской революции энциклопедисты относились к истории, как к враждебной стихии. В знаменитой книге Вольтера „О сущности истории“ так и говорится, что из истории можно учиться тому, насколько глуп человеческий род, какую массу ошибок он совершал, и только в последнее время,—говорит Вольтер,—разум начинает проникать в отношения человеческие. Вольтер был человеком предрассветных сумерек, а французская революция считала, что разум уже вторгся целым потоком света в историю. С этой точки зрения на первый план выдвигали не традиции, не господство истории, а господство разума, строящего все сызнова.

Когда после французской революции наступила эпоха реакции, то эта реакция между прочим опять выдвинула историчность против рационализма. На место естественного права или разумного права она опять поставила историческое право. Опять стали повторять, что если человек будет бунтовать во имя разума, во имя какого-нибудь принципа против установившегося в течение веков курса событий, то все его старания будут напрасны.

С другой стороны, правда, эта историческая школа, в лице великого философа Гегеля, указала и другое, а именно, что прогресс человечества—это факт, человечество движется вперед, и так же точно невозможно ускорить и видоизменить его развитие, не считаясь с прошлым, как и задержать это развитие во имя прошлого, ибо прошлое, настоящее и будущее—это одна цепь планомерного движения, в котором воля отдельного человека не играет существенной роли и которое развертывается по своим законам, для Гегеля законам логическим.

Так вот мы прежде всего ставим такой вопрос: поскольку мы приучаем человека мыслить исторически, даем ему очень большое количество знаний о человеческом прошлом, да еще к тому же внушаем ему мысль о закономерности развития,—не делаем ли мы его рабом этого прошлого? Ведь, действительно, в течение долгого

времени человечество живет под обаянием прошлого. Если взять жизнь той же деревни, то там до сих пор вы, вероятно, услышите часто повторяемую фразу: „Как отцы и деды жили, так и нам нужно жить". Это ведь основной принцип психологический, который держал человечество в рабстве, в косности в течение десятков тысяч лет, ибо человек в огромном большинстве случаев, в огромные периоды своего развития, был консерватором, благоговел перед прошлым. Все вековое казалось ему священным, а все новое— подозрительным, глупым, странным, чуждым.

Мы теперь приходим к выводу, почти прямо противоположному, мы склонны думать почти так же, как думали революционеры французской революции, что все старое заражено известными пороками, что все старое это есть ночь человеческого полусуществования, потому что оно заполнено развитием общества классового, в высшей степени несправедливого, где права и счастье большинства были принесены в жертву меньшинству общества, основанного на заблуждении и невежестве одних и на хищничестве и насилии других.

И поскольку мы так относимся к этому прошлому, не является ли опасным такого рода историческое обучение, которое, в сущности говоря, как будто бы впадает в старое русло чрезмерного интереса к этому прошлому?

Однако при ближайшем рассмотрении совершенно ясно, что такая постановка вопроса является в высокой мере абстрактной. Если мы возьмем вообще понятие истории, если потом мы будем подменять его представлением о прошлом и будем говорить в терминах настоящего, прошлого и будущего, тогда, конечно, мы можем строить только блестящие парадоксы. Но если мы поставим вопрос не вообще о том, должна ли преподаваться история, а о том, *как* преподают историю и нельзя ли ее преподавать *так*, чтобы она *не была* препятствием к творчеству, то мы войдем в самую суть дела.

Прежде всего в старой школе очень большую роль играла, в полном смысле слова, мертвая история. Вообще всякая зубрежка, всякое запоминание известных правил, чисел или фактов ради самого запоминания играли в этой прежней школе чрезвычайно большую роль. Теоретики старой школы так и говорили: „Важно не знание, которое приобретает ученик, а формальное развитие его

мышления, и для этого совершенно несущественно, какое содержание ему дается, нужно только гимнастически упражнять ум". Когда человек делает гимнастику, разве вы говорите после этого: „Ну вот, люди двигали руками и ногами, а что из этого вышло?" Никто этого не станет спрашивать, потому что продуктом явилось упражнение мускулатуры, все тут делалось для упражнения. Так же говорила и старая школа: совершенно не важно, приобрел ли человек какие-нибудь знания, а важно, что он упражнял свой мозг, формальные и логические способности. С этой точки зрения рассматривалось и преподавание мертвых языков. Говорили: „Нам совершенно неинтересно, полезны ли будут человеку латинский или греческий языки, а важно то, что они мощно упражняют его духовные способности". Таков аргумент формальной школы. И только по мере того, как развивалась новая реальная школа, поставившая на первый план именно приобретение знаний и заявившая, что приобретение реальных, нужных для жизни познаний и умений лучше всего развивает человеческий организм и его способности,— формальная полусхоластическая школа стала медленно уступать ей место.

Формальная школа и к истории относилась чрезвычайно своеобразно. Все сводилось в ней к запоминанию огромного количества хронологических дат: когда родились и умерли цари, когда происходили различные сражения и т. д. Если вы возьмете обычную хронологию и увидите то количество битв, происходивших в разных местах между разными народами, которые надо запомнить ученику, вы скажете: „Для чего, при какой надобности, при каком жизненном случае понадобится цифрами на память определять, когда имели место разного рода бойни во все века?" Но этого требовали на экзаменах. В эту хронологию вкладывался чрезвычайно сухой перечень событий мировой истории, под которой нужно разуметь исключительно внешнюю историю, перемежающуюся с анекдотами о великих людях, главным образом с коронами на головах. Это было, действительно, мертвое обременение памяти. Думали, что достигают развития человеческой памяти, а на самом деле загромождали ее, так как память должна развиваться в том направлении, чтобы путем свободной ассоциации идей в каждый данный момент, взявши какой-нибудь исходный пункт, можно было бы мобилизовать все свои познания.

Таким образом эта мертвая история не заслуживает никакой пощады, она должна быть искоренена полностью. Ей нет места в свободной школе.

В сознание европейского человечества в течение XIX столетия очень сильно вкоренилась правильная по существу идея, что ни одно явление не может считаться изученным, если оно не рассмотрено в генезисе и эволюции. Мы живем в большом лесу фактов, и нам нужно знать относительно каждого дерева, относительно каждого растения, как оно зародилось и развилось. Среди них есть молодые деревца, есть очень старые, и каждое должно быть ретроспективно исследовано. Только тогда, когда мы знаем происхождение и развитие каждого такого социального растения, мы знаем его в сущности.

Метод такого подхода, конечно, правильный, и из этого делали вывод—история является де одной из доминирующих наук, потому что показывает, откуда произошла и как развилась та или другая страна или то или другое отдельное учреждение и т. п.

Но к этому вопросу примешивались еще и некоторые социальные тенденции. Формальная школа преследовала совершенно определенную цель — до некоторой степени затупить сознание подрастающей молодежи. На это имеются прямые доказательства. Имеются докладные записки немецких педагогов, которые они подавали высшей власти, защищая формальную школу. Там они прямо и определенно заявляли, что формальная школа дает истинных верноподданных и что это верноподданство оказывается покачнувшимся там, где место формальной школы заступает школа реальная. В латинской школе в формальном и мертвом преподавании истории была явно эта тенденция замертвить мозг, превратить его из живого критикующего существа в мертвый аппарат.

В школе с подходом методически-историческим тоже была своя тенденция. Вы знаете, что идея революции постоянно противопоставляется идее эволюции. Самое это противопоставление совершенно нелепо, ибо как же можно отрицать тот факт, что в природе имеют место катастрофы? В июле прошлого года мы присутствовали при гигантской катастрофе—горела в течение 12 дней звезда первой величины, которая потом погасла[1]). Это был, конечно,

[1]) Как раз подобное явление имеет место в день, когда я перечитываю эту работу, раннею весною 23 года.

необ'ятный мировой пожар. Так что научная теория эволюции нисколько катастроф не отрицает. Взрывают динамит, а он в одну секунду разносит громадные скалы. Это не противоречит законам природы, это только значит, что сила потенциальная, сила скрытая, мгновенно превратилась в силу действующую. Эти силы были в скрытой форме, имелось предрасположение к тому процессу, который потом выразился во взрыве. Но тем не менее эволюционная тенденция, отрицающая революционный принцип, так постоянна, так прочна, что на недавнем совещании с профессорами по вопросу о реформе высшей школы господа ученые даже в этом 18 году щеголяли перед нами заявлениями о том, что они, как ученые геологи и биологи, не могут согласиться на слишком революционную реформу.

Все в природе, согласно этой теории, происходит путем медлительного процесса; это свойственно де и истории. Никто больше, чем историки, не старался закреплять это антитворческое представление о непременной медленности и постепенности общественного развития. Исходя из совершенно правильного метода изучения происхождения и развития каждого явления, историки стали носителями апокрифа, ереси о медленности всякого нормального развития, стали проповедниками медлительности.

Само собой разумеется, что такой историзм должен быть также совершенно определенно искоренен из школы не только потому, что он противоречит той творческой полосе, в высокой степени катастрофической, в которую человечество вступило, но и потому, что он бьет в лицо самой науке, так как история полна революций, полна внезапных катастроф.

Но, помимо этого, история в старой школе преследовала и другие определенные цели, из которых можно выделить 2 главных. Прежде всего это было обучение любви к родине, любви к отечеству. И в настоящее время еще Всероссийский учительский союз на последнем своем с'езде, идя по стопам учителей буржуазной Западной Европы, стал говорить о том, что необходимо придать изучению истории национальный характер и воспитывать в учениках „здоровую любовь к родине".

Я не знаю, что разумеется под здоровой любовью к родине. Что это значит? Поскольку дитя говорит на своем родном языке, оно к нему привыкает и его любит. Но значит ли это, что оно

должно утверждать, будто русский язык самый лучший, а французский и немецкий никуда не годятся? Бросается в глаза нелепость такой постановки вопроса. Значит ли это, что он должен предпочитать свой родной язык другим языкам, или нет? А если он не должен предпочитать свое родное, то в чем, собственно, выразится этот национальный взгляд? Это до некоторой степени проклятие человечества, что мы не можем слиться в единую человеческую семью, потому что языки, разнородность быта создают препятствие к такому братству. Есть ли хоть один разумный человек, который бы не сказал, что перед лицом бойни, которая в течение трех лет отправляет на кладбище человечество, мы можем мечтать о чем другом, как не об уничтожении национальных перегородок, благодаря чему исчезла бы возможность бросать немецкого рабочего на русского и т. д.

Та постановка вопроса, о которой идет речь, что нужно де подчеркивать национальный характер воспитания—любовь именно к своему прошлому, русским особенностям и т. д., она льет воду на мельницу господ, которые желали бы посредством этого приема создать военную мощь для такой России, при помощи которой можно было бы защищаться от нападения других разбойничьих единиц и нападать на них. Эти другие „разбойничьи“ единицы—Германия, Франция и т. д.—точно так же, конечно, воспитывают национальное чувство у себя. У соседей всегда предполагается тенденция на нас напасть, и вы прекрасно знаете, что эта тенденция, действительно, кроется под патриотизмом. Любую книжку вы возьмите за эти годы, и вы увидите, что какой-нибудь патриот, Милюков, великолепно считает, что защищать Россию—это значит забрать Константинополь, потому что это де необходимо для развития России. Таким образом из этого кровавого клубка никоим образом вырваться нельзя. Самая здоровая любовь к родине заключается в том, что ее никакая школа привить не может. Если я родился в известной обстановке, то у меня есть привычка к этой хотя бы скудной природе с чахлыми березками, я буду невольно предпочитать ее всей роскоши юга, я буду ее любить, и для этого не нужно, чтобы мне прививали эту любовь. Мне не нужно вдалбливать, что я должен любить свои родные пейзажи. Это глупость, это все равно, что учить блондина быть блондином. То же самое можно сказать и относительно любви к своему языку.

Поскольку это язык моей матери, я к нему предрасположен, я на нем получаю образование. И мы настаиваем, чтобы каждый инородец мог учиться на своем родном языке.

Но тут заметьте, когда мы скажем, что татарин, или киргиз, или башкир должны учиться на их языке, то русский патриот ответит: как же, вы таким образом раздробляете Россию, губите ее, потому что вы отрываете инородцев от русской литературы, вы отдаете их узенькой национальной культуре.

А когда вы настаиваете на преподавании прежде всего русского языка, разве вы этим не отрываете их от мировой литературы, разве вы этим не ставите перегородок?

Нет, будем в этом отношении совершенно об'ективными и скажем: нужно воспитание *интернациональное*, человеческое. Воспитывать нужно человека, которому ничто человеческое не было бы чуждо, для которого каждый человек, к какой бы он нации ни принадлежал, есть брат, который абсолютно одинаково любит каждую сажень нашего общего земного шара и который, когда у него есть пристрастие к русскому лицу, к русской речи, к русской природе, понимает, что это—иррациональное пристрастие, с которым, быть может, не надо бороться, если в нем нет ограниченности, но которое отнюдь не нужно воспитывать. Это воспитание было необходимо только там, где русского солдата надо было бросить на германского или иного какого-нибудь солдата. Там нужно учить, что все остальные солдаты басурмане, что все остальные неверные, все остальные „немцы". На этой культурной стадии надо воспитывать враждебное чувство по отношению к другим и преувеличенную преданность к своему; национальное воспитание тесным образом связано с милитаризмом.

И, конечно, есть люди робкие, люди без горизонта, которые говорят: позвольте, если мы не будем вооружены, если не будет патриотизма, то наши соседи разорвут, растерзают нас и т. д.

Если мы так будем говорить, так будут говорить немцы, будут говорит шведы и т. д., то мы не вырвемся из кровавого болота. Так бы и было, если бы судьбами человечества руководила буржузная интеллигенция.

Иначе думает рабочий класс, которому в самые недра его души запала мечта об об'единении всех пролетариев. И только благодаря национальной школе, проклятой национальной школе в Германии,

где немцы искуснее всех поставили свое преподавание патриотизма, только потому, что этой национальной школе удалось с детских лет настолько притупить немецкое сердце, что призывы интернационала оказались еще поверхностными, — только потому возможна стала мировая бойня.

Вот почему мы, социалисты, прежде всего должны положить в основу преподавания интернациональный принцип, принцип международности, принцип всеобщности человечества. И только с этой точки зрения всемирная история может нами преподаваться.

Вторая сторона дела—это этические примеры, примеры всякого рода доблести, почерпывавшиеся доселе из истории. Очень часто они совпадают с тем патриотизмом, о котором я говорил, и история фальсифицируется в указанном духе. Если вы возьмете учебники всех стран, то вы скажете, что история там не научная, всякий историк подтвердит, что это маргариновая история. Но нам возразят, пожалуй: да, она изменена в воспитательных целях для того, чтобы развивать патриотизм и дать примеры исторической доблести.

Если школа классовая, то подбираются соответствующие примеры. Например, в самодержавной стране нет более удобного примера доблести, чем, скажем, легендарный подвиг Сусанина.

Наоборот, если возьмете школу во времена французской революции, то вы увидите, что и там историей пользовались, как примером доблести. И в картинах Давида, и в речах конвента, и в каждой почти семье не рядом с Библией, а выше Библии чтились книги Плутарха, и можно сказать, что Плутарх в некоторой мере оказался властителем умов и подрастающего поколения, да и зрелого, потому что у Плутарха-то находили примеры республиканской доблести. Им нужно было укрепить свой патриотизм, тогдашний французский патриотизм, который об'являл войну дворцам и мир хижинам, нужно было укрепить тот патриотизм, который сливался в то время с заветами великой революции. И они старались вернуться к республиканскому Риму, чтобы там почерпнуть примеры высокой республиканской гражданственности.

Я думаю, что такое этическое использование истории всегда и при всяких условиях возможно, но вряд ли может быть в какой-нибудь мере задачей школы. Школа — это учреждение научное. Она ни в коем случае не может и не должна подчинять свое

преподавание каким-нибудь частным целям, выбирать, например, из всего моря исторических фактов одни и замалчивать другие, чтобы таким образом на известного рода обмане построить свое воспитание. Поэтому как неправильно, когда учителя монархисты собирают все, что говорит во славу королей и против республиканского режима, так неправильно, когда республиканец собирает все, что может представить королей чудовищами, и старается выдвинуть все, что говорит за республиканский режим. И в том, и в другом случае нет преподавания истории, есть только стремление насиловать волю и естественное развитие интеллекта подростка или ребенка, пользуясь его невежеством и представляя перед ним факты в одностороннем освещении. Поэтому такого рода этическая задача истории также должна быть отброшена.

Резюмируя, можно сказать: мертвая история, загромождающая память фактами и цифрами хронологии, должна быть отброшена, преподавание истории с той точки зрения, чтобы научить людей идее постепенности, закономерности, эволюции, должно быть отброшено; преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено. И поскольку эти четыре основы должны быть отброшены, остается очень мало от преподавания истории в старой школе.

Теперь перехожу к положительной стороне моей проблемы. И здесь опять мы у дверей встретим того же самого Ницше. Я нарочно опираюсь на него для того, чтобы показать, в какой мере вопрос этот может быть спорным. Тот же самый Ницше, который убедительно опровергал необходимость преподавания истории, написал изумительную по красноречию тираду, в которой говорит об историческом человеке. Он говорит: приходит человек, которому не чужд ни один из моментов прошлого человечества, который реально чувствует все, как будто бы он сам страдал с первым дикарем, как будто бы смена дня и ночи, счастья и горя, гонений и победы, которую переживало человечество, все пережито им самим, будто бы он есть момент в развитии одного и того же существа, которое чувствует себя наследником всего этого прошлого, имея в своем сердце, как сокровище, всю скорбь, всю радость и все надежды его, лицом обращен к его будущему, по отношению к

которому рассматривает себя, как творца, как определитель этого будущего и как промежуточное звено между многострадальным прошлым и светлым грядущим.

Здесь Ницше намечает то, что является основным в преподавании истории в нашей коммунистической школе. Основная черта нового человека, которого мы должны воспитать, должна заключаться в том, чтобы он чувствовал себя строителем, чтобы он помнил, что силы, которыми он располагает, должны быть развернуты до максимума не для того, чтобы ему быть счастливым, чтобы господствовать, а для того, чтобы строить, чтобы вложить от себя какую-то ценность в то вечно-человеческое, что существовало до него и будет существовать после него, то вечно-человеческое, которое не может быть создано усилиями единицы, а создается усилиями масс. Это есть основное коммунистическое, ибо что значит коммунизм? Это именно значит, что человек найдет, наконец, себя на лоне общества, что он не будет противопоставлять себя этому обществу, как собственник определенной частной собственности, как посаженный в психическое одиночное заключение, но что он себя воспримет, как элемент целого человеческого моря, связанный непрерывно со своим соседом справа и слева и с тем далеким, который через этих соседей является его современником, и с тем дальним, который предшествовал нынешнему поколению и который начал ткать ту ткань, которая непрерывно продолжается и нитями которой приходится пользоваться для дальнейшей работы.

Коммунист отличается от индивидуалиста именно тем, что, говоря „человек“, он тем самым предполагает „человечество“. И если он так себя рассматривает, он не может начать какую-нибудь неплановую работу, он должен считаться с общим, он должен свои силы гармонизировать, координировать с усилиями других, тут должен быть общий план. В средние века, например, люди в течение 300 лет строили общими усилиями какой-нибудь собор, и каждый из строящих мог запечатлеть в нем свою личность в тех витралях, капителях, орнаментах, в тех особенностях, которые ему лично доставалось делать. И так шла обычно работа, которая в десятом поколении, передавая свечу из рук в руки, в конце-концов от фундамента достраивалась до шпица. При этом каждый должен был считаться с выработанным стилем, и потому, что каждый индивид с этим считался, эти соборы кажутся произведением одного

многоликого гения. Вы получаете от средневекового собора впечатление колоссального разнообразия и в то же время великого единства. Это многообразие и это единство средневекового строительства достигалось инстинктом коллектива, сознанием, что это вся Флоренция строит, что это весь Антверпен строит, что он строит в течение трехсот лет храм тому богу, которого все горожане признают.

И вот, по мере того как коммунистическое начало будет доминировать над принципом одиночества и принципом „человек человеку волк", каждый начнет рассматривать всю человеческую историю, как своего рода великую постройку, при которой наделана масса ошибок, которую нужно не только достраивать, но и исправлять, которая болезненным путем, путем злобы и борьбы, воздвигается все-таки, как некая Вавилонская башня, воздвигается для того, чтобы коснуться неба и оказаться лестницей, по которой человек может подняться к искони поставленному им идеалу человекобожества, действительного всезнания, действительной всеблагости.

Это есть центральная нравственная идея коммунистического строя, и постольку история приобретает сразу совершенно новый лик. История - это м о е прошлое, история—это прошлое той постройки, которую я сам начну в свое время строить, она моя родина, непрерывно со мною связанная, и в сознании того, что настоящее короче дуновения уст, момент, который никогда нельзя остановить между безднами прошлого и будущего, в сознании этого человек является историческим человеком и охватывает судьбы человечества, как бы свою собственную судьбу. Тут и источник методики преподавания истории как в ее интеллектуалистическом аспекте, т.-е. с точки зрения тех сил, которые дает человеку ее разумение, так и с точки зрения тех импульсов, которые она дает эмоциональному развитию.

Прежде всего относительно интеллектуальной стороны истории. Ошиблись бы мы, если бы сказали, что в общественном творчестве мы имеем дело с материалом податливым, с которым можно делать все, что угодно. Наоборот, мы имеем здесь дело с организмом весьма сложным, создавшимся в веках, с определенной общественной обстановкой, где имеются готовые классы и группы, находящиеся в готовых условиях, при данных средствах производства,

при данных источниках сил человечества. Отсюда следует, что мы прежде всего должны научно, об'ективно исследовать, что же такое общество. И здесь на первый план, действительно, выдвигается тот исторический метод, к которому подходила и не коммунистическая наука. Прежде всего надо обследовать, беспристрастно изучить, что такое наше общество. А для этого нужно изучить все явления нашего нынешнего общества в их происхождении и развитии, надо восстановить перед собой без гнева и любви, совершенно беспристрастно, действительную историю всех тех учреждений, классов и понятий, которыми мы окружены и с которыми нам придется иметь дело.

Но коммунистическая постановка вопроса в значительной степени отличается от той постановки, которую придавала истории буржуазная наука. Она отличается в двух плоскостях.

Прежде всего и буржуазной науке не чуждо было понятие о закономерности человеческого развития, и она искала, в чем же заключается закономерность.

Сама по себе история есть ряд конкретных фактов, и каждый отдельный факт истории случается только один раз. Но в этой текущей реке фактов есть закономерность. Сопоставляя между собою эти факты, можно вывести законы исторических явлений. Правда, здесь нельзя делать опытов, правда, здесь факты не повторимы с почти полной точностью, как, напр., можно повторить химический процесс, но тем не менее огромное количество фактов позволяет, сопоставляя их, делать известные умозаключения. И таким образом на почве истории является то, что называлось философией истории, а сейчас называется социологией. Социология есть наука о законах общественного развития, как биология является наукой о законах жизни. Биология может сказать очень много о том, как человек зарождается, как родится, как крепнет, как стареет. Биология—не биография, ибо в биографии человека может, например, случиться, что он в 11 лет умер или что он стал горбат, или ослеп. В биологии подобные факты не принимаются во внимание, и когда биолог рассказывает естественную жизнь человека, он будет говорить о его рождении, детстве, юности, старости и о неизбежной смерти, как норме. Такая же разница между тем, что можно назвать историей, и социологией, т.-е. наукой о нормальном развитии общества.

Но кто же развивал историю, кто занимался этой наукою? Историки? Историки—это люди ученые, люди науки. Но историки не делали историю. Писали ее они, но делали историю историки редко. Историки в реальной борьбе не участвовали, они люди определенной обстановки; они сидят в кабинете, думают, читают и пишут, это профессора, это ученый люд. Историк, как и всякий человек, находится в зависимости от того, к чему он привык. Он подходит к фактам невольно и неизбежно с точки зрения тех предпосылок, которые у него в быту создаются. Если это историк интеллектуалист, человек математического склада мышления, то с его точки зрения окажется, что мышление руководит всем. И Гегель говорил, что если действительность не соответствует законам мышления, то тем хуже для нее.

Другие историки, которые отдались истории со страстью, которые были большими или малыми Шекспирами истории, увлекались борьбой страстей блестящих личностей, которые в этой драме играют роль.

Ведь всякая драма стремится не к чему другому, как дать оживленное театральное отражение кусочка жизни. Такой историк драматург старается инсценировать, как бы заставить ожить эти мумии прошлого, его интересует борьба страстей, борьба честолюбий и т. д., и он начинает рассматривать историю, как результат борьбы человеческих чувствований и желаний. Между тем реальная жизнь строится не для художественного эффекта; конечно, страсти играют свою роль, но основа истории строится не так, и социолог, который стремится схватить прежде всего массовые законы, должен искать их в чем-то, действительно, массовом, где доминировало бы не личное, а что-то подлинно захватывающее миллионы и потому независимо от воли каждой отдельной личности создающее новые и новые формации.

И вот до этого буржуазная мысль добраться не могла, и когда до этого дошла коммунистическая мысль, то лучшие из буржуазных историков пошли по пятам коммунистических мыслителей.

Современная научная история, в сущности говоря, в значительной мере признает об'ективную научность коммунистической постановки, которая сводится к следующему: основным фактом истории человечества является борьба человека с природой за

свое существование. Все живое борется с природой, и все формы жизни и быта всего живого продиктованы этой борьбой. То же самое относится и к человеку. Весь склад его жизни продиктован потребностью питаться, размножаться, сохранять себя, оградить себя от вредных условий среды и использовать полезные условия, чтобы развиться, усилиться. Но разница между человеком и животным заключается в том, что животное видоизменяется само, под влиянием природы, при чем неприспособленные вымирают или в целых поколениях вырабатывают новые органы, которые продиктованы изменившимися условиями. Человек же на известной стадии развития, благодаря своим рукам и своему более развитому мозгу, мог делать себе инструменты, орудия и при помощи этих орудий изменять известный кусок природы: свое стадо, поле, свое жилище, орудие, превращать в нечто более для него приспособленное. Он изменял природу, и эта измененная природа отраженно действовала на него и вызывала новые изменения. Когда появился огонь, это произвело переворот во всем существе человека, это обогатило его разум, и он придумал новые способы воздействия на природу, и опять изменил ее, а вместе с тем себя.

Но по мере того, как человек стал побеждать природу, по мере того, как он начал исторгать из нее все новые и новые блага, он поднял внутреннюю борьбу за эти излишки. Сейчас не время распространяться о том, как на этой почве происходил захват военной аристократией имущества, как происходило превращение врагов в пленных, порабощение одних людей другими. Все это—часть социальной истории, которая сводится к борьбе классов между собою за власть над трудом и над продуктами труда.

И вот коммунистическая мысль пришла к выводу, что тут лежит основание истории, и когда говорят—о б щ е с т в о, надо прежде всего спросить, из каких классов оно состоит, на какие группы делится и в каких сочетаниях эти группы находятся между собой. И вы увидите, что тогда все до мельчайших фактов данной истории окажется понятным и освещенным этой доминирующей над всем борьбой классов.

Если вы спросите, какой класс будет побеждать, то будьте уверены, что будет побеждать тот класс, который выдвигает начало хозяйства более продуктивного. Социализм убьет капиталистический строй, потому что он экономически выше. Но для него не

было основы, пока не было капитализма, пока капитализм не создал десятки миллионов пролетариев и концентрированное машинное производство.

И если вы захотите дать об'ективный очерк истории, вы должны дать историю труда. И на этой истории инструментов и приемов у вас будет строиться возникновение частной собственности и другие изменения экономического характера, а потом и все остальные.

Таким образом история общественной структуры будет вытекать из истории труда. Перед вами выяснится вся история человеческих отношений. Вы увидите, что наука черпала свои материалы из этих трудовых завоеваний человека. Вы увидите, что религия, мораль, законы принимают тот или иной вид в зависимости от того, какой класс доминирует, и что часто бывали две религии, две морали в одном и том же обществе, как, напр., в старом Риме христианская и римская, потому что один класс имеет одни убеждения, а другой—другие.

Вся совокупность явлений человеческой жизни выровняется, приобретет стройный характер, когда вы за красную нить, которая будет руководить вами, возьмете именно историю труда.

Конечно, я тоже очень бегло могу наметить относящиеся сюда идеи. Маленьким детям на первой ступени будет лучше преподавать, опираясь на какие-нибудь предметы, реальные продукты культуры, рассказывать о том, как они сейчас производятся, о тех законах, которые с ними связаны и которыми мы пользуемся для выделки этой вещи, затем сказать, что это не всегда было так и раньше люди делали так-то и т. п. Так гораздо правильнее начинать. Надо заинтересовать ребенка чем-то конкретным, и только позднее можно перейти к систематической истории труда.

Теперь с точки зрения э т и ч е с к о й и л и э м о ц и о н а л ь н о й. В чем тут заключается разница между буржуазной точкой зрения на историю и социалистической? И здесь вы увидите огромную пропасть. Заметьте, что буржуазия была двойственна, и двойственно ее отношение к истории. Бросаются в глаза главным образом две точки зрения — исторический фатализм и исторический индивидуализм.

Одни историки говорят так: ничего человек не в состоянии сделать, все движется по неизменным законам. Буржуазия весьма склонна к этой точке зрения, к точке зрения абсолютной законо-

мерности в истории. Пытаться остановить текущие события так же нелепо, как пытаться остановить солнце на небе. Человек плывет по воле реки, которая влечет его туда, куда хочет, а руль и ветрила могут быть употребляемы для устройства своих мелких дел, но не для управления судьбами человечества,—такова доктрина буржуазии, власть имущей. Иначе смотрит мелкая буржуазия.

Мелкая буржуазия была притесняема крупной буржуазией и не видела исхода; интеллигенция была в большей своей части в зависимости от буржуазии. На этой почве возникали мелко-буржуазные революционные вспышки, участие мелкой буржуазии и интеллигенции в революциях 30 и 48 гг., на этой почве развивается всякого рода литература отчаяния. И вы видите, как в искусстве романтическом одновременно присутствует элемент бунта и элемент мистического пессимизма, который породил впоследствии декадентство в одну сторону и более революционное искусство, анархическое искусство—в другую.

Эта мелкая буржуазия не хочет согласиться, что она должна быть жертвой Молоха истории. И так как она не умеет организоваться и ее представители борются только силой своего личного таланта, именем своего я, которое стремятся отстоять в этом ужасном буржуазном строе, то они склонны преувеличивать роль личности в истории.

Они говорят: человек—это настоящий носитель своей судьбы. Им хочется верить, что они являются источниками каких-то сил, что они в состоянии сдвинуть землю. Само собой разумеется, что отсюда проистекает целая масса иллюзий, целая масса утопий, ибо на самом деле это не так, и индивидуальные человеческие усилия совершенно ничтожны сами по себе, когда идут в разрез с духом времени; когда они идут вразрез с великим творением, являющимся результатом воли гигантских масс, они стираются при столкновении в порошок.

Коммунистическая мысль [1]) одинаково далека и от одной и от другой точки зрения. Коммунистическая революционная мысль, порождение класса пролетариев, говорит так: массы движут историю и в ней лежит железная закономерность. Но какая? Давайте

---

[1]) Социал-демократическая меньшевистская мысль впала теперь в русло крупно-буржуазного капитализма и приспособила к нему великое учение Маркса.

конкретно рассмотрим, в чем же она заключается. Да, было время, когда человечество было косно и протестовать против судьбы было бесполезно. Протест был гласом вопиющего в пустыне, это был писк мыши, которую раздавливала историческая кошка.

Но не всегда так бывает. Бывают эпохи застойные и бывают эпохи стремительного развития. Да, мы, действительно, на реке, но посмотрим, что это за река и куда она течет, и будем памятовать, что труд есть основа всего человечества, труд, который есть творчество. В конце-концов всю историю создают люди. Но они только не сознают своей силы, они разбиты между собой на отдельные классы и при этом колоссальное большинство их пульверизировано, превращено в человеческий порошок, не имеет своего классового сознания. Но вот наступило время, которое радикально меняет все. Все классы не только на верхах, но и в низах начинают сознавать свои настоящие интересы. Многомиллионный класс, который составляет большинство населения, в целом ряде стран является носителем гигантской трудовой мощи и одновременно сознает, чего ему нужно. Ведь если труд идет все дальше и дальше, если накопление мощи в руках человека, действительно, прогрессирует, то, само собой разумеется, совершается и прогресс сознательности человека. И чем больше он становится царем природы, тем более для каждого работника, который совершает очень сложный процесс, нужно сознание этого процесса в целом. И, стало быть, человечество должно выйти из ночи раздробления к сознанию того, куда же направляется этот процесс в целом. И тогда наступит великий перелом, тогда сознание окажется не только достоянием немногих, которые направляют эту слепую стихию в ту или другую сторону, тогда сознание это перейдет в самые массы, они, подымаясь, возьмут в свои руки собственные судьбы. Такими массами могут быть только пролетарские; крестьянство в общем осталось в периоде, который свойственен земледельческим полудикарям. Но по мере того, как крестьянство втягивается в капиталистическое хозяйство, оно тоже выходит из застоя и начинает чувствовать себя членом всемирного целого, тогда и оно усваивает пролетарскую логику и может сделаться братом пролетария.

Стало быть, с точки зрения коммунистического понимания истории мы не фаталисты, мы не говорим, что роль личности

равна нулю. Наоборот, все большее и большее значение приобретают такие вожди, которые, зная об'ективное развитие истории, заражают этим знанием сознание масс. Уже сейчас происходит осознание всем человечеством своих собственных судеб. В этом мучительный, но вместе с тем спасительный и лучезарный момент истории, мы имеем горькое, но прекрасное счастье жить. И коммунистическая идея есть стремление низов, осознав человека, как нечто единое, взять в свои руки земной шар и сделать из него то употребление, которое даст подлинное счастье всем. И поскольку эта идея сознается массами, постольку коммунизм может говорить: да, все в социальной природе закономерно и все вместе с тем становится сознательным и целесообразно планомерным.

Но силы прогресса встречают противодействие в тех классах, привилегии которых должны быть разрушены. Стало быть, здесь дело идет не о простом всеобщем осознании, а об осознании интересов большинства, против которого меньшинство, заинтересованное в остановке прогресса, направляет обманутую им бессознательную часть этого большинства, в силу чего этот величественный переворот происходит в форме революционного потрясения.

Таково воспитание социальной воли коммунистической идеи истории.

Теперь несколько слов о чисто-этической стороне. Я уже сказал, что новым моральным самосознанием человека является представление о себе, как о части некоторого вечного целого. Человек-коммунист не может говорить того, что говорит Мопассан в своем знаменитом сочинении „Одиночество“. Он говорит: „всякий человек одинок, пусть у вас есть жена, пусть у вас есть самый близкий друг, но разве вы знаете, что делается у него под его черепной коробкой?“ Так думает буржуазный интеллигент. Он это чувствует, ему кажется, что все ему враги. Но имеется и другая среда, где живет великое содружество, которое делает людей абсолютно солидарными, так что все в жизни другого становится дорогим. В этой среде имеется сознание, что „я“ индивидуально ничто, но „мы“. пролетарское „мы“, это есть громадная сила, коллективный Мессия, который должен изменить мир. И тогда, само собой разумеется, зарождается целое море солидарных чувств, и это „мы“ настолько начинает доминировать над „я“, что судьба этого „мы“ становится более интересной, чем своя собственная судьба.

История должна именно эти чувства развивать, или, вернее, эти чувства захватить и осветить в душе ребенка.

Подросток должен знать, что человек смертен, что человек преходящ. Неважно, несущественно собирать сокровища на этом свете для самого себя, чтобы сказать: много у меня добра, ешь-пей и веселись, душа, и чтобы потом в отчаянии увидеть перед собою костяное лицо смерти. С этой точки зрения безотрадность полная. Бессмертия наука дать не может, она либо ставит знак вопроса, либо более честно отвечает: „нет!". Поэтому если бы человек чувствовал себя только личностью, то был бы действительно жертвой безотрадности. Совсем другое дело, когда вы разворачиваете историю во всей ее мучительной борьбе и в целом ряде эпизодов этой строительной борьбы человечества раскрываете внутренний смысл этого процесса, который есть процесс борьбы за человеческое совершенство, который есть процесс борьбы за богатство человеческого рода, за развитие всех заложенных в человеке способностей; когда вы раскроете эту внутреннюю сущность в ее былом проклятии, в ее внутренних муках, в сопротивлении косных элементов, когда вы раскроете всю эту картину перед ребенком, вы внушите ему то, что, я бы сказал, свойственно солдату в рядах вдохновенной армии, когда он, поставленный в первые ряды полка, идущего в атаку, знает, что, наверно, умрет и не увидит победы, но думает о том лишь, чтобы победил его полк, его армия. В данном случае этой армией является международный пролетариат. Вот это есть настоящее историческое самосознание, это есть новый этап, это есть то, в чем новый человек ищет и находит бессмертие.

Мы будем воспитывать в человеке исторические горизонты. Не ту мягкую, дряблую любовь, которая боится причинить боль себе и другим и к которой нас зовут люди, не понимающие, что мы находимся в периоде борьбы, что сейчас от нашего поведения зависит, быть может, на столетия количество жертв, которые будут принесены. Мы воспитаем в человеке идею того, что он ответственен перед массами, что ему и его братьям дана возможность строить дальше, и всякая слабость с его стороны роковым образом скажется на дальнейшей постройке. Многое придется строить вновь, если он ошибется и не выполнит всего того своего долга, который он добровольно берет на себя, как определенное звено великой цепи.

И вот, поскольку мы разовьем в нем это чувство солидарности с людьми, которые строят космос, поскольку мы вдохнем в такого ребенка то новое гражданское самосознание, тот подлинный человеческий облик, который явится доминирующим в будущем, постольку он и личность свою отыщет здесь, он отыщет особенную с в о ю силу, свою личную способность к такому сотрудничеству и скажет себе: я должен развивать свои силы, чтобы в общем хоре дать свою собственную ноту, сливающуюся с усилиями других в один общечеловеческий аккорд.

Итак, эта новая школа должна создать солидарность между людьми, как бы далеко они друг от друга ни отстояли и какими бы пограничными столбами они друг от друга ни отделялись; точно так же она должна воспитать в человеке реальное чувство бессмертия рода человеческого. Это есть победа над временем, это есть победа над пространством, это есть „единодушие“ человеческое, в котором создается великое... Человечество идет к созданию огромного коллектива. Каждый индивид приносит с в о ю лепту и получает в обмен те блага, которые накопились всеми.

Таким должно быть преподавание истории и воспитание через историю. И для этого мы должны требовать от преподающего чрезвычайно серьезной научной подготовки и притом социалистической. Мы должны требовать от него также известной художественности, известного умения дать картины истории так, чтобы они нашли отклик в сердце ученика.

Но будем ли мы иметь такого учителя? Мы д о л ж н ы его иметь, должны к этому стремиться, ибо педагог именно тот человек, который встречает ребенка у дверей ныне еще полуразрушенного и недостроенного храма, это—человек, который должен открыть эти двери и ввести ребенка в этот храм. Поэтому педагог должен уметь внушить ученику историчность, ибо входящий в храм человечества или его мастерскую должен сразу осознать себя не как нечто, упавшее с неба, а как выросшее в течение веков и тысячелетий, как звено истории, которое продолжает дальнейший рост и которое ответственно за то, чтобы этот рост не направлен был в сторону.

Вот почему историческое развитие и разума и сердца является первоначальной основой самовоспитания педагога. Педагог не может не знать истории, педагог обязан знать, что такое челове-

ческий род, и обязан его любить, иначе он не может привить эту любовь маленьким существам. А в этом заключается наша коммунистическая задача. Влить в великий поток маленькие ручейки, выходящие из колыбелей, вовлечь их в нашу Коммуну. Но нашей Коммуной является человеческий род, его прошлое, это—ее история, его будущее, это—ее идеал. И вот перед лицом этих величественных идей стоит педагог, который освещает сознание молодого существа во имя и силой человечности...

Задачи внешкольного образования в Советской России[1]).

(Речь, произнесенная на открытии I Всероссийского с'езда по внешкольному образованию.)

Товарищи! Явление образования есть, в сущности говоря, основной стержень разумного бытия каждого достойного жить человеческого существа и всей сознательной жизни человеческого общества. Если старая пословица говорит, что человек живет не для того, чтобы есть, а ест для того, чтобы жить, то отнюдь нельзя сказать, что человек образовывается для того, чтобы жить а не живет для того, чтобы образовываться. Он живет исключительно для того, чтобы образовываться. Каждая минута жизни и каждый жизненный акт, который не усиливает нашего духа, который не расширяет русла нашей жизни, является даром потерянным.

В течение весьма длинного ряда тысячелетий люди получали свое образование в зависимости от космических и стихийных причин и, так сказать, были руководимы природой. Гонимая нуждой и природой на определенной стадии развития, одна группа вслед за другой вступает в полосу солнечного света саморазумения и самопознания, и тогда ставит перед собой цель своего духовного развития сознательной и конечной целью для себя. И когда мы слышим эти слова — внешкольное образование, то нам невольно становится жутко от широты задачи. В самом деле, главная часть,

---

[1]) Нынешний Главполитпросвет, сменивший прежний внешкольный отдел, включил в себя огромной важности новую задачу совпартшкольного дела от школ политграмоты до коммунуниверситетов. Во многом другом он также потерпел значительные изменения. Однако многие задачи и принципы остались сейчас теми же, какими были к началу 1920 года, когда сказана была перепечатываемая здесь речь.

главный фрагмент работ по образованию человеческого существа падает на юность, и, быть может, бесконечно важными являются житейские навыки и работа с ребенком дошкольного возраста. Мы все придаем делу дошкольного образования, чем занимался с'езд, предшествующий нашему на несколько дней, огромное значение, но тем не менее дошкольное образование носит задатки примитивности. Знакомство с жизнью, искусством, техникой и с прошлым человечества приобретается уже в школе, и счастливы те страны, где каждый гражданин находит все это в школе под руководством свободного и стоящего на высоте преподавателя.

Но даже в этих странах, скорее гипотетических, чем существующих на самом деле, школьное дело не может быть поставлено в совершенстве. Пока человек жив, хотя бы седины покрывали его голову, он может, хочет и должен получать образование, и таким образом всякое образование, которое получается вне школы, поскольку вся жизнь не умещается в рамках школы, есть процесс внешкольного образования.

Однако было бы парадоксом и абсурдом так широко понимать задачи Комиссариата Народного Просвещения или задачу с'езда по внешкольному образованию. Под внешкольным образованием, в собственном смысле слова, нужно разуметь ту помощь, которую государство и школа оказывают в деле образования людям, оставшимся без помощи в этом вопросе, т.-е. тем, которым нормальная школа слишком мало дала, тем, которые в школе не были. Помочь им итти дальше, дополнить и выровнять образование тех, которые получили в школе недостаточно знаний, получили образование скорее калечащее душу, чем способствующее ее росту. Такова цель внешкольного образования.

Хотя мы таким образом сузили задачу внешкольного образования, пред нами все же бесконечная ширь. Прежде всего в России, где насчитывается громадное количество безграмотных, вырастает перед внешкольниками огромная задача обеспечить право и обязанность каждого быть грамотным. Этот вопрос должен всячески и всемерно занять собою всех. Это — насущный хлеб внешкольного дела в России!

Приятнее, конечно, увлекаться вопросами народного театра, рисовать перспективу чудесных народных домов, но нужно об этом не только мечтать, нужно работать.

Прежде всего надо спуститься и в нижний этаж внешкольного дела и помнить, что основная, тяжелая массовая работа—это именно работа по борьбе с безграмотностью, с самым примитивным, самым грубым невежеством. Мы, разумеется, никогда не можем ограничиться тем, чтобы ставить какие-то этапы на своей дороге, как, например, такой этап; надо просто сделать народ грамотным. Само собой разумеется, что понятие грамотности—понятие функциональное, развертывающееся сейчас же в наших руках в понятие силовое. Чего стоит грамотный человек, который не читает никакой книги? Это человек, который осужден на обратное впадение в неграмотность. И мы знаем, что количество забывающих грамоту в России чудовищно велико, и не только в России, но даже и в странах более развитых мы встречаем подобное явление.

Грамота есть ключ, и как вы ничего не подарили человеку, когда подарили только ключ, но не подарили сундука, сокровищницы, которую можно открыть, постольку грамотность не является ценностью, хотя без нее другие ценности оказываются почти недоступными. Нужно начинать с того, с чего начинает и школа, т.-е. надо думать не о простой грамотности, но и о передаче всему взрослому населению, *приспособляясь ко всем ступеням его духовного развития*, той общеобразовательной пищи, которая является существенно необходимой. Говоря о приспособлении к различным уровням, я имею в виду то, что всякого рода курсы, воскресные школы, вечерние школы, дополнительные школы, отдельные лекции и т. д.,— все они должны быть рассчитаны так, чтобы в них можно было найти себе умственную пищу и людям начинающим, у которых нет никаких научных представлений, никакой первоначальной подготовки, и тем, которые стоят выше на ступенях образования, вплоть, может быть, до удовлетворения потребностей и наиболее образованных людей. В нашей России мы не должны сводить культуру к примитиву и делать невозможным дальнейшее развитие для людей образованных.

Мы можем поднять массы только в том случае, если научно-культурная работа на верхах будет продолжаться. Для того, чтобы вести внешкольное дело, нам нужен внешкольный учитель, а для того, чтобы он мог чему-нибудь научиться, ему нужен внешкольный профессор.

Нужна живая культура высшего порядка. Социальный организм должен развиваться равномерно — от низших ступеней культуры к высшим.

Популяризация научных знаний, популяризация искусств, социально-политическая пропаганда — таковы основные задачи внешкольного образования.

Очень часто за внешкольное дело берется педагог. К неграмотному взрослому он относится, как к ученику-подростку.

А между тем рабочий или крестьянин по своему житейскому опыту стоят иногда выше самого педагога. Поэтому нельзя, например, при обучении взрослых применять обычные школьные методы. Обучение взрослого грамоте должно происходить в атмосфере расширения знаний, базироваться на чтении книг, газет, декретов...

Та же связь обучения с жизнью, с трудовым опытом должна быть и в популяризации научных знаний. Здесь желательно лекционную работу свести к минимуму — заменить ее практической работою в лаборатории, на фабрике и т. п.

Но можно ли сказать, что лекции вовсе не нужны, что это только учеба?

Нет, конечно,—живое слово лектора особенно у нас, в России имеет огромное значение, но, по возможности, всюду и всегда лектор должен пользоваться наглядными пособиями, волшебным фонарем, кинематографом, словом, всячески втягивать внешкольника в процесс трудового, активного восприятия знаний.

Но насколько самый состав научного знания может содействовать коммунистическому просвещению масс?

Науки естественные наименее спорны.

Самые основы естественно-научного миросозерцания по самому существу капиталистического строя должны быть более или менее об'ективными. Как хотите вы, чтобы сознательно или бессознательно фальсифицировалась наука о растениях, о животных, о механических каких-нибудь законах и т. д., раз при фальсификации такого рода истин нельзя вести хозяйства? Поскольку надобно вести хозяйство, поскольку надобно, чтобы машины функционировали правильно, поскольку надо вылечить заболевший скот и дать удобрение земле, постольку требуются об'ективные знания. И поэтому во всякой стране эта область является неизбежно областью глубоко-честной. Ей приходится допрашивать природу самыми

экономными и самыми глубокими методами и формулировать возможно точнее и экономнее все то, что природа властным голосом диктует. Поэтому мы имеем значительное количество ученых и самого высокого типа и, спускаясь ниже по ступеням, вплоть до более или менее талантливых популяризаторов или во всяком случае знающих лекторов, которым мы можем совершенно безбоязненно доверить все дело преподавания естествознания, начиная от космографии и кончая самыми мельчайшими подробностями каких-нибудь прикладных знаний.

Совсем другое в области наук общественных. Здесь все в высокой мере спорно. Ибо в зависимости от того, как смотрит человек на историю, что понимает под своим идеалом, чему придает значение, как главному фактору в своей нынешней жизни, от этого зависит и то, куда такой человек пойдет, что он будет делать, как он будет работать. Общество до сих пор было основано на социальном неравенстве. Определенные классы доминировали один за другим в разных странах в большей или меньшей степени. Вслед за феодалами доминировала всюду капиталистическая буржуазия. Эта капиталистическая буржуазия вынуждена была во что бы то ни стало фальсифицировать науку и чем дальше, тем, пожалуй, сознательнее.

В то же время чем дальше, тем более грозно вырастал перед нею ею же самою вызванный и сорганизованный враг—пролетариат, который иначе рисовал себе прошлое, настоящее и будущее человечества, имея совсем другие критерии для оценки. И когда буржуазная наука вынуждена была вступить в борьбу не на живот, а на смерть с молодой пролетарской наукой, то шла борьба не только относительно идеалов, но и самые факты фальсифицировались и изменялись в угоду господствующему классу, вплоть до статистики—языка „бесстрастных“ цифр. Я не хочу сказать, чтобы вся буржуазная наука целиком, или вся официальная университетская наука, не имела никакой цены в области общественных наук, ничего подобного сказать я не хочу! И Маркс, когда противопоставлял таких буржуазных ученых, как Адам Смит и Рикардо, такому ученому, как Мальтус, говорил, что Рикардо и Адам Смит действовали под давлением тех явлений, которыми были окружены и совершенно честно учитывали их, и лишь, как представители определенного класса и определенного времени, они

не могли договориться до *полной* истины, потому что глаза их ее не видели, так как направлены были в другую сторону. Но Мальтус, говорил Маркс, *сознательно* искажал науку: он своею жизнью и своими сочинениями показал себя, как сознательного *апологета* буржуазного класса. Разумеется, и тот и другой элементы в науке отражаются. Что касается до науки сознательно фальсифицированной, она менее вредна, естественно отмирает, как только критика ее коснется.

Что же касается невольной фальсификации, здесь дело сложнее. И когда мы, представители молодой пролетарской науки, говорим с теми или другими седовласыми профессорами, которые сидят на своих 12—15 томах сочинений, то и они убеждены, что когда говорят: „наука об'ективна", „наука свободна", то произносят чрезвычайно об'ективные, чрезвычайно общезначимые суждения. И когда мы, марксисты, говорим о классовом сознании, пролетарском миросозерцании, пролетарском научном движении, то утверждают они, что это узко-классовая и даже партийная тенденция.

Где мы видим белое, там они видят черное. Они думают, что та общественная наука, которую они восприняли с молоком матери, также из лекций своих профессоров, для них являвшихся авторитетами, что эта наука „об'ективна", между тем как с нашей точки зрения она в самом корне заражена целой тысячью предрассудков, которые все порождены буржуазной властью, которая искажает настоящую сущность социальных процессов и представляет их в неверном свете. Тут настолько серьезны разногласия между нами и ними, что невольно ставишь перед собою вопрос: как же быть с той главной частью просветительной армии, которой мы можем располагать в деле внешкольного образования?

Что касается общественной науки, чуть не вся она находится в плену научных предрассудков. Если еще прибавить к этому, что общественный и политический строй, который называется советской республикой и сущность которого сводится к диктатуре пролетариата, просвещенной и наименее обеспеченной части крестьянства, со стороны этих людей встречает антипатию и недоброжелательство, то вы опускаете руки и приходите к выводу, что очень часто такие лекции раздаются в университете или в трудовой школе второй ступени, или во внешкольном деле, которые звучат прямо и определенно, как антисоветская, антипролетарская и, стало быть, контр-революционная пропаганда.

Это зачастую так и есть. Человек с полной уверенностью считает, что проповедует об'ективную истину, но мы с полной уверенностью на этом месте видим контр-революционные идеи. Это одна из основных трудностей нашего положения, ибо количество лекторов, которым мы располагаем, я уже не говорю для всей работы в провинции, на местах, а даже которым мы располагаем для подготовки учителей для школьного и внешкольного дела, чрезвычайно ничтожно.

Нам придется обратить внимание на самую усиленную работу как типа курсового и семинарского, так типа педагогических институтов, для того чтобы как можно скорее великие дрожди общественной науки, базирующейся на научном социализме, размножались бы и заставили бы взойти школьную и внешкольную опару.

Без энергичной работы в этом направлении мы постоянно будем слышать от наших товарищей с мест и даже от товарищей в Петрограде и Москве такого рода заявления: „Вот у нас написана программа, программа превосходная, она имеет целью поднять уровень общественных знаний масс. Надо было бы доверить чтение этой программы во всяком случае совершенно определенным социалистам, но их нет, и приходится доверять работу над ней таким лицам, которые являются врагами этой программы и которые всюду, где нужно сказать да, скажут нет. Тогда программа превращается в собственную противоположность".

И часто из этого положения нет выхода. Я указывал на эту трудность. С этой трудностью Комиссариату Народного Просвещения постоянно приходится бороться.

Тут, с одной стороны, говорят: махните рукою. Что-нибудь лектор да преподаст, а в конце-концов народная масса сама разберется,—аще ядовитое что выпьет—не умрет!

С другой стороны, нам говорят: „Что такое у вас преподается, да у вас прямо контр-революция!"

Что же нам делать? Закрыть большинство школ, большинство учреждений внешкольного аппарата? Уничтожить культурное дело и предоставить ему расти с низов, как растет весною трава?

Это, разумеется, опять-таки совершенная нелепость, и ясно, что линия должна быть средняя.

Нужен определенный отбор, определенный контроль и усиленнейшая работа по выработке преподавателя общественных наук

нового типа, и я знаю, что очень многие вольно или невольно приспособляются к новой эпохе: вольно, когда становятся осторожны в пропагандировании тех истин, которые сейчас не ко двору, и налегают на элементы, которые являются новыми, и невольно, когда увлекаются грандиозной картиной борьбы рабочего класса, которая развертывается перед ними. И на наших глазах иные медленно и постепенно, а другие — быстро, как Савл в Павла, перерождаются в новых людей. И этот процесс должен итти чем дальше, тем больше, ибо главным образом рекрутируются преподаватели, преподавательская армия из интеллигенции, а не из буржуазии. Если интеллигенция в течение десятков лет, находясь под давлением царизма и капитала, иногда, сама того не зная, изменяла себе и превращалась в орудие подавления народа, в орудие фальсификации истины, то совершенно естественно, что чем прочнее будет утверждаться новый строй, тем скорее и большей волной интеллигенция будет приливать к нам—к новому хозяину мира, который освободит интеллигенцию от ее мнимой „об'ективности", раскрепостит интеллигенцию для подлинного и настоящего свободного творчества, ибо слова Лассаля о том, что четвертое сословие найдет самую лучшую опору и самого лучшего союзника в науке, и слова Маркса о том, что интересы рабочего класса больше всего сочетаются с интересами человека, преданного об'ективным знаниям, остаются непоколебимыми, поэтому нам особенно вешать головы не приходится. Трудности эти временные и методы, о которых я говорю, — отбор наиболее подходящих элементов, большее подчеркивание фактических знаний пред их освещением в тех случаях, когда вы не можете доверить их освещение человеку, далекому от новой России, и одновременно энергичнейшая работа по подготовке соответственного персонала, — эти методы избавят нас от этих трудностей.

Что касается популяризации искусства, то этот вопрос кажется на первый взгляд предметом роскоши, и очень часто думают, что внешкольному образованию приходится иметь дело с искусством, может быть, для того, чтобы, как латинская пословица говорит, „развлекая поучать". Это совершенно нелепое представление о задачах внешкольного образования в деле искусства. Я не буду касаться различного рода утонченных теорий искусства, о которых можно было бы говорить очень долго. Я остановлюсь на том

более или менее общепризнанном факте, который доминирует во всех теориях искусства: искусство является силой, заражающей чувства массы слушателей или зрителей определенными чувствами, высказанными художником. Это несомненная истина. Говорят об *ораторском искусстве* лишь постольку, поскольку оратор не только пропагандирует, т.-е. расширяет для других круг познаний, но агитирует, т.-е. волнует людей, ибо, как говорит Спенсер, головное знание не ведет к определенным поступкам, оставляет человека верным своему характеру. Характер меняется, когда человек увлекается, когда он разожжен, когда он любит, когда затронуты струны его эмоционального, чувственного существа, и это делает искусство! И все народы, даже на заре своего существования, прибегают ко всякого рода общественным танцам и песням. Искусство организует человеческие сердца в массе, как наука организует головы, и дает непосредственным своим результатом моральный под'ем масс.

Но для этого нужно, чтобы это искусство не было тем развращающим искусством, к которому буржуазия стремилась в последний период своего существования.

В последнее время искусством перестали интересоваться, как организующим началом. Если можно найти у буржуазных писателей, например, у какого-нибудь Бурже, идейные романы, где буржуазия борется за свою власть над рабочими, то в ничтожном количестве. Для нее искусство создавало лишь развлечения разного типа.

Но в то же время в искусстве прошлого очень многие интеллигентные группы энергичнейшим образом бунтовали против духа буржуазии. В течение всей истории они постоянно стремились создать себе художественное сознание, религиозно-художественное искусство. В эпохи высшего развития всякой данной человеческой группы мы имеем и в прошлом великое искусство. Тогда искусство может служить источником всяческого вдохновения и всяческой радости и для нас, и на базе этого искусства, этих великих сокровищ, которые мы унаследовали от прошлого, можно вырастить искусство, отвечающее нашему великому времени, тем более что во время великой французской революции уже создавались основы нового массового искусства. Им жила половина XIX столетия. Для музыки французская революция дала Бетхо-

вена, для архитектуры—стиль ампир, который является величайшим стилем, какой создала новая Европа, из литературных ее созданий вышли два могучих потока — романтизм и реализм. Эпоха революции, которую многие считали „прозаичной“ и в самом искусстве которой видели тенденциозность, дала в сущности гигантский толчок творчеству. Те народные празднества, которые в свое время видел Париж, продолжаются у нас здесь, в Красном Петрограде и Москве, на более высоком уровне движения, чем какое было достигнуто французской революцией.

Точно так же и в области науки мы видим целый ряд величайших переворотов, которые вызваны были революцией или которые эту революцию сопровождали.

Таким образом мы склонны думать, что искусство имеет прямую связь со всей работой по образованию общественной души. Вообще ведь слово *образование* имеет троякое значение. С одной стороны, каждый человек образует себя, т.-е. приближает себя к тому образу, который поставил своим идеалом, с другой стороны, такой образованный человек, превращенный из человеческого полуфабриката, из „человека-болванки“ во что-то похожее на это величественное понятие Человека, который еще, может быть, не родился, которого мы только хотим еще родить,—этот образованный человек, как единица, не может существовать без соответственных условий. Ему нужна соответственная атмосфера, общество таких людей, которые не есть простой конгломерат, простая „сходка“ образованных людей, а новое организованное общество, в полном смысле слова сверхорганизм, в котором есть общественная великая душа. Это и есть социализм, это есть коммунизм, это есть то, что мы противопоставляем обществу, как простому скоплению людей. Здесь индивидуализм и общественность сливаются.

Дело образования есть не только дело образования человека, его личности, но и дело образования человечества, общества.

Наконец, человек не только образует себя и свою социальную среду, но и свою физическую среду. Он не только одевается, создает инструменты, здания, города и т. д., но он также распространяет около городов и свои парки, сады, меняет течение рек, изменяет очертание морей, устраивает проливы там, где их не было, устраивает перешейки там, где их нет, и таким образом создает жизнь, соответствующую всем духовным потребностям вырастившего себя человека.

Вот с этой точки зрения работа по самообразованию, работа общественно-политическая и работа эстетическая,—все они являются руслами образования, все они идут к этому образу, к этому прообразу, который мы рисуем перед собой и называем идеалом.

Исходя отсюда, приходится сказать несколько слов еще о двух задачах, которыми мы не можем пренебрегать.

Мы не можем пренебрегать *техническим* внешкольным образованием. Нельзя мечтать об образовании отдельного индивидуума, нельзя думать о достижении каких-нибудь социальных идеалов, если общество сидит на суке, который отгнил, — мы свалимся и проломим себе головы, хотя бы были великолепными дипломатами и великолепными вождями. Наша Красная армия может побеждать на всех фронтах, наши политические вожди могут изумлять весь мир своей международной политикой, и тем не менее мы можем претерпеть революционный крах, если у нас не будет ни железных дорог, ни хлеба и мы не будем ничего производить.

У нас, в России, это зависит в значительной мере от общих причин, от военной разрухи, от экономической отсталости, но, кроме того, разумеется, во всех отношениях у нас мало подготовленные работники,—это главным образом и тормозит все дело. У нас мало подготовленных технических работников, мало подготовленных работников в смысле чисто-трудовой дисциплины, мало подготовленных и в смысле этического понимания задач. Все эти вопросы связываются в одно непрерывное целое.

Нам нельзя обслужить хозяйственных задач, если мы не будем иметь рабочих, которые умеют работать. Квалифицированных работников у нас мало, ничтожное количество инженеров, еще меньше количество среднего технического персонала, очень небольшое количество квалифицированных работников вообще. И нам нужно увеличить это количество всякими способами и улучшить их качество.

Сейчас у нас происходит рассасывание городской культуры в деревне. Может быть, это спасительный процесс для нынешнего времени, может быть, благодаря этому десятки и сотни тысяч рабочих внедрились в деревни, может быть, это создаст благоприятную почву для создания из нее настоящей опоры советских идеалов, может быть, благодаря этому разгрузится город, который в эту тяжелую эпоху не может прокормиться.

Но если мы свалимся по ту сторону хребта и превратимся в типичную деревенскую республику, то сколько бы мы ни говорили о коммунизме и социализме, никакого коммунизма и социализма не будет, а будет в силу социальных законов происходить рост деревенской буржуазии. Все это, разумеется, видоизменится в сильной степени, если в Западной Европе будет победа социализма, и, наоборот, если бы волею судеб случился срыв социализма в России, то это пагубно отразится на Европе, и мы, с точки зрения коммунистической, не достигли бы никаких результатов. Разумеется, Россия целиком в деревенскую страну не превратилась бы, но тогда перед нами стали бы гигантские задачи новой борьбы.

И политически и экономически нам нужно техническое образование.

В скором времени Комиссариат Народного Просвещения издаст декларацию, где будет подчеркнуто, что единая трудовая школа не могла и не хотела нанести удар собственно техническому образованию, что единая трудовая школа, наоборот, и есть техническая школа, что она стремится превратиться в политехническую школу; в этой декларации даются указания местам на то, что трудовая школа не должна служить причиной закрытия специальных технических школ. И соответствующая нота в деле внешкольного образования должна звучать немолчно. Задачи технического внешкольного образования никоим образом не должны быть упущены.

Я знаю, какие трудности предстоят нам в этом деле, но я знаю также, какие гигантские перспективы нас ожидают. Если мы могли бы итти твердо по тому пути, который нами намечен, то нет сомнения, что внешкольное техническое образование превратило бы желающих получить технические навыки в технические артели, которые, работая на заводах, давали бы опыт и повышали бы трудоспособность рабочих, а тем самым повышали бы и уровень производства. Они могли бы служить мощными двигателями в деле под'ема производства страны. Я могу только бегло остановиться на этой стороне дела. На с'езде будет специальный доклад людей, глубоко осведомленных об этой стороне внешкольного образования и находящихся в курсе экономических задач Советской России, и тогда вы получите более полное освещение этого вопроса.

Нельзя еще не упомянуть о физическом образовании. Я много распространяться об этом не буду, потому что эта тема в общем

разработана и вам известна. Детально об этом нельзя говорить в такой вступительной речи, как моя. Совершенно ясно, что и путем физического образования мы можем достигнуть более высокого уровня самосознания масс, способствуя росту и заботе о здоровье, которое есть основа всякой жизни. Развивая человеческую силу, ловкость и красоту, сочетая их путем групповых занятий так, чтоб это было элементом общественности, даже в странах буржуазных, немцы, например, достигали соответствующих результатов. У них ферейны, спортивные и гимнастические, достигли высокого уровня физической культуры, и в то же время многие ферейны сделались постоянными ячейками рабочего класса и использовались им в случае нужды. Физическое образование не должно быть индивидуализирующим, а коллективным, и на этом поприще для нас возможны весьма большие достижения.

Если мы повторим, что мы должны бороться с безграмотностью, популяризировать научные знания, знакомить с искусствами и способствовать выделению людей, способных к творчеству, заботиться о техническом и физическом образовании, то вы видите, какое неизмеримое поле деятельности перед вами открывается. Между тем мы не можем не сознавать того, что все это должно быть продернуто основной красной нитью политической пропаганды.

По существу говоря, политическая пропаганда, чуждая науке и искусству, — вещь полезная и приходится ею пользоваться за неимением другой, но вообще она вещь мало обнадеживающая. Митинговая фраза довольно скоро приедается, простые лозунги перестают действовать в короткий срок. И в этом—честь и великое достоинство нового социализма, что он базируется не на выкриках, а на глубокой, научной подкладке, что он есть обоснованное научное миросозерцание.

Уже в настоящее время марксизм с такой глубиною проделал опыт переизложения всей истории человечества, переисследования всех основ общества, которые нас окружают, и достиг таких огромных результатов, что мы можем сказать: нет такого знания, такой научной области, которая не могла бы преподаваться так, чтобы она не являлась частью здания социалистического миросозерцания. От всякой науки мы можем проложить туда путь. От всякой науки мы можем войти в самые недры социального здания.

Пусть вы читаете лекции по какой-нибудь астрономии,—наука как будто об'ективная, чуждая земному и временному, его злободневности. — И однако, если вы, с одной стороны, рассказывая о происхождении миров, зароните таким образом через эти грандиозные образы и сияющие доказательства в души ваших слушателей идею об эволюции, вы, по существу говоря, кладете краеугольный камень их будущего социалистического миросозерцания. Если вы изложите при этом историю астрономии и укажете, как она развертывалась, и в особенности подчеркнете тот момент ее развития, когда религия, на которую опирались средневековые страны, преследовала вплоть до костров оторванных от земли звездочетов, когда вы расскажете многострадальную историю этой науки в борьбе за истину о необ'ятности мироздания и доминирующего в ней вселенского закона, в отличие от узкого и мелкого „религиозного“ миросозерцания, где все вращается в кругу земли, то вы нанесете могучие удары и религиозным предрассудкам и представлению о прошлом, как о чем-то возбуждающем только одни чувства уважения и благоговения. Вы широко раскроете горизонт ваших слушателей.

Я мог бы взять любой пример, любую науку, любую научную проблему и показать, что нет ничего легче, как связать ее с основным потоком общественной пропаганды.

И, с другой стороны, нет такой проблемы и митинговой темы, которую нельзя было бы трактовать научно, для доказательства которой вы не могли бы привести ряд фактов из различных отраслей знания. К этому мы и должны устремляться.

Мы должны стремиться к тому, чтобы относительно всякого знания, которое человек приобретает, ему было сказано, к чему оно. Для того, чтобы он умел лучше работать, необходимо ему знать, что работает он для того, чтобы создать народное хозяйство. Необходимо, чтобы он знал, что он является настоящим гражданином нового, теперь просыпающегося и об'единяющегося трудового мира. Надобно, чтобы каждое сведение превращалось в руках слушателя в какое-то орудие дальнейшего распространения научных начал.

Но надо равным образом устремляться и к тому, чтобы мы тут же давали те лозунги, которые, оголенные от всего этого, перестают восприниматься и являются ударами по притупленному месту.

То же самое я мог бы сказать об искусстве. Конечно, всякому понятно, что лекция является художественной, когда она хорошо сказана, и что к искусству относится не только то, что в ней было много образов и что она сказана горячим тоном, но и то, как она сказана. Это конструктивное искусство, и в этом смысле самое преподавание есть одно из величайших искусств, которым преподаватель—педагог-внешкольник—формирует самый благородный материал—людские души. И нужно уметь формировать их, сделав их мягкими, сделав их доступными вашему прикосновению и воздействию на их благородную сторону.

Это можно сделать только тогда, когда вы приобрели известное влияние на людей, когда между ними и вами протянулись токи, заразившие их определенной симпатией к вам. Это и значит, что вы явились перед ними, как художник.

Если вы будете пользоваться пением и музыкой, как это делаем часто мы на своих митингах, если живопись прилетит сюда сама собою, как она слетает на наши знамена и плакаты, если будет естественно развертываться весь цветник искусств, то это так и надо. И вы можете не ждать, чтобы у слушателей зародилась потребность этого, а созвать все 9 муз, чтобы они помогали в вашем деле.

Нет такого предприятия, — от любительского театрального кружка до какого-нибудь разрисовывания стен помещения клуба,— которое не могло бы быть использовано для того, чтобы развивать вкус у людей, для того, чтобы внушить им новую волну радости жизни и сказать им голосом искусства, который особенно понятен, те великие истины, которые являются для нас солнцем.

Товарищи! Я очень хотел бы иметь возможность здесь перед вами изложить эти идеи, об'единив их в образе того народного дома, который в конце-концов является основою и идеалом внешкольной работы. Внешкольная работа может, конечно, итти через кружки самообразования, через клубы рабоче-крестьянские, курсы всякого рода, через библиотеки, через театры, но все это собирается, все это приобретает целостный, органический характер, в понятии народного дома.

Понятие народного дома даже шире понятия органа внешкольного образования. Народный дом нужно представлять себе не только

как центр культурно-просветительный, но одновременно как центр политической, профессиональной и кооперативной жизни.

Но эту идею „интегрального“ народного дома я бы хотел подробнее развернуть перед вами, если я выступлю с докладом об этом на с'езде, а если нет, то дополнительно к тем статьям на эту тему, которые я писал и которые, может быть, удастся издать соответственной брошюрой. Теперь же я считаю наиболее важным указать на некоторые черты строения внешкольного дела, внешкольного аппарата вообще.

Нет никакого сомнения, что то, на что намекнула в своей речи товарищ Н. К. Ульянова, является бесспорно очень важным в конструкции внешкольного дела. Если мы будем понимать внешкольное дело так, как я его изложил, то ясно, что оно должно соприкасаться с целым рядом других отделов комиссариата. Было бы, однако, неправильно и парадоксально такое расширение понятия, если бы мы сказали: поскольку театр, библиотека, музей, картинная галлерея, выставка, кинематограф, поскольку все это и даже сама книга являются органами образования и притом образования вне школы, постольку все это должен ведать внешкольный отдел.

Конечно, если вы пошли в театр и не вышли оттуда образованнее, чем вошли, такой театр нужно закрыть, ибо это есть не театр, а легкое развлечение; в нем вы отдохнули так же, как если бы вы пошли спать, и лишь с этой точки зрения он имеет слабое право на существование. Театр есть орган образования. И вся общественная жизнь есть процесс образования для каждого индивида, однако ею руководит С. Н. К., а не отдел образования. Мы ограничим нашу задачу определенно. Внешкольный отдел заботится о том, чтобы в параллель школе итти навстречу той части населения, которая совершенно самостоятельно приобретать образования не может и которой нужно помочь органами внешкольного образования, т.-е. своего рода школами, только имеющими совсем иной характер, но тем не менее представляющими собою просветительное учреждение. Поскольку это так, постольку театральный отдел может видеть в театре непосредственную помощь в деле образования. Но театры суть сами по себе, они преследуют и художественные цели, создают широкий художественный репертуар и стараются достигнуть возможно больших эффектов сценического искусства. Приходите к ним и учитесь, если хотите,

но они к вам не пойдут! Вот если хотите устроить показательный спектакль с предшествующей лекцией, тогда это дело внешкольного отдела. Здесь внешкольный отдел может сговориться с каким-нибудь губернским театром или Малым театром: дайте спектакль, который бы иллюстрировал, например, тот или другой момент истории человечества, или пять, или шесть спектаклей, которые иллюстрируют последовательные эпохи. Это и будет делом внешкольников, но в остальном надо предоставить театру свободу развития по законам его собственного художественного движения.

Человек должен развертывать свое художественное, научное творчество возможно шире, ибо на этом дереве и растут те плоды, которыми потом будут все питаться. И в деле искусства мы не должны непременно превратить все в популярное. Мы должны заботиться, чтобы через популярное как можно больше людей постепенно поднимались до художественного творчества, до умения работать в области науки, до совершенно свободного творчества. Конечно, государство не может театральный отдел попросту превратить в подотдел внешкольного отдела, но было бы, конечно, печально, если бы из этого был сделан второй ложный вывод: в таком случае внешкольному отделу здесь делать нечего. Пусть *театральный отдел* сам заботится о развитии любительских кружков или театров с упрощенной постановкой, заботится о выработке соответственного репертуара, рекомендуя его театрам и т. д.

Пусть отделы думают о том, как устроить популярные выставки с какой-нибудь лекцией и т. д. Такой вывод был бы чрезвычайно печален. Тогда оказался бы раздробленным единый внешкольный орган. В чьем ведении тогда будет народный дом, в котором будут и театр и выставки, в котором будут концерты и каждая функция будет итти, вклиниваясь в тот или иной отдел? Это, разумеется, значило бы, что у нас дезорганизовано было бы внешкольное дело. В особенности бросалось бы это в глаза с отделом библиотечным. Библиотека есть орган внешкольного образования. В то же время библиотечный отдел имеет задачей распространение всех типов библиотек; это значило бы, что от внешкольного отдела ушла половина работы его.

Можно разрешить тогда вопрос иначе. Пусть там существует библиотечный отдел, кино-отдел, а мы заведем маленький театраль-

ный отделик, кино-отделение, библиотечный отделик, который будет только у нас, внешкольников.

Если там, в этом отделике, не будут сосредоточены наибольшие художественные и научные силы, если туда не будут отнесены все главные художественные аппараты, получится мелкотравчатость, кустарщина во внешкольном подотделе.

Внешкольный отдел перестанет иметь возможность пользоваться всеми ресурсами государства.

Поэтому единственным выходом из этого, который я рекомендую взвесить с'езду, является то, чтобы каждый из родственных отделов имел в себе подотдел более или менее развернутый специально по внешкольному применению его задачи,—по обслуживанию масс в популярной форме тем особым искусством или наукой, которая в данном случае является основной функцией этого отдела, и чтобы такой подотдел входил в секцию внешкольного отдела как его подсобный орган.

Необходимо совершенно, чтобы с'езд задумался об этом организационном центре, потому что и на местах — в губерниях—нечто подобное, может быть, в сокращенном виде, может повториться и должно найти приблизительно такое разрешение.

Я не касаюсь здесь еще одного из вопросов, который возникает у нас везде, — вопроса об отношении между внешкольной работой и работой так называемого пролеткульта. Этот вопрос надлежит также рассмотреть, и думаю, что компетентное решение с'езда в этом отношении будет окончательным.

Здесь будет роздана статья моя, которая напечатана в „Известиях“ и по поводу которой мы расходимся с некоторыми из уважаемых мною товарищей.

И вы, взвесивши все pro и contra, на основании наблюдений и опыта сможете это так или иначе разрешить.

Конечно, вступительная речь, которую я вам сказал, не может перебрать всех вопросов, которыми ваш десятидневный с'езд будет здесь заниматься и по отношению к которым, как бы ни велика была его работоспособность, последнего слова он также не скажет. Мне хочется думать, что в этом моем вступительном слове я достиг хотя бы отчасти той цели, которую я себе поставил, напомнив вам об огромной широте и важности той работы, которая делается во внешкольной области, и наметив по крайней мере

центральные из проблем. И я брал их в освещении того красного момента всемирной истории, который нами сейчас переживается.

Мы, собравшиеся здесь в числе тысячи человек, не должны повесить голову и сказать: не время собираться внешкольному с'езду, ибо со всех сторон грозит наступление врагов и рукой, не ослабевшей, правда, но тем не менее усталой от боев, защищается Советская Россия от всей этой своры.

Нет, это прекрасно, это символично, это показывает мощь нашего движения, что в настоящее время, когда мы призываем в бой людей, к фронтам для того, чтобы отразить эти наглые нападения, мы собираем в то же время сотни людей сюда, к центру, к сердцу России для того, чтобы обсуждать вопросы народного образования, ибо, конечно, меч в одной руке и факел в другой,— это теперь необходимо для нас. И то, и другое для нас одинаково важное условие победы. Поэтому мы и здесь имеем наше боевое совещание, мы здесь также на той же великой войне.

И как говорил здесь представитель Красной армии: она служит нам, мы служим ей. Это все вместе взятое, товарищи, столь существенно ныне в истории всемирной, что мы несем величественное служение и судьбам всечеловеческим.

Роль рабочих факультетов [1]).

Роль рабочих факультетов с самого начала в многочисленных моих выступлениях по этому поводу определялась мною как троякая. Во-первых, из всех органов народного образования самый тяжелый удар понесли школы второй ступени, другими словами, старшие классы бывших гимназий и реальных училищ. Школа классовая по составу своих учеников, руководимая педагогами, конечно, более образованными, чем педагоги низших школ, но вместе с тем и более пропитанными враждебными к советской власти политическими тенденциями, подчас черносотенными, в соответствии с тенденциями министерства народного просвещения наполнять своими верными чиновниками учебные заведения, подчас кадетскими и эсеровскими в соответствии с глубоко интеллигентским составом этой части учительства, по методам своим как нельзя более далекой не только от нашего идеала единой трудовой школы, но вообще от сколько-нибудь нормального педагогического типа, эта школа естественно подвергалась и острой критике и не всегда обдуманным экспериментами, была ареной довольно злостного саботажа. А если к этому прибавить, что школа второй ступени—организм весьма нежный, требующий больших забот и больших средств, то сделается ясным, насколько этот аппарат должен был пострадать в переходную эпоху.

На Украине, благодаря стремительности проводимых там реформ, катастрофа наступила полная. Там просто, считаясь с тем, что школа второй ступени больна, ее умертвили, старшие классы вовсе упразднили, обещая открыть вместо них техникумы, что, конечно, при нынешних условиях возможно, скажем оптимистически,

---

1) Написанная к концу 20 года. статья эта не ставит ряда проблем, являющихся сейчас животрепещущими, но мне кажется все же не лишним напомнить и теперь об основных целях рабфаков.

только в течение ближайших 10 лет. Хотя мы у себя такого рода реформы не провели, но партийное совещание, собранное параллельно с 8-ым с'ездом Советов, высказалось в пользу сокращения курса общеобразовательной школы до 15 лет и в пользу устройства техникумов, первые два года которых (при четырехлетнем курсе) должны быть вместе с тем подготовительной школой для высших учебных заведений. Эту реформу мы будем проводить не по-украински, а благоразумно, т.-е. закрывать высшие классы учебных заведений второй ступени лишь по мере того, как сможем гарантировать их нормальное превращение в техникумы или параллельное открытие таковых.

Тем не менее и у нас заметен огромный разрыв между идущей сколько-нибудь удовлетворительно волной нового поколения и университетом. Образовалась яма, ров, и мы не можем с уверенностью рассчитывать, что нормальное количество аспирантов на обучение в высших учебных заведениях будет во-время подаваться школой второй ступени. При таких условиях очевидно, что школы эти могут опустеть, что через несколько лет может катастрофически сказаться понижение количества молодых специалистов, выпускавшихся высшими учебными заведениями.

Как же быть?

Дело ясно. Если средние учебные заведения не функционируют нормально, то приходится брать аспирантов со стороны. Законы Советской республики дают этому широкую возможность, предоставляя каждому 16-летнему фактически право зачисляться в студенты. Правда, этот закон, как и надо было ожидать, пришлось ограничить при нашей тесноте, во-первых, а во-вторых, поскольку практические занятия требуют неизбежно известной подготовки, подлежащей предварительной проверке. Все же глубокая демократичность нашего законодательства о высшей школе как будто дает возможность обновлять студенчество именно таким побочным путем. Однако достаточно ли того, чтобы государство разрешило всем юношам и девушкам после 16 лет пытаться проникнуть в университет и побуждало университет оказывать им достаточно дружественный прием? Нет, конечно, этого отнюдь недостаточно. Мы чрезвычайно заинтересованы в том, какой именно элемент проникнет таким образом в высшие школы, и здесь начинается вторая роль рабфаков. Первая, в точной зависимости от указанной

необходимости создать побочные каналы для вливания свежих сил в университеты и Вузы, сводится к тому, что для многих из молодежи, не прошедших средней школы, необходимо создать при самом университете подготовительные курсы.

Но мы встали и только на эту точку зрения. Мы по существу должны создать однолетние или двухлетние подготовительные курсы, поставив их, быть может, под контроль профессуры высших учебных заведений и беря туда, кого судьба пошлет. Однако, говоря о рабочих факультетах, мы имеем в виду, разумеется, не это. Уже из названия явствует, что это учебные заведения, долженствующие прежде всего повысить возможность проникновения в университет именно пролетарской молодежи.

Второе значение рабфаков заключается в том, что они не только предназначены для пополнения первого курса различных высших учебных заведений нормально подготовленным элементом при слабом функционировании средней школы, но и для облегчения пролетариату фактически завоевать эти высшие школы для себя. В самом деле, если мы предполагали, что пролетарий может проникнуть в университет только через посредство нормальной школы, то тем самым при существующих условиях мы должны были бы отложить на много лет пролетаризацию университета и с точки зрения необходимости такой пролетаризации, т.-е. с точки зрения пользы самих университетов культуры и науки и с точки зрения колоссальной потребности пролетариата поскорей самому овладеть знаниями и выделить из себя возможно большее количество пролетариев специалистов. Задача обеспечить широкую волну пролетариев студентов является первоклассной. Рабфак есть не просто побочный канал, вводящий новых студентов, но канал, приспособленный к проникновению в университеты специфической публики, фабрично-заводских рабочих и только во вторую очередь красноармейских и крестьянских элементов, не связанных непосредственно с индустрией. Конечно, это дело должно быть поставлено возможно более правильно. Нельзя попросту принимать желающих рабочих, от этого получается нездоровое переполнение рабфаков, при чем многие попавшие туда разочаровываются в своих силах, отстают, уходят и т. д. Случаются такие элементы, которые не уходят, но нормально не учатся, по разным условиям бессильны и становятся главным образом довольно шумной компанией людей, которые вос-

принимают рабфак более как арену политической борьбы, чем как школу, что до крайности нежелательно. Дело политической борьбы с остатками господствующих классов и, скажем, с закоренелостью политического мировоззрения профессуры—совсем не дело рабфаков. Это дело коммунистической партии, советского правительства и больше всего Наркомпроса и его Главпрофобра. Дело студентов рабочих факультетов—учиться, ежедневно насыщаться знаниями, болезненно необходимыми нашему относительно весьма невежественному пролетариату.

Отсюда очевидно, что фабрично-заводские комитеты, партийные организации, профессиональные союзы должны отбирать и рекомендовать своих кандидатов в рабфаки с тем расчетом, чтобы это были способные юноши, полные рвения учиться и обладающие некоторой подготовкой. С последним обстоятельством не следует, однако, быть слишком строгим. Лучше прибавить к рабфакам лишний подготовительный год и дать возможность особенно талантливым юношам и девушкам пойти в университет даже в тех случаях, когда они, кроме элементарной грамотности, ничего не знают (соответственным продлением, конечно, их пребывания в рабфаке), чем закрыть доступ элементам, быть может, не очень грамотным формально, но даровитым и способным усвоить себе знания по существу.

Часто при этом делается ошибка. Многие склонны думать, что рабфак не так уже много студентов даст нормальному высшему учебному заведению, при котором рабфак состоит. Защитники такого мнения полагают, что фактически рабфак выродится в своего рода техникум или выше среднего учебное заведение, которое выпустит с своего, скажем, третьего курса более или менее квалифицированных работников и с этим дело с концом. Быть может, говорят они, один из десяти и попадет в подлинные студенты, будем и этому радоваться, зато 3—5 из десяти пройдут весь курс рабфака и выйдут из него относительно просвещенными, вооруженными известным умением.

Эта точка зрения пагубна. Цель, которую ставят себе таким образом пессимисты рабфака, должна откровенно преследоваться в техникумах. Рабфак не есть техникум, это не средняя школа, дающая средне-подготовленного подмастерья, это есть подготовительный курс к серьезному университетскому обучению. Вполне

возможно, конечно, что с первого, второго, третьего курса рабфака может выйти известный процент его студентов, получив небесполезные для них знания, но это явно ненормально. Главная волна должна, пройдя нормально подготовительный курс, влиться на первый курс университета. Лично я—сторонник того, чтобы они вливались именно на первый курс университета, а не того, чтобы высшие курсы рабфака рассматривались как первый курс университета. Самым энергичным образом отмежевываюсь я от тех, кто предполагает, что рабфак сам превратится в университет, т.-е. что старший курс рабфака окажется параллельным первому курсу университета, тогда первый курс этот начнет хиреть, уступать свое место, а рабфак начнет вытеснять первый, второй и третий курс и т. д. и превратится фактически в рабочий университет путем вытеснения старого университета из его стен разросшимся рабфаком. Представление в корне неверное. Процесс такого рода борьбы разрастающегося вверх рабфака и хиреющего снизу университета будет болезненнейшим, бесконечно неэкономным. Мы должны завоевать для пролетариев университет, как таковой, и для этого рабфак является соответственным коридором, выпускающим из своего конца студентов, так сказать, в нормальную аудиторию высшего учебного заведения.

Многие, исходя из ложного воззрения на рабфаки, как враждебные университету учреждения, долженствующие его вытеснить, тем не менее будучи их искренними друзьями, впадают в ересь, требуя отделения рабфака от Вуз'ов и их независимости. Получается курьез. Профессура в той ее части, которая ненавидит рабфаки, ходатайствует о том, чтобы вытеснить рабфаки из университета, огородиться от них какими-то стенами, а наиболее рьяные защитники рабфаков тоже ходатайствуют выселить их из университетов, тоже хотят построить стену между собою и университетом и таким образом льют воду на мельницу худших предрассудков профессуры.

Если же мы будем рассматривать рабфаки, как совершенно своеобразную пролетарскую подготовительную школу для университета, то мы поймем, что чем теснее она с университетом связана, чем больше ее программа и методы руководствуются целями университета, чем больше используются аудитории, лаборатории, библиотеки, профессура университета, тем это выгоднее для нас, тем

скорее пройдет вверх подлинная линия органического, а не враждебного завоевания университета рабфаком.

Теперь о третьем значении рабфака. Являясь горячим защитником того, чтобы рабочие факультеты были именно факультетами, т.-е. известной органической частью университета, я вовсе не противник того мнения, что рабфаки могуче изменят самый университет. Для неумеренных воителей рабфака дело представляется в виде какого-то потопления старого университетского фрегата постепенно новым строящимся рабочим дредноутом. Для меня же это рисуется иначе. Я отнюдь притом не предполагаю, что все дело сводится только к изменению состава живой крови, циркулирующей в жилах дряхлеющего университета—студенчества. Нет, дело глубже. Но прежде чем сказать об этом, я хочу раз'яснить недоразумение со словом факультет. Факультетом, как известно, называется определенная линия, идущая параллельно с другими линиями, выражающими собою ту или иную специальность, яко бы об'единяющуюся потом в единство университета. Не место критиковать сейчас старую систему университета и факультетов, унаследованную нами от средневековья и во многом совершенно устаревшую, но во всяком случае рабочие факультеты совсем не похожи ни на медицинский, ни на факультет общественных наук и т. д. Там факультеты делятся по признаку преподаваемых на них специальностей, группирующих вокруг себя необходимые для этих специальностей дисциплины. Здесь же мы имеем дело с подготовительной школой, не идущей параллельно, а, так сказать, являющейся преддверием для всех университетов. Конечно, уже на рабфаках могут быть соответственные фуркации, так что на самом рабочем факультете может быть нечто в роде факультета медицинского, естественно-научного, математического и т. д., как оно и есть в университетах. Но это еще менее делает похожим рабочие факультеты на факультеты вообще. Название это потому нелепо, следовало бы его изменить.

Однако название вряд ли введет кого-нибудь в заблуждение, и вряд ли стоит спорить о словах. Между тем замена слова рабфак каким-нибудь другим чревата опасностями. Опасно тут отмежевать это рабочее отделение университета от остальных. Когда мы имеем рабочие факультеты, мы тем самым подчеркиваем, знаменуем, что это неот'емлемая, равноправная с другими органами университета

часть его. И вот это-то особенно важно. Надобно непременно добиться, чтобы рабфак был живым органом университета в целом, живым органом высшего технического учебного заведения, если он состоит при нем.

Итак, третья задача рабфаков заключается именно в том, что они не только вливают новую кровь в организм высших учебных заведений, но изменяют самую морфологию этих институтов. В самом деле, рабфак имеет своей задачей преподавать науку совсем особой публике. Аудитория рабфаков, с одной стороны, менее приспособлена к преподаванию, чем абитуриенты бывших средних учебных заведений. Но, по правде сказать, эта их меньшая подготовленность относится в значительной своей части за счет той ненужной схоластики, которая в значительной степени примешана еще к университетскому образованию. Нужны лишь небольшие дополнительные сведения по русскому языку и, может быть, какому-нибудь иностранному, по математике, черчению, некоторая систематизация элементарных, естественно-научных знаний, для того чтобы формальные условия были выполнены. Между тем для восприятия специального преподавания аудитория рабфаков чрезвычайно приспособлена. Рабочие путей сообщения иногда с значительным опытом, разумеется, являются превосходнейшей почвой для восприятия соответственных дисциплин и соответственной техники и т. д., и т. п. Рабочий в общем жизненно зрелее, социально развитее, активнее и самостоятельнее бывшего гимназиста и реалиста. Он не позволит себе, как вымуштрованный на проклятых партах молодой человек, заслушав лекцию, хотя бы со вниманием, по возможности ее запомнить, он осадит профессора после лекции на его кафедре массой разных вопросов, он будет тащить его к практике, поддерживать в особенности практические занятия и всегда, благодаря тому, что он обладает техническими знаниями, ловкой, трудом воспитанной, рукой, он делает для себя, в особенности в области техники, доступным многое, чего никак не смог бы осилить окончивший средне-учебное заведение юноша. Особенно свежая рабочая сметка, подход с точки зрения практики как к целям, так и к методам не может не оздоровить самого преподавания. Все это заставит сначала отдельных профессоров пересмотреть свой курс, приспособиться к новой аудитории и потом

мощно повлияет и на учебный план, на программу и методы преподавания всего университета.

Не только студенты рабфаков, вливаясь в университет, заставят его преподавание измениться в духе большей жизненности, большей практичности, они постепенно воспитают, особенно из молодых ученых, из молодых преподавателей, главным образом работающих на рабфаках, соответственный этим новым требованиям профессорский персонал. Так произойдет не только внешнее завоевание университета, не только тот факт, что в аудиториях будут сидеть не одни сыновья интеллигентных отцов, но настоящие рабочие и крестьяне. Нет, не ограничиваясь этим, установится и внутреннее завоевание, перемещение всех университетских ценностей, очистка его от стародавней схоластичности, все еще милой сердцу интеллигента, и пополнение его теми дисциплинами, потребность в которых продиктована властным голосом жизни,— голосом, к которому особенно чутко ухо пролетария.

Таково значение рабфаков и отсюда вывод:

Тщательная подготовка наиболее квалифицированных, главным образом индустриальных рабочих для рабфаков.

Непрерывная тесная связь рабфака со своим высшим учебным заведением.

Особенная заботливость о том, чтобы рабфаки в естественном своем росте ни в коем случае не смяли и не ранили нормальных органов, нормальных высших учебных заведений, чтобы рабфаки не плевали в университетский колодец, из которого они потом будут пить, и столь же большая заботливость о том, чтобы Вузы не затрудняли роста рабфаков. Вуз должен понять, что рабфак доставит ему пищу завтрашнего дня, что это его будущее, что это подающий надежды сын и что другого сына у него нет. Если университет хочет жить (это же относится и к другим высшим учебным заведениям), он должен особенно заботиться о нормальном развитии своего рабфака.

О школе рабочей молодежи[1]).

Непрекращавшаяся в течение трех лет гражданская война и вызванная ею глубочайшая разруха в экономической жизни не позволяют до сих пор делу народного просвещения стать на ноги.

Без всякого самообмана приходится сказать, что нормальная постановка этого дела станет только по мере выздоровления всего хозяйства страны[2]). Говорить о всех задачах народного образования, как стоящих в одном плане или хотя бы приблизительно в одном, является в настоящее время не только ошибочным, но и преступным.

Всякая уравнительная политика при нынешних условиях граничила бы со звонкой фразой и бессилием на деле.

Республика, покончив с первым натиском своих внешних врагов и завоевав, будем надеяться, продолжительный мир, приступает к всестороннему плановому хозяйству. В общехозяйственный план, конечно, должны быть включены и все те культурно-просветительные задачи, которые имеют прямое или косвенное отношение к основной задаче—борьбе с разрухой и организации крепкого фундамента социалистической экономики.

Если во всех областях государственной жизни приходится при этом определенно отграничивать ударные учреждения и ударные задания, сосредоточивая на них всю силу, то то же самое в полной мере оказывается верным и в области народного просвещения;

---

1) Эта заметка написана была в 21 году, как раз на пороге работы по развитию школы фабзавуча, которая потом при усиленном содействии комсомола развивалась сравнительно очень успешно. Основные соображения об их значении, выдвинутые в ныне печатаемой записке, за эти два года остались существенно теми же.

2) Этот процесс, к счастью, по общему мнению, уже начал отражаться положительно в жизни школы. (*Примеч. июля 23 г.*).

в тот период, когда руководящие работники Наркомпроса не оценивали всей трудности и всей мучительности борьбы советского строя за свое существование, раздавались голоса даже против устройства каких-либо образцовых или показательных учреждений; „в Советской Республике все учреждения должны быть образцовыми“,—такова была горделивая фраза, слышавшаяся из уст некоторых товарищей; но сейчас дело идет совсем не о том, чтобы доказывать необходимость отдельных образцовых или хотя бы удовлетворительных показательных учебных заведений в культурных центрах.

Совершенно ясно, что показательные единицы—просто абсолютно необходимый элемент в сколько-нибудь правильно поставленной работе. Сейчас, повторяю, дело идет не об этом, а о четком распределении задач по планам.

Общегосударственная политика с окончанием войны и выяснившейся для всех глубиной разорения крестьянского хозяйства, с одной стороны, и возможностями и условиями прочного союза с ними пролетариата, с другой, побудит, конечно, и Народный Комиссариат Просвещения решительно вступить на путь обслуживания крестьянства в общеобразовательной сельской школе и в школе сельскохозяйственной с расчетом на продолжительное и прочное существование индивидуального крестьянского хозяйства.

В свое время раздававшийся лозунг о неминуемом и неизбежном крушении мелкого крестьянского хозяйства и о необходимости держать в школе (особенно в сельскохозяйственной) курс на фабрики пшеницы и другого типа подобные же колоссальные социалистические совхозы отходит в настоящее время в сторону, чем я не хочу сказать, что мы совсем забрасываем подготовку агрономов, способных работать в крупном масштабе и руководить высоко-квалифицированными широкими хозяйственными единицами.

Точно так, как выдвинувшаяся перед нами задача во что бы то ни стало поддержать и укрепить наше крестьянское хозяйство, являющееся основой всех наших социалистических надежд, хотя оно само пока и далеко от социалистических форм хозяйства, должна быть учтена в школьной политике,—задача спасения, укрепления и развития и концентрации быстрого приближения к социалистическим формам промышленности должна найти себе отражение в области общероссийского народного образования,

интересы индустрии, не могут не побудить нас с особенной энергией подчеркнуть необходимость напрячь силы и внимание на судьбу школы фабрично-заводской.

Настоящая статья оставляет в стороне вопрос о начальной фабрично-заводской школе, которая тоже должна отличаться некоторыми специальными чертами, но проблема становится особенно яркой и жгучей именно в отношении к подросткам.

В школе второй ступени или в последних трех классах предполагающейся к созданию в качестве переходного типа семилетней школы промышленный труд должен занять доминирующее положение. Он является здесь уже не методом активного усвоения знания, не в виде самообслуживания или различных форм сельскохозяйственного труда, бесспорно полезного для детского организма,— нет, здесь он уже является сам в качестве об'екта изучения.

Изучается труд, но изучается так, чтобы сквозь него, сквозь этот индустриальный, весь пропитанный наукой новейшей техники, труд ребенок усваивал себе мир космический и мир социальный, ибо все нити этих миров перекрещиваются на фабрике или на заводе.

Политехнический характер трудового образования и воспитания в этом возрасте обозначает, во-первых, то, что центр тяжести кладется не на усваивание той или иной технической специальности, а на знакомство с индустрией, как с таковой, со всякой наукой, определяемой производством современного человека. Во-вторых, подчеркивая политехнический характер этого образования, утверждается вместе с тем та истина, что техника берется не сама по себе только, а как опора для широкого общего образования в естественно-научном и общественно-научном смысле.

При этих условиях бросается в глаза, что подобное политехническое трудовое образование возможно осуществить в более или менее полной мере только в школах, так сказать, вплотную прислоняющихся к хорошо оборудованным фабрикам и заводам. Главная формула марксистской идеи учебного заведения для детей звучала: „Единая трудовая политехническая и индустриальная школа". Само собой разумеется, индустриализированное сельское хозяйство сюда, естественно, входило бы. Уже это одно ставило вновь и вновь перед Наркомпросом вопрос о том, правильно ли рассчитывать, что школа второй ступени, функционирующая на месте и

часто вплотную по подобию старых гимназий и реальных училищ, способна стать мало-мальски удобным рассадником нового образования.

В 1918—19 гг. отдел единой трудовой школы осведомлялся в этом отношении, путем непосредственных конференций и путем анкет, о настроении, господствовавшем среди пролетарской молодежи. Молодежь эта выражала, можно сказать, инстинктивное отвращение к бывшей средней школе. Она считала ее наполненной чуждыми ей детьми, находила себя, с одной стороны, мало подготовленной к прохождению там курса, с другой стороны, полупрезрительно отталкивала от себя идею поступления в эту школу и завоевания ее. Наконец, и чисто-топографические условия, дальность расстояния прежних средних школ, расположенных большею частью в центре городов, от окраин, где всегда живет пролетариат, являлись значительной помехой к такому завоеванию. Тем не менее отдел единой трудовой школы считал главным рычагом превращения бывших гимназий и реальных училищ в трудовую школу второй ступени внедрение в нее пролетарских элементов. Отсюда план снятия пролетарских подростков с фабрично-заводской работы путем уплаты государством суммы, равной их заработку, их семье. Отсюда довольно напряженная работа под лозунгом: „Пролетарский подросток, завоевывай школу второй ступени".

Уже в 1920 году можно было сказать с уверенностью, что такое завоевание происходит медленно, если и происходит. С еще большей уверенностью можно было сказать, что такого завоевания недостаточно. Включение пролетарского элемента в среднюю школу, конечно, было и остается желательным. Оно, конечно, способно поднять революционно-моральный уровень учащихся и поставить в некоторой степени под их контроль отсталые элементы среди учащих. Но разве школа второй ступени с пятьюдесятью или больше процентами пролетарских детей уже есть трудовая школа, о которой мы мыслим? Если мы присмотримся к тому, как даже показательная школа разрешает задачу сближения преподавания с индустрией, то мы увидим, что это делается частью путем экскурсий на заводы и фабрики, что является весьма почтенным суррогатом, но все же лишь бледным суррогатом индустриальной школы, либо путем работы на той или иной фабрике в течение

определенного количества часов в неделю. В некоторых случаях это знакомство с жизнью фабрики с технической, гигиенической, организационой стороны и т. д. приводит к чрезвычайно благоприятным результатам, но все же бросается в глаза, что это есть только половинное разрешение дела, что атмосфера фабрики или большого завода отнюдь не охватила школы со всех сторон. Фактически работа показательных школ есть скорее приближение некоторой группы пионеров-преподавателей и пионеров-подростков из непролетарской среды к пролетариату с его заводом и его научно поставленным трудом, с его и сейчас еще тяжелыми страданиями и его огромными надеждами.

Но ведь этот пролетариат сам включает в себя сотни тысяч подростков, из которых весьма серьезная часть фактически работает на фабриках и заводах и так или иначе практически, большею частью очень плохо, проходит свое ученичество. Когда Маркс писал свои знаменитые строки о грядущей педагогике, когда он говорил о рационально и гигиенически поставленном труде подростков на фабриках и заводах с прибавлением общих научных горизонтов, связанных с этим трудом, и о физическом развитии тела дополнительно к тому, которое самым этим трудом создается, то он все время имел в виду именно этих пролетарских подростков. Задача нарисовывалась ему не так, каким образом можно привести к трудовой школе гимназиста или реалиста, а рисовалась ему с противоположной стороны: каким образом можно сделать ад детского труда, созданный капиталом, источником величайшей педагогической системы?

Вот почему приходится признать ошибочным прежний подход Наркомпроса к этому делу, поскольку за чрезвычайно важной задачей революционной ломки и эволюционного воскресения российской средней школы он просмотрел еще более важную, правда, и несомненно более трудную задачу—создания трудовой школы 2-ой ступени специально для фабрично-заводских подростков, так сказать, в самых недрах фабрик и заводов, в самом центре рабочих предместий.

Наркомпрос в течение долгого времени звал пролетарского Магомета к школьной горе. Надо было сдвинуть гору в направлении к фабрично-заводскому подростку.

Мы сказали выше, что эта задача была еще труднее. В каком смыс-

ле? Не в том смысле, что здесь труднее осуществить приближающуюся к делу трудовую школу. Наоборот, только здесь и можно ее осуществить, и это с 2-х сторон. Во-первых, поскольку мы здесь имеем наиболее подходящий человеческий материал, наших собственных детей, непосредственно детей класса-диктатора. Во-вторых, поскольку мы имеем здесь в руках ресурсы подлинной индустрии.

Трудности тут в чисто-технической необходимости перемещения и преподавательского персонала, и чисто-педагогического инвентаря, который необходим дополнительно к ресурсам, предоставляемым фабрикой и заводом, и подыскания (за невозможностью создания) помещения для такой сети школ фабрично-заводского характера. Гораздо легче, в сущности полубесплодно, биться над бывшей гимназией, стараться вдохнуть жизнь в ее методы, чем создать совершенно вновь на почти девственном месте, где царское правительство ничего не создавало, политехническую школу. Украинский Наркомпрос, который столкнулся с еще более резко, чем у нас, выраженной враждебной физиономией средней школы, попросту в значительной степени ликвидировал ее под лозунгом замены ее технической школой. На наш взгляд это была неверно понятая задача. Дело не в перемещении центра от дела единой трудовой политехнической школы к делу технической школы или к замене более или менее широкой сети прежних школ 2-ой ступени более узкой сетью плохо оборудованных технических школ (в хорошо оборудованные технические школы ни гимназии, ни даже реальные училища превратить нельзя),—дело было именно в перемещении центра тяжести внимания с общегражданской школы 2-й ступени на классово-пролетарскую.

Пусть эти слова не будут поняты в том смысле, что мы стремимся к разрушению школы 2-ой ступени, что мы будем считать достойной жизни только школу фабрично-заводского типа. Нет, зачем такая исключительность. Но все органы Наркомпроса, Соцвос, поскольку он будет создавать школу 2-ой ступени или классы семилетней школы, по задачам своим соответствующие школе 2-ой ступени, и Главпрофобр, поскольку он будет создавать сети своих школ для старших подростков от 15 лет, школы классовые, интершкольные учреждения, библиотеки и т. д., должны помнить, что ударной задачей для нашего времени является именно создание классовой, достаточной по мере спроса этого

элемента населения, сети фабрично-заводских учебных заведений для пролетарских подростков.

Если, исходя из поисков осуществления нашего коммунистического педагогического идеала, мы приходим вплотную именно к такой постановке задачи, то, с другой стороны, мы приходим к ней, уже исходя из об'ективных потребностей нашей промышленности и из суб'ективных потребностей самого пролетариата, как класса.

Наша промышленность переживает чрезвычайно тяжелый затяжной кризис. Не будем сейчас останавливаться на неимеющих прямого отношения к Наркомпросу сторонах этого кризиса.

Но не будем также забывать, что Наркомпрос есть экономический комиссариат и что он является одним из главных поставщиков индустрии, а именно: он должен поставлять квалифицированных работников всех типов, вплоть до высших инженеров.

И вот в этом отношении индустрию русскую ждет также тяжелое испытание. Идет ли на смену нынешнему пролетариату новая пролетарская волна, прежде всего из детей самого пролетариата? Получит ли она достаточную техническую подготовку? Повысится ли со вступлением ее в жизнь, ее, которая росла уже в условиях социалистической борьбы, трудовой уровень на фабриках и заводах?

Увы, мы отнюдь не можем сказать этого с уверенностью. Центральный комитет Союза коммунистической молодежи напрягает все свои силы на то, чтобы сорганизовать и поднять кадры пролетарских подростков. Но, обозревая достигнутые результаты, констатируя факты, я отнюдь не склонен к утешительным выводам.

С большой энергией и настойчивостью Комсомол требовал от Наркомпроса мероприятий в этом отношении. Новое, в высшей степени болезненное, но, к сожалению, абсолютно вынужденное необходимостью сокращение производства ложится большой тяжестью на фабрично-заводских подростков, и эта временная складка на и без того многострадальном пути русского пролетариата обостряет еще более нужду пролетарских подростков в помощи.

Рассматривая дело с чисто-экономической точки зрения, мы прямо можем сказать, что трудно представить себе большее преступление со стороны органов, связанных с этим делом, чем какая бы то ни было степень халатности в отношении спасения драго-

ценнейшего элемента производства завтрашнего дня—пролетарской молодежи.

Но ведь экономическая точка зрения здесь не единственная. На прошлогоднем Всероссийском с'езде коммунистической молодежи я говорил им, что эта коммунистическая молодежь является наследным принцем нашей республики, что она есть прямой преемник класса-диктатора. Не является ли парадоксом, что этот класс-диктатор через свои органы проявляет большую заботу к детям других классов и групп?

Конечно, это об'ясняется не какими-то скрытыми симпатиями к мелкой буржуазии и т. п. Об'ясняется это тем, что весь аппарат народного просвещения был построен для обслуживания привилегированных и что перестроить его представляется необычайно трудным. Но трудность не есть невозможность. Нельзя на вопрос, почему вы не разрешили такой-то важной задачи, отвечать: мы не разрешили ее потому, что она трудная. Между тем Наркомпрос почти не разрешил этой задачи.

Настоящая декларация вовсе не хочет быть каким-то самобичеванием, каким-то актом покаяния,—ничего подобного. Причина такого положения вещей лежала вне людей, но сознание неверного направления работы должно проявиться со всей полнотой, если опыт натолкнул на необходимость взять новый курс.

Этим новым курсом для настоящего времени может быть только такой как в области низшей школы, так в особенности в области школ для подростков: фабрично-заводские училища типа специфического и наиболее близкого к идеалу единой трудовой школы и типа техникума должны быть поставлены на самом первом плане, в центре внимания Наркомпроса.

Параллельно с этим в области высшей школы рабочие факультеты также занимают особое выдающееся место.

Единая трудовая школа и техническое образование [1]).

Между педагогом „общего образования“ и педагогом-техником возможна априорная принципиальная вражда, она была даже совершенно неизбежной в буржуазном обществе. Здесь педагог общего образования был наследником идеалистической педагогической мысли, в общем порожденной мелко-буржуазной интеллигенцией в эпоху наивысшего ее духовного взлета, и отстаивал довольно абстрактный, хотя в высшей степени милый, идеал гармоничного человека. По существу в буржуазном обществе места для реализации этого идеала не было никакого. Педагогические теории Песталоцци, Гербарта или Фихте оставались мечтой, но крупная буржуазия последнего времени от щедрот своих могла разрешить организацию для детей культурнейших семейств среди правящих ста тысяч „новых школ“, до некоторой степени воплощавших абстрактный педагогический идеал индивидуализации и воплощение через индивид „истинно-человеческого“.

Педагог же техник (в буржуазном обществе вряд ли можно назвать его педагогом) был естественно поставщиком для капитала разного уровня специальных рабочих и технически омеблированных голов.

Педагог теоретически стал на точку зрения охраны личности и ее гармоничного развития. Техника определенно оболванивала человеческие существа на потребу производства.

---

[1]) Статья была написана в 1920 году, в самом начале споров между Главпрофобром (в то время руководимым О. Ю. Шмидтом) и профсоюзом, с одной стороны, и коллегией Наркомпроса — с другой. Многое изменилось с тех пор, но основные принципы, указанные в статье, остаются незыблемыми и получают в последнее время новое подтверждение.

Естественно, что пропасть эта значительно сузилась для нас, марксистов, работающих в области просвещения подрастающих поколений в переходную к коммунизму эпоху.

Педагог-марксист никогда не поставит абстрактно-идеалистической цели для „общего образования". Идеал человека для марксиста есть человек труда, во всеоружии знаний своего века, соединяющий в себе вполне обученного рабочего и вместе с тем хозяина жизни. Наша школа не может не быть „экономической", она не может не иметь отношения к хозяйству, так как хозяйство — это наша величайшая идея. Под словом хозяйство мы разумеем не только оборону от природы, не только заботу о выработке насущнейших условий самого существования общества, но равным образом и постепенное поднятие человека путем науки и техники до положения полного „хозяина" природы.

Вот почему, не только исходя из непосредственного педагогического наблюдения, что всякое звание усваивается лишь при практическом его прохождении, но и из самых глубин марксистского мировоззрения и хозяйственных навыков и тенденций пролетариата педагог-марксист может выдвинуть лишь трудовую школу.

Теряет ли при этом что-нибудь общеобразовательность? Конечно, нет. Для нас единая трудовая школа довольно определенно разделяется на два этажа, над которыми надстроен третий. Эти два этажа единой трудовой школы различаются потому, что маленькие дети школы первой ступени главным образом усваивают себе элементарные научные знания через посредство труда. Сам по себе труд, взятый раздельно, имеет здесь своей задачей упражнение рук, гигиенические цели, примыкает непосредственно к игре и т. п. Серьезного знакомства с производственными процессами для детей от 8 до 12 лет (а тем менее для дошкольников) предполагать нельзя.

Итак, здесь труд является только прочной и единственно возможной опорой преподавания знания. Начиная с 13 лет, дело может изменяться, труд может стать, не переставая быть опорой знания, также и самоцелью. Мальчики и девочки могут знакомиться с самым производством, его организацией, его основными процессами, его главными материалами и т. п.

Конечно, педагогически было бы совершенно неправильно, если бы мы брались при этом за изучение труда с его специального, профессионального конца. Весьма возможно, что в иных школах по условиям местным придется напирать главным образом на один пример производства: деревообделочный или текстильный и т. п., но задача преподавателя всегда остается одна: использовать фабрику, завод, мастерския, хотя бы и специальные, так, чтобы выработать не специалиста, а личность, знакомую с тем, что такое производство вообще и его организация; каково разнообразие технических приемов, что есть общего в механической структуре различных фабрик и заводов и в чем существенная разница при применении к разным материалам разных технических методов и т. п.

В этом смысле образование на этой ступени должно быть политехническим, оно должно позволить ребенку, по достижении 15—17-летнего возраста, широко выбрать применение для себя и не только в области разной индустрии (но и как врач, художник, администратор и т. п.), потому что не только для индустриального рабочего необходима политехническая трудовая основа, но абсолютно для каждого гражданина.

Помимо этого, есть другая причина, делающая просто невозможным превращение единой трудовой школы второй ступени в техническую. Техническая школа предполагает чрезвычайно обстоятельное оборудование специального характера. В России в настоящее время в лучшем случае нам удастся немного развернуть и рационализировать имеющуюся уже сеть технических учебных заведений. О превращении всех имеющихся у нас учебных заведений второй ступени, об оборудовании в качестве технических всех тех, которые мы вынуждены будем в большом количестве создавать, чтобы все большее количество кончающих первую ступень могло восходить на вторую, не может быть и речи.

Всякое продвижение в сторону знакомства с общими принципами индустрии, даже самое бледное, например, простая экскурсия на заводы и фабрики, сравнительно бедно оборудованные школьные мастерския, работа на огороде, изучение производства хотя бы только по рисункам и моделям, есть уже тем не менее хоть маленький шажок в сторону политехнического трудового образования. Поэтому такие маленькие шажки мыслимы всюду, во всей

и часто вовсе непромышленной провинции нашей земледельческой России.

Это уже проникновение индустриально политического света хотя бы бледным лучом во все закоулки школы. Наоборот, техническая школа преследует весьма определенные цели: дать профессионала; но оборудовать в такой мере школы России невозможно. План, возникший на Украине: разрушить 5—6 общеобразовательных школ для создания одной профессионально-технической, надо признать практически чудовищным. Это какая-то своеобразно аристократическая мысль, возникшая на той почве, что в большинстве случаев техническую школу представляют себе, как переполненную пролетарскими детьми, а школу второй ступени все еще как буржуазную. Но представление это неправильно, ибо школы второй ступени переполняются теперь с каждым годом учениками пролетарско-крестьянского состава.

Итак, марксистская трудовая школа вплоть до 15—17 лет остается как в идеале своем, так и в возможностях, предоставляемых в особенности русскими условиями, политехнической, а следовательно, общеобразовательной. Труд берется здесь, поскольку учат именно труду, в своем общем аспекте. Мысль и тело приучаются к индустриальному мышлению и действованию. Кроме того, труд постоянно принимается здесь еще и как основа для приобретения естественно-научных и общественных познаний.

Технически-профессиональное образование начинается на третьем этаже подростками-юношами 16 лет.

Педагог-техник нашего профессионального образования тоже не может быть своеобразным людоедом, который отделывает человеческий материал на потребу капитала. Социалистический профессионал должен быть социалистически просвещенным человеком. Деятели Главпрофобра прекрасно понимают, что нам нужен не вообще хороший рабочий, а хороший рабочий социалист. И это сближает в высшей степени нашего педагога-техника с нашим педагогом общего образования. И тем не менее известные шероховатости здесь всегда возможны, допустимы и даже законны.

Наши нужды железным голосом через посредство экономических комиссариатов диктуют заказы на людей определенной профессии Главпрофобру. И хорошо, если Главпрофобр, ведя главным образом это важнейшее государственное дело—доставку челове-

ческого материала, доставку обновленного персонала для нашего хозяйственного аппарата, на котором все зиждется, иной раз сердитой рукой отодвинет несколько соображений педагога, восстающего во имя гармоничного, граждански развитого человека, во имя прав ребенка на весь круг знания, а не только на специальность. Но, с другой стороны, необходимо, чтобы другие отделы Наркомпроса в свою очередь заявили Главпрофобру: „мы понимаем, что русскому разоренному хозяйству нужны специалисты, но рабочий класс все же не для того низверг власть капитала, чтобы так и не причаститься в течение долгих лет к подлинной культуре, не подняться до сознания своего человеческого достоинства, не отдаться великому и благотворному наслаждению мыслить и чувствовать".

Как социалисты, мы, защищавшие право рабочей личности перед фабрикой, которая стремилась поглотить его при капитализме, не можем не повышать нашего голоса, когда видим, как новая советская коммунистическая фабрика невольно проявляет в эти тяжелые годы ту же тенденцию.

Итак, известного рода борьба между марксистом, понимающим всю тяжесть текущего момента, всю важность напряжения сил, всю необходимость отступить от нашего идеала ради потребности времени, и марксистом, который тем не менее не позволяет этому тяжелому времени затоптать цветы первых надежд пролетариата и пролетарского юношества на возможность всестороннего человеческого развития, неизбежна.

Если бы эта борьба приняла характер недоразумения, ожесточенной вражды, взаимного непонимания, это было бы тем огорчительнее, что для этого нет никакой почвы. Необходимо, чтобы работники единой трудовой школы вполне сознавали громадную важность дела, которое вынужден делать Главпрофобр,—дела приспособления растущего в школе потока нового поколения к жизненным хозяйственным нуждам переживаемого страной момента.

С другой стороны, необходимо, чтобы деятели Главпрофобра понимали, что мы живем в социалистическом обществе, где невозможно просто упираться в потребности производства и где забыть за производством человека больше уже не позволит сам пролетариат.

Помимо этого, профессионально-техническое образование не

только может, путем споров и соглашений, согласовать свою цель с целями единой трудовой школы и согласовать тем тоньше, чем дружнее и чем вместе с тем богаче аргументами будет этот спор, оно может оказать неизмеримую услугу единой трудовой школе (поскольку она ведь тоже техническая) в деле разработки самых методов трудового воздействия.

Главпрофобр, будучи органом чрезвычайно ударным, покровительствуемый мощными экономическими комиссариатами, сможет, вероятно, раньше и быстрее, чем вся остальная школьная масса, добиться практических результатов. Он должен помочь в выработке индустриально-трудовых программ для городской школы и сельскохозяйственных для сельской, он должен помочь в деле выработки педагогов, знающих индустрию и сельское хозяйство и умеющих таким образом технитезировать нашу атехническую до сих пор школу.

В этом залог чрезвычайной гармонии и большой взаимопомощи, которую могут оказывать обе педагогические колонны красной армии просвещения, ибо куда же может обратиться Главпрофобр для выработки программы политического просвещения в своих школах, для выработки программы по общему образованию для юношества после 15 лет, как не к педагогу-марксисту, работающему в области единой трудовой школы или высших учебных заведений?

Главпрофобр, служащий хозяйственным нуждам, стоящий на страже потребностей момента, нисколько не оторван таким образом от общего строительства социалистической школы, которая пока закладывает еще в зыбкой почве, едва очищенной революцией, первые камни грядущей школы, отвечающей уже зрелому коммунистическому строю.

Две трудовые школы.

Как всякая страна с более или менее сложным социальным составом, Россия не едина. В ней существует довольно много разных прослоек, соответственно ее классовой структуре, но в общем и целом все более ясно, что разнообразие это начинает сводиться к некоторому основному дуализму. Идущий за знаменем коммунизма пролетариат должен всячески подымать Россию к широкой индустриализации, всеми силами устремляться к возобновлению и усилению процесса, шедшего еще при капитализме, т.-е. абсолютного роста мощно оборудованных предприятий и их концентрации. Как известно, в отношении концентрации, т.-е. в смысле пропорции количества рабочих, работающих на огромных заводах, по отношению к пролетариату, занятому в средних и мелких предприятиях, Россия являлась до войны самой передовой страной мира. Конечно, это только относительный прогресс, значение которого было бы безусловным лишь при более глубокой индустриализации всей страны, чем это имело место на самом деле.

Сколько говорится об экономической отсталости России и о полном несоответствии ее хозяйственной действительности и коммунистического идеала, поставленного перед собою авангардом ее рабочего класса. И, действительно, если мы пока оставим в стороне, в сущности говоря, единственно серьезную постановку вопроса, рассматривающую Россию и ее революцию только как часть революции мировой, и остановимся на перспективах российской революции, приняв ее изолированною, то мы невольно содрогнемся перед открывающейся перспективой. Трудно поверить, чтобы страна, вообще слабо индустриализированная, с огромным преобладанием крестьянства, после страшного разорения в результате непрерывных войн в течение 7 лет могла бы наладить то

хозяйство высшего уровня, которое является единственно прочным фундаментом не только для коммунизма, но даже и для переходных к нему социалистических форм.

С этой точки зрения можно прямо утверждать: или Россия,—и, конечно, мы рассчитываем при этом главным образом на своевременную помощь ставшего социалистическим Запада,—сможет быстро развернуть значительную сеть централизованных, оборудованных как можно лучше крупных заводов и фабрик, и т. п., или коммунистический строй никогда не осуществится в ней, а переходная пора с окрашенными социалистически особенностями будет постепенно бледнеть и сольется с некоторой широко демократической, в первую очередь мужицкой кооперативной республикой.

Вот почему, когда даже среди передовых пролетариев слышатся речи о том, что нам приходится готовиться к длинному периоду средневековья, во время коего машинная индустрия будет заменяться ловкостью рук специально обученных рабочих или сырым живым трудом, то с этим можно согласиться разве лишь для чрезвычайно короткого времени, для самого начала процесса хозяйственного возрождения. При условии же затяжного „средневекового“ состояния самая судьба революции в России оказалась бы абсолютно скомпрометированной.

И вот рядом с этой пролетарской коммунистической Россией, которая и хочет, и должна превращать Россию в страну крупной индустрии, конечно, руководимой не капиталистами, а государством, существует другая, мелко-буржуазная, крестьянская, индивидуалистическая, в лучшем случае кооперативная Русь. На первый взгляд кажется, что эта Россия гораздо ближе к русской интеллигенции, к науке, вообще тому, что называется русской жизнью. Вы на всяком шагу можете видеть профессоров, художников, которые достаточно политически развиты, чтобы с некоторым ужасом отвергнуть торжество какой-нибудь врангелевщины или возвращение к монархии, но которые часто одержимы влеченьем, родом недуга к учредиловской России, в сущности в последнем счете России кулацко-кооперативной.

В особенности сказывается это на Украине, где более или менее петлюровские или просто самостийные организации, в роде бесчисленной сети „просвит“, которыми покрыта Украина, где деревенские кооперативы представляют собой крайне мощные фор-

мации, настолько мощные, что вы чувствуете, как блекнет советский свет по мере приближения к сельскому дну, представленный там весьма бледным отражением в виде бессильных волостных советов, и как растет довольно-таки темная мощь сплоченного в кооперативные организации кулачества.

И почти повсюду вы отметите на Украине также, что средняя интеллигенция, профессура и т. п. не без интереса относится к надеждам на превращение Украины в „нормальную“ республику. Интеллигенции часто эта республика рисуется просто с политической стороны, как некая приличная, европейского образца „демократия“. Редко кто заглядывает в глубину ее значения и постигает ее неизбежно кулацкий характер, между тем на самом деле интеллигент, как интеллигент, т.-е. взятый не с классовой точки зрения, как мелкий буржуа, как промежуточный тип между капиталистическим и трудовым полюсами, а как представитель знания и культуры, в сущности говоря, должен был бы чувствовать себя неизмеримо ближе к коммунистам, если бы на нем самом, впрочем, не лежали слишком густым слоем разные мелкобуржуазные предрассудки вплоть до мнимого анархизма, до толстовщины и т. п. дериватов мещанского настроения.

В самом деле, коммунизм, продолжая дело крупного капитала, ведет страну к широкому техническому расцвету, который не может не опираться на весьма серьезную, главным образом реальную науку и который, с другой стороны, дает мощный толчок развитию всех знаний, в том числе и самых тончайших и „чистых“, развитию всех без исключения сторон культурной жизни.

Наоборот, кооперативно-кулацкий идеал есть самое грозное, что может стоять перед человеческой культурой на весьма долгий срок, и выступление в качестве доминирующей силы мелко-буржуазных производителей, связанных в кооперативы, означало бы глубокое омужиченье, глубокое огрубение всей культуры.

Когда я присматриваюсь к вопросам трудовой школы вообще и профессионально-технической в частности, я ясно вижу, что та же борьба двух Россий идет и здесь. Идеал трудовой школы, как он намечен т. Крупской в ее прекрасной книге, как он охарактеризован в декларации Наркомпроса, немедленно искажается, приближаясь к жизни, колоссальное мелко-буржуазное крестьянское течение подхватывает его и видоизменяет. Я говорю

не о той учительской и обывательской косности, которая готова была бы вернуться к старым школам, которая предполагает, что детей сейчас не учат потому именно, что изменили методы, между тем как их не могли бы учить и по старым методам, как не могут учить по новым, пока общая разруха не позволяет обставить школы сколько-нибудь серьезно. Нет, я говорю о сторонниках единой трудовой школы, для которых она рисуется, однако, в виде своего рода фермерских поселений или коммун мелких производителей с безусловным преобладанием самообслуживания подчас в качестве производительных союзов детворы, которая, по их мнению, может даже оплачивать свое существование трудом рук своих. С идеологической стороны тут ясен привкус анархо-коммунизма, часто и толстовщины, сознательной или бессознательной, это—стремление к опрощению и в особенности к, так сказать, злорадному, насильственному опрощению барчуков и натиранию им мозолей на белых руках.

Идеал этот не имеет решительно ничего общего с коммунистической педагогикой. Но, присматриваясь к такой школе ближе, мы увидим, что и ее идеология имеет некоторый глубокий практический смысл. Конечно, школа самообслуживания, школа ремесленная, коммуна, также в большинстве случаев построена неудовлетворительно, но там, где она начинает строиться, быть может, удовлетворительно, согласно некоторым идеалам таких типичных фермерских педагогов, как Шацкий, там она превращается в практическую школу обучения самостоятельного мелкого буржуа, который может сделать для себя все: пошить сапоги, сложить печь, вскопать огород и т. п., и т. п.

Пожалуй, отдавая дань кооперации, такая школа может подняться и для кое-каких улучшенных способов земледелия и ремесла, но она инстинктивно чуждается индустриальной школы, не может понять ее смысла. Она еще не сказала, но, может быть, скажет: „в стране, где огромное большинство представляет собою крестьянин и где фабрика и завод отказываются обслуживать крестьянство, необходимо завести огромное количество кустарей“.

„Вот такого-то мелкого или среднего крестьянина с улучшенным землепользованием, вот такого-то мелкого или среднего кустаря, самостоятельного, упрямого, демократически настроенного,

мы и желаем произвести на свет!“ скажет кулацкая трудовая школа.

Но мы, коммунисты, нисколько не отрицая того, что этот тип народится во что бы то ни стало и нарождается, уже прекрасно отдавая себе отчет в том, что, как бы мы ни боролись с этим, значительная часть деревенских школ в процессе своего постепенного роста непременно уклонится в шацкизм, все же должны ясно понимать, что это вовсе не наша школа и что нам приходится не заботиться о развитии такой школы, а бороться с ее влиянием.

В области профессионально-технической школы, которая в данном случае интересует нас в первую голову, имеется совершенно то же самое явление.

Мы всем хором без разногласия отвергаем ремесленную школу, как профессиональный ад для маленьких детей, но, по существу говоря, для более взрослых детей мы начинаем ее действительно воспроизводить.

Из целого ряда губерний (в том числе из Московской) мы узнаем, что, идя навстречу естественным желаниям крестьянства, мы и поддерживаем и плодим очень много профессионально-технических школ, имеющих своей целью научить крестьянина подсобному промыслу, полезному, побочному делу, которое округляет его домашнее хозяйство.

При нынешней разрухе крупной промышленности гораздо труднее вызвать из деревень молодежь, которая была бы подготовлена для крупно-промышленной работы, но между тем эта задача и есть подлинная задача Наркомпроса и Главпрофобра.

Все это я пишу не для того, чтобы провозгласить лозунг гонения на школу ремесленного типа или на трудовую школу, опирающуюся целиком на ремесло, ручной труд и т. п.; я говорю это для того, чтобы ясно разграничить эти две тенденции. Мы не отрицаем необходимости, например, в сельскохозяйственном отношении помочь бедному крестьянину, улучшить его хозяйство и т. п., но мы ведь не в этом видим коммунизм. Это навязанная нам обстоятельствами переходная роль. Если бы мы поняли ее, как нашу главную задачу, мы перестали бы быть коммунистами, а сделались бы идеологами крестьянства.

Трудовая школа фермерского типа, как и профессионально-техническая школа ремесленного типа, сужает сознание ребенка. И сколько бы ни говорили о том, что на этих простых процессах можно обучить всем наукам в мире, это остается совершенной фразой. Конечно, я могу взять в руки любой предмет, молоток или чашку, и развивать, согласно ассоциации идей, все технические, исторические и естественно-научные положения, так или иначе связанные с этим предметом, могу развернуть перед вами целую энциклопедию. Но это—искусственный метод.

Наоборот, индустриальная школа, опирающаяся на хорошо обставленную фабрику, завод, транспорт, центральную электрическую станцию и т. п., действительно вводит в самую гущу всего нынешнего человеческого миросозерцания, открывает бесконечные перспективы в прошлое и будущее человечества. Трудовая школа, базирующаяся на последних вершинах капиталистической культуры, когда она получает новое крещение при переходе к социализму, поднимает человека. Она бесконечно шире и светлей, чем школы учебы. Трудовая школа фермерского ремесленного типа, базирующаяся на отсталых формах труда, принижает человека, сужает его горизонт и в общем и целом в смысле общего образования уступает даже школе учебы.

Тема эта настолько серьезна, что ее нужно было бы развить гораздо подробнее, с гораздо большим количеством примеров, но наиболее чуткие руководители Наркомпроса уже ясно усмотрели эту опасность. Цель моей настоящей статьи была только в самых общих чертах указать демаркационную линию и определить взаимное расположение обоих станов.

К статье „Две трудовые школы“.

Вопрос, затронутый в этой статье, написанной в 1920 году, еще и сейчас встает перед нами с особенной остротой, притом в несколько измененном виде.

Вопросы о смычке с крестьянством, всегда весьма волновавшие партию, сейчас, в период укрепления новой экономической политики и обсуждения общеналогового и национального вопросов на 12-м с'езде РКП, выступили на самый первый план.

Само собой разумеется, что при этом приходится под несколько иным углом зрения рассматривать вопросы о школе для крестьянства и школе коммунистической.

Что между ними нет разрыва принципиального, это видно из предыдущей статьи. Крестьянская школа, конечно, должна считаться с условиями крестьянского хозяйства. Но как в этой статье, так и сейчас я смотрю на нее, разумеется, как на переходную и подлежащую возможно большему насыщению обще-промышленным и обще-коммунистическим духом.

Забота о школе для крестьянства, о реалистической ее постановке, о школе на национальных языках сделалась теперь одной из главнейших. Но тем легче в этом отношении потерять правильный компас. Надо всегда помнить, что смычка с крестьянством нам нужна, поскольку этим укрепляется диктатура пролетариата и поскольку мы имеем в виду повести само крестьянство по путям, указанным коммунистическим развитием.

От крестьянской базы, от того хозяйственного положения, в котором находится наше крестьянство, в особенности крестьянство более восточного типа, идут два пути. Естественный путь при этом есть развитие власти среди крестьян кулацкого элемента, выделение мелкой, средней, а затем и крупной буржуазии,—словом, обычного типа развитие из варварской страны в так называемую культурно-капиталистическую. Это есть постоянная опасность для нас, ибо, с одной стороны, мы до крайности заинтересованы в том, чтобы разбудить деревню и вовлечь ее на путь прогресса и хозяйственного расцвета, а с другой стороны, обезопасить ее от этого буржуазного типа и развития, до сих пор доминировавшего всюду и могущего быть парализованным лишь огромным братским давлением организованного пролетариата.

Уже неоднократно и в последнее время очень остро ставится вопрос о том, держать ли нам линию на крупное индустриальное развитие, на американизацию по типу американского Востока, или на пионерство, на американизацию по типу американского дальнего Запада, каким он, по крайней мере, недавно был.

В чрезвычайно талантливой проповеди Гастева поставить на высочайшую ступень развития легкость руки и умение с простыми инструментами сладить со всеми задачами, которые ставит перед русским человеком его гигантская всероссийская пустошь, звучат

тем не менее, как я отметил в одной из своих статей, именно опасные ноты, которые при преувеличении оказались бы как раз водой на кулацкую мельницу.

Ни на одну минуту не отрицая важности такого технического развития, которое давало бы нам находчивого на все руки мастера для работы в степи, в лесу, в тундре и т. д., для помощи мелкому крестьянскому хозяйству, я со всей силой подчеркиваю, что рядом с этим и выше, так сказать, стоит перед нами задача машинно-технического обучения русского населения, начиная с поднятия квалификации рабочего подростка и кончая по-американски поставленным инженерным высшим училищем.

Я не могу здесь пройти мимо чрезвычайно характерного эпизода, имевшего место в секции по национальному вопросу 12-го с'езда РКП. Товарищи украинцы выдвинули предложение пополнить тезисы товарища Сталина указанием на то, что ни в коем случае ссылками на более высокую и чисто-городскую русскую культуру на Украине нельзя позволять вкладывать палки в колеса культуре украинского языка при всем ее нынешнем недоразвитии и деревенском характере. Товарищ Троцкий постарался в своей формулировке подчеркнуть, что мы ни на одну минуту не сомневаемся, что низшие культуры должны подниматься к высшим и что урбанизация есть великий культурный принцип. Он старался подчеркнуть, что сама, так сказать, деревенско-украинская культура в своем развитии имеет как раз целью не зафиксирование нынешнего сельского своего характера, не самозамуравливание в узкие национальные предрассудки, а является лестницей к более высоким сферам мировой культуры. Дело шло здесь, конечно, не о борьбе двух направлений, а о дружеской выработке совершенно точной формулы. Но нельзя не обратить на это самого сугубого внимания. Перед русским пролетариатом, несомненно, стоит задача и, пожалуй, самая важная задача—поднять до себя и свое собственное крестьянство, и Восток. В этих целях ему придется принести не мало жертв, а стало быть в некоторой степени нивелироваться по крестьянской линии.

В самом деле, если мы имеем и без того ограниченные средства, то при обсуждении вопроса о том, как направить их: на дальнейший промышленный рост и достижение высшей культуры для наиболее подготовленных частей Союза Республик, в первую голову, оче-

видно, Великороссии, или на распространение первоначальной грамотности, на достижение порою самых первобытных условий культуры для наших, например, кочевников и т. д., — каждый раз, разрешая этот вопрос во втором смысле, мы тем самым будем наносить известный удар росту у нас в России правильной крупной индустрии, а тем самым и коммунизму. С другой стороны, если мы будем иметь постоянно эту первую цель, т.-е. возможность для питерских, московских, иваново-вознесенских рабочих добиться чрезвычайно высоко-технического, американско-практически общекультурного, действительно коммунистического уровня, если мы будем обращать внимание на стык наш с западным пролетарием, на необходимость огромных познаний для того, чтобы быть хотя бы временно настоящими руководителями западных рабочих, то мы легко сможем разрешать именно в этом смысле наши задачи, заботиться, так сказать, об укреплении промышленной головы России, забывая ее мелко-буржуазное туловище и ее еще громадный полудикарский хвост, а тем самым мы нанесли бы огромный удар нашему влиянию на крестьянско-азиатскую часть человечества. Оторвавшись же от него, мы ни в коем случае не могли бы добиться победы коммунизма на земном шаре в близкое время.

Таким образом приходится чрезвычайно мудро держать определенную среднюю линию. Обе ереси здесь в высшей степени возможны. Легко представить себе обсуждение под углом зрения чрезмерно крестьянским, чрезмерно национальным, чрезмерно кулацким, наконец, политики наших непосредственно диктуемых нам забот об отсталых народах и об отсталых слоях населения, только через нас могущих быть связанными с передовым пролетариатом Европы и Америки. С другой стороны, так же легко под влиянием увлечения идеями смычки нашей с крестьянами и с Азией начать пренебрежительно относиться к высшим формам культуры и заставить нашу индустрию, еще молодую, разрушенную, требующую крайней заботливости, приносить совершенно непосильные жертвы.

Все эти вопросы до крайности волнуют и Наркомпрос и касаются его самым непосредственным образом.

Перепечатывая настоящую мою статью о двух трудовых школах, я склонен был бы подчеркнуть больше, чем подчеркивал раньше, большую полезность для России, как переходной формы,

той пионерской, той фермерской школы, которой, как указано в статье, одним из сознательных или бессознательных проводников является блестящий педагог Шацкий. Повторяю, больше, чем раньше, подчеркиваю я теперь относительную полезность этой школы, но тем не менее в нынешней атмосфере я считаю важным напомнить, как существенно для нас развитие трудовой политехнической индустриальной школы.

Вопросы подобной сложности не могут быть разрешены никакими формулировками, но как мы вообще стоим на распутьи двух дорог и не можем еще с точностью предсказать, по коммунистическому или по капиталистическому пути пойдет та огромная мелко-собственническая Россия, а вместе с ней и Азия, которую мы сдвинули с места, так точно в относительно мелком вопросе трудовой школы сказывается с очевидностью, что школа учебы, как школа безнадежно схоластическая, школа привилегированных классов, погибнет неизбежно. Ее нынешняя устойчивость об'ясняется лишь известной косностью учительства и нашей экономической слабостью, но самая трудовая школа может приобрести два различных уклона—быть реалистической школой на потребу слабым, поднимающимся некультурным национальностям и крестьянству, или истинным проводником высокой промышленности школы, которая в нашей обстановке так легко и естественно сливается с идеями коммунизма.

Очевидно, нам нужно умное сочетание обеих тенденций в школьной политике.

Новая художественная педагогика.

Я получил письмо от Ганса Корнелиуса. Имя это достаточно известно знатокам современной немецкой культурной жизни. Ганс Корнелиус—автор очень широко распространенной полупопулярной книги по теории познания и целого ряда других философских сочинений, а вместе с тем большой знаток искусства.

В последнее время он занимает место директора художественной школы в Мюнхене.

В письме этом профессор Корнелиус выражал свои симпатии обновленной России и предлагал к изданию, если я найду это полезным, свою новую книгу „Художественная педагогика", корректурные гранки которой он прилагал. Но вместе с этим письмом я получил другое от того лица, которое привезло мне книгу и письмо профессора Корнелиуса. Это лицо сообщало мне, что Корнелиус не написал всего, что хотел, из боязни, что письмо его будет остановлено на границе. Хотел же он сообщить мне, что всей душой приветствует социальное обновление мира, что считает буржуазный строй отжившим и не способным создать базу для подлинного расцвета искусства и что, будучи пожилым человеком и прекрасно зная, как не устроена Россия в бытовом отношении, он тем не менее тотчас же приехал бы в Россию, если бы Наркомпрос посчитал желательным приглашение его, как преподавателя, в Высшие Государственные Художествен. мастерския.

„Художественная педагогика" профес. Корнелиуса—вещь глубоко замечательная. В общем он примыкает к интересному течению, возглавляемому профессором Гильдебрандом, автором нашумевшей книги „Проблемы формы в изобразительных искусствах". Гильдебранд—сторонник понимания художественности в изобразительных искусствах, как чистой зрительности, и вместе с тем сторонник теории существования незыблемых психо-физиологических законов

хорошего вкуса и благородной формы, отступление от которых означает собою точно и четко декаданс вкуса для данного лица, группы, народа или эпохи.

Приведу несколько цитат из предисловия и первых наиболее теоретически значительных глав книги Корнелиуса, которые достаточно ярко характеризуют его направление.

„Несмотря на все употребленные до сих пор усилия,—пишет он в предисловии,—для поднятия художественного воспитания, мы как нельзя более далеки от этой цели. В этой области, как и во всех остальных, у нас вовсе нет целостной культуры,—в лучшем случае у нас есть единичные явления личной художественной культуры, и если мы оторвем взор от этих отдельных исключений, то все окружающее нас—наши улицы, наши дома, утварь, наша одежда—кричит о неслыханной некультурности в отношении потребностей глаза".

А в введении он пишет: „В противоположность прежним временам расцвета германского строительства и германского ремесла мы находим нынче на каждом шагу предметы обихода и здания, которые абсолютно невыносимы для художественно требовательного взора".

И далее Корнелиус развертывает ту идею, что спастись от этого отнюдь нельзя путем возвращения к старым образцам, как к таковым.

В самом деле, разве Корнелиус не прав, когда говорит, что новейшая школа в социологии утверждала незыблемо зависимость художественных форм и всей культуры определенной эпохи. „А если формы исторически обусловлены, что же хотите вы, чтобы предпринял ученик с усвоенным им материалом форм, историческая обусловленность которых уже исчезла?" Но Корнелиус требует самого внимательного изучения лучших памятников старины, памятников избранных эпох, чтобы вникнуть в те основные законы, на базе которых могут возникнуть самые разнообразные стили и в будущем, но стили истинно здоровые, каковые могут покоиться только на базе этих законов.

„Однако,—пишет Корнелиус,—суметь воспринять органически эти формы и, согласно художественным законам, воплотить их в новое целое современный ученик не может нигде научиться".

„Наше время либо устремляется к чистому модернизму, вернее футуризму, который безрассудно и бессмысленно ломает свою связь с внутренней художественной логикой, в силу чего погибает от кривлянья и бессмыслицы, либо эклектически прислуживает всякому старому хламу".

„Подобное время,—говорит Корнелиус,— на самом деле не имеет никакого языка формы, а только какой-то отвратительный жаргон, оно и не в состоянии выработать истинно новый язык форм, пока художественное значение форм, пока понимание законов, связующих целое с частями, будет ускользать от нас".

Вот почему Корнелиус требует решительного переворота всех художественных школ, подготовки нового педагогического персонала, а прежде всего точного установления законов подлинной эстетики глаза.

Как не-специалист художественной педагогики, я не поручусь, конечно, что все в книге Корнелиуса правильно и что его теориям нельзя противопоставить не только в деталях, но и в важнейших положениях другие; я должен сказать только, что я с неослабевающим интересом прочел эту замечательную книгу, самое название которой достаточно показательно: „Художественная педагогика, основные тезы для организации художественного образования".

Я сделаю все от меня зависящее, чтобы эта книга с ее немногими иллюстрациями, не являющаяся вещью трудной к издательству, появилась возможно скорее на русском языке. Будет ли она принята, как надеется Корнелиус, за краеугольный камень нашей художественной педагогики или нет, она во всяком случае внесет много оживления и оздоровления в соответственную область.

В общем и целом, насколько я познакомился с основами тех программ, которыми руководятся Московские Художественные мастерския, я нахожу глубокую внутреннюю связь между их подходом к делу, подходом с точки зрения науки и ремесла, с точки зрения приобретения точных знаний и точных умений в области художества и подходом Корнелиуса.

5/I 20 г.

Политика Народного Комиссариата по Просвещению за 5 лет [1]).

Основными линиями политики Наркомпроса являлись следующие: 1) самая конструкция народного образования в России; 2) основные положения революционной реформы школы для детей, в том числе и профессионально-технической; 3) работа по приспособлению к задачам революции высших школ, как университетского типа, так и технических; 4) работа внешкольного порядка по общему и политическому просвещению взрослых масс; 5) государственная политика в отношении науки и искусства.

1. Конструкции Наркомпроса, как аппарата, мы здесь не коснемся, но по каждой из этих больших линий его политики я постараюсь дать представление о развитии идей и фактов, принимая в особенности во внимание довольно резко наступивший перелом в каждой из этих линий с переходом к новой экономической политике и централизованному государственно-плановому хозяйству.

В смысле общей конструкции народного образования Наркомпросом, правда, не сразу, но очень скоро за основу взят был принцип безусловной централизации и об'единения всего дела народного образования в одном центре. Эта централизация, однако, ни с самого начала, ни потом не предполагала централизации механической и мертвящей. Наоборот: как потом было это утверждено и соответствующими законодательными актами ВЦИК, каждый губернский отдел народного образования, находясь в зависимости от своего губернского совета, тем самым приобретал

---

[1]) По предложению ВЦИК, Наркомпрос составил отчетную статью для сборника в честь пятилетия революции. Настоящая статья есть лично мною написанная глава этого отчета.

известную самостоятельность по отношению к наркомату, но мы никогда не стремились поставить губоно в чрезмерную от нас зависимость, хотя и должны признать, что находим нынешний порядок, по которому, например, заведующие губоно сменяются иногда слишком быстро и неосновательно, нас не удовлетворяет. Мы думаем в ближайшем будущем провести через ВЦИК раз'яснение, которое дало бы нам возможность пристальнее контролировать смену лиц. Равным образом и мы, и заведующие губоно считаем чрезвычайно важным дальнейшее развитие пока еще недостаточно налаженного постоянного сношения между центром и ими [1]).

Так же точно и по отношению к отдельным учебным заведениям Наркомпрос не старался лишить их всякой самостоятельности, а наоборот, и сам в своей политике и в инструкциях своих завгубоно, а через них завуоно, устанавливал широкие пределы самодеятельности школьного самоуправления (школьных советов с участием учеников) и педагогических советов в деле применения примерных для школы обязательных программ, им дававшихся, к жизни и в деле внутреннего распорядка в школе.

Но, стремясь таким образом к мягким формам централизации, Наркомпрос, всегда встречая неуклонную поддержку Совета Народных Комиссаров, шел к тому, чтобы создать тем не менее единый центр. Как известно, в царской России очень многие ведомства имели у себя маленькие министерства народного просвещения. Нам удалось их уничтожить и слить их воедино. Не можем не отметить, что наркоматы беспрестанно вновь и вновь поднимали вопрос о децентрализации в этом отношении. Даже после введения новой экономической политики, опираясь на преувеличенные надежды относительно хозяйственных ресурсов, были делаемы такие попытки, например, со стороны Наркомзема, отчасти и других ведомств. Теперь уже выяснилось, что помощь, которую другие наркоматы могут принести даже ближайшим к ним учебным заведениям, не велика и что она вполне может быть ими принесена на основании гибких соглашений с Наркомпросом, какие в настоящее время и связывают нас со всеми заинтересованными в различных специальных областях народного образования наркоматами. Что же касается профессуры, то, в начале

[1]) В этом отношении со времени напечатания этой статьи, т.-е. менее чем за год, достигнуты весьма значительные успехи.

остро враждебная этой централизации, она сейчас почти вся целиком высказывается за нее. То же относится и к студенчеству.

Другим актом централизации, на этот раз менее произвольным, было полное устранение частной школы. Устранение частной школы и переход ее на государственное снабжение вызван был самым актом воспрещения взимания платности за учение. Ни одна частная школа на таких условиях существовать не могла. Централизация предполагала также и централизованное финансирование. В результате получилось то, что Наркомпрос взял на свои плечи абсолютно все государственные учебные заведения, которые находились в разных ведомствах, и всю частную школу, а также, в виду крушения местного бюджета, школы городские и земские и т. д., которые так же не имели никаких источников существования, кроме государственного. И тогда получилась явно несообразная картина, какой мы не видим ни в одном государстве мира, а именно оплата гигантской школьной сети, значительно более полумиллиона служащих (одно время союз работников просвещения насчитывал до 800.000), исключительно на средства государственного казначейства. В настоящее время, когда такого рода финансовая централизация показала себя явно не соответствующей ресурсам центра, принят целый ряд мер финансовой децентрализации. Сюда относится состоявшийся в 1921 году переход всех школ первой и второй ступени, а также значительного количества школ профессионально-технических в смысле их хозяйственного содержания на местные средства. Оплата же персонала в некоторой части его была оставлена за Наркомпросом. По школьному делу это составляло, исключая персонально-технические школы, всего 103.000 единиц.

В настоящее время принимаются дальнейшие шаги для такой децентрализации.

Рядом с этим, несмотря на постоянное сопротивление Наркомпроса введению платности, выяснилось, что жизнь настоятельно пробивает здесь брешь в нашей программе. Поэтому в ближайшее время Наркомпрос, по совещанию с заведующими губоно, войдет в центральные органы, прося одобрения временному введению платности на продуманных и относительно выгодных для школ началах[1]).

---

[1]) Соответственный декрет-инструкция вошел в жизнь.

Прибавим к этому, что некоторые наркоматы, профессиональные союзы, кооперативы и т. д. также дают средства на содержание школ. Отметим, что по Наркомпути, в виду линейного, а не погубернского расположения его школ, финансирование идет через сметы Наркомпути. Нечто подобное имеется также в наших отношениях с Цекультстроем, в виду постоянного передвижения строительных рабочих и необходимости иметь своего рода переносную сеть школ. Все это ставит перед Наркомпросом такую политическую задачу: отступить от центрального финансирования, но не отступить ни на шаг от централизованного контроля, идейного руководства, а, наоборот, усилить их.

2. Декларация Народного Комиссариата по просвещению, одобренная ВЦИК и изданная в самом начале 1918 года, установила ряд положений, определявших революционную реформу школы в России. Сюда относился прежде всего ряд мероприятий, выдвинутых уже радикалами-педагогами в пределах максимальной реформы буржуазной школы. Так, установлена была полная бесплатность обучения, обязанность государства снабжать школьников завтраками, обувью, одеждой и учебниками, поскольку дело идет о недостаточных детях; установлены были также принципы совместности обучения полов советской школы и устранение из преподавания древних языков. Все эти реформы, хотя и не всегда гладко, иногда слишком бурно, а иногда слишком мешкотно, в общем были проведены в жизнь. Те же из них, которые требовали громадных затрат, проводились лишь в наиболее благополучных губерниях, так что постепенно снабжение учеников и школьные завтраки, войдя сначала в обиход многих губерний, стали выполняться все неаккуратнее, пока не сделалось ясно, что при нынешнем состоянии республики провести эти меры невозможно. И тем более невозможным оказалось провести эту меру, что вместе с тем количество государственных детей, взятых в детские дома на полное иждивение республики, все росло неуклонно и в настоящее время находится между 600—700 душ.

Совершенно оригинальной реформой явилось введение единой трудовой школы. Под термином единая школа мы разумели такую школьную систему, которая раз навсегда покончивает с классовой школой, с делением ее на элементарную школу для народных масс и среднюю школу для привилегированных классов. В

этом смысле единая школа проведена у нас, как, впрочем, оказалась она за время войны проведенной в Дании. Как там, так и здесь количество школ второй ступени, бывших старших классов реальных училищ, гимназий, конечно, недостаточно для того, чтобы включить в себя всех учеников, кончающих первую ступень. И там и здесь принято за правило принимать наиболее способный элемент.

В общем и целом в России школы второй ступени еще носят на себе черты бывших средних школ, но тем не менее их ученический состав чрезвычайно демократизирован. В то же самое время школу решено было сделать трудовой в двух смыслах: во-первых, упирая все преподавание по возможности на активное усвоение в связи с различными трудовыми процессами, и, во-вторых, для более взрослых детей настаивая на обучении их самому труду в наиболее его высокой индустриальной форме, притом политехнически, т.-е. давая в общеобразовательной школе общее представление об индустрии и пользуясь для этого, как примером, по возможности двумя-тремя производствами.

На этом пути политика Наркомпроса потерпела несколько изменений. Во-первых, трудность подготовки и переподготовки учителей, невозможность опереть всю школу, хотя бы даже только школу второй ступени, на индустрию, невозможность достаточного оборудования этих школ соответствующим мастерским инвентарем—все это до крайности замедляло введение трудовой школы.

Тем не менее снабжение сельской школы земельными участками, так называемые летние школы, с их сельскими работами, на которые мы бросали и учеников из города, большие усилия по подготовке и переподготовке учителей, кое-где связь городской школы с индустрией, кое-где центральные для целой части города или целого небольшого города мастерския, а кое-где небольшие школьные мастерския в общем сдвинули и сейчас двигают школы по направлению к трудовому идеалу. Движение это нельзя не признать медленным, но и отрицать его могут только лица, не знакомые с русской школой.

Первоначально, при больших надеждах на единую трудовую школу, у Наркомпроса, по почину члена коллегии Познера, была сильна тенденция превращать ремесленные и профессионально-технические училища в хорошо оборудованные школы общего тру-

дового типа. Позднее выяснилось, что это понижает профессионально-техническую школу, не окупаясь в то же время достаточным повышением единой трудовой школы. В результате вновь возник уничтоженный отдел профессионально-технического образования, который взял в свои руки средние и низшие школы этого типа, а также профессионально-техническую высшую школу, до тех пор находившуюся в отделе высших школ, и превратился в Главпрофобр.

Уступки по линии профессиональной школы пошли дальше. На Украине в 1919 году была произведена реформа, снижавшая первоначально 9-тилетнюю школу о двух ступенях до школы-семилетки, с усекновением двух последних голов школы 2-й ступени, при чем Украина делала усилия для установления целой сети техникумов, в которые кончившие семилетку дети 15 лет могли бы сразу поступать уже для профессионального образования. Партийное совещание культурников и педагогов в начале 1920 г. постановило провести эту реформу и в России, но с осторожностью, для того, чтобы не разрушать высшие классы школы второй ступени, не компенсировав их достаточным количеством сколько-нибудь удовлетворительно оборудованных техникумов, как это, повидимому, произошло на Украине. Ц. К. партии в партийном порядке (в виду расхождения этой реформы с программой) одобрил ее, но лишь как меру временную. Семилетка только отчасти вытеснила прежнюю 9-тилетнюю школу, и сеть техникумов отнюдь не проявила особой способности расти, чего и можно было ожидать в виду необходимости весьма серьезного оборудования для этих учреждений.

В результате Наркомпрос сейчас имеет перед собой обе системы: новую, и тоже временную, семилетку плюс техникум. И старую, в то же время признанную общественным партийным мнением за более близкую к идеалу, 9-летнюю школу общего образования о двух ступенях.

Надо прямо отметить, что, например, Союз коммунистической молодежи, а отчасти и профсоюзы настаивают на скорейшем проведении реформы, урезывающей общее образование ради профессионального. Вопрос о том, предоставим ли мы этой реформе итти по прежнему замедленному темпу или сделаем усилия в направлении семилетки, есть один из основных вопросов, который

предстоит разрешить в самом ближайшем будущем. Чрезвычайно важным является при этом тот факт, что школа фабрично-заводских детей и подростков является в России почти единственной, могущей быть непосредственно индустриализированной согласно тем педагогическим принципам, которые столь блестяще, хотя и кратко, изложил Карл Маркс.

В виду огромной трудности перенесения центра тяжести всей школьной жизни в фабрично-заводские поселки или кварталы процесс этот шел во многих местах явно замедленно. Несомненно однако, что создание сети семилеток, примыкающих непосредственно к заводам и фабрикам, есть главнейшая задача Наркомпроса, на которую он должен будет обратить в ближайшем будущем все свое внимание. После 15-ти лет фабрично-заводские подростки поступают в так называемые фабзавучи. Их в настоящее время имеется более пятисот, и они обнимают более 30.000 учеников. Находятся они в ведении Главпрофобра, хотя, конечно, не могут быть отнесены к числу высших учебных заведений. Дальнейшее их развитие, до способности обнять всех подростков, является одной из дальнейших задач Наркомпроса, но встречаются, конечно, препятствия по недостатку средств [1]).

Украина выдвинула также перенесение центра тяжести со школы на детские дома. Российский же Наркомпрос полагает, что детские дома (за исключением небольшого количества хорошо поставленных опытно-показательных учреждений), переполнившиеся в результате голода, фактически представляют собой скорее учреждения призрения, чем образования, и попрежнему считают, что защита школьной сети и ее посильное развитие, вместе с реформой ее в указанных направлениях, остается главной задачей.

3. Как мы уже сказали, Главпрофобр, возникший с самого возникновения Наркомпроса, одно время совсем был стерт отделами единой трудовой школы и отделом высших учебных заведений. Однако потребность в специалистах, огромный вес чисто-экономических требований на профессиональное образование вскоре не только восстановили его, но и сделали его едва ли не самым могучим органом Наркомпроса. Главпрофобр взял в свои

---

[1]) Они все же продолжают прогрессировать.

руки также и фабзавучи и внешкольное профессиональное дело среди рабочих масс, и, наконец, все высшие учебные заведения, в том числе и общеобразовательные.

По отношению к высшей школе Наркомпрос и до возникновения Главпрофобра и после всегда держался той точки зрения, что полная школьная автономия, при несомненно антисоциалистическом настроении профессуры, а в прошлом и большинства студенчества,—дело немыслимое. В то же время долго подготовлявшийся и лишь недавно проведенный новый устав дает профессуре весьма значительное участие в управлении и отводит некоторую долю его на студенчество. Приходится с особою осторожностью относиться к высшей школе в виду того, что здесь мы имеем некоторое для России недостаточное количество высоко квалифицированных ученых, которых мы должны всемерно использовать. Работа в Цекубу помогла Наркомпросу поставить, наконец, ученых в 1921 году в приличное положение.

Разросшуюся было до чрезмерности, под влиянием революционного энтузиазма, сеть высших школ пришлось подвергнуть жестокой урезке. Оставшиеся учебные заведения поставлены были в сносные условия существования, так что в настоящее время мы присутствуем при упорядочении предпосылок реформы высшей школы.

Что же касается самой реформы, то она шла главным образом в форме установления устава и завоевания профессуры и студенчества. В число профессоров, в особенности факультета общественных наук, вдвинуто довольно большое количество коммунистов. Кроме того, основан институт красной профессуры, долженствующий подготовить нашу собственную профессуру.

Постепенно прием студенчества был урегулирован таким образом, что в этом году уже обеспечено безусловное преобладание коммунистов и поддерживающего их пролетарского и крестьянского студенчества.

Огромной важности дело организации рабфаков при всех учебных заведениях увенчалось успехом. Более 3.000 студентов вышли в этом году достаточно подготовленными для рабфаков в основные курсы. Несмотря на сокращение числа студентов на рабфаках с 40.000 до 30.000, мы предполагаем довести количество студентов, даваемых учебным заведениям рабфаками, до 8000

человек, т.-е. приблизительно до $^1/_3$ всех студентов, включаемых ежегодно в наши ВУЗ'ы. Остальное количество студентов мы пополняем в настоящее время почти исключительно аспирантами, непосредственно рекомендованными профсоюзами, партией, местными советскими властями и т. д. „В университетах оставляется лишь очень небольшое количество сравнительно высокооплачиваемых мест для молодежи, принадлежащей к более или менее буржуазным слоям. Обучение остальных бесплатно, и при университетах существует известное количество стипендий и других форм помощи студентам, которые, правда, приходится считать пока недостаточными".

Теперь перед нами стоит огромной важности вопрос о реформе самых методов преподавания. Здесь нужна, разумеется, величайшая осмотрительность. В ячейках коммунистов Наркомпрос и Главпрофобр находят, конечно, весьма достаточную опору, но надо сказать, что эти молодые люди, не сознавая всей сложности реформы, часто проявляют весьма беспокойную торопливость, так что Наркомпросу, борясь с профессурой, часто приходится, ища при этом опоры в партии, сдерживать и чрезмерное нетерпение коммунистических ячеек.

4. Общее просвещение масс, а также просвещение политическое шло вначале через так называемый внешкольный отдел или сектор Наркомпроса. В 1921 году он переименован в Главполитпросвет, и выработана была особая его конституция, тесно связывающая его, что и естественно, с агитпропорганами коммунистической партии. И это дело пережило в своей неуклонной, впрочем, в принципах, линии различные колебания, а также взлет, вызванный революционным энтузиазмом, но не подкрепленный достаточно экономической мощью.

С большим энтузиазмом принята была страной декларация о начале кампании по ликвидации неграмотности. Первый год с небольшим дал в результате два миллиона восемьсот тысяч обученных. Во многих губерниях были сделаны чудеса в этом отношении, но отсутствие средств заставило свернуть эту работу только до работы среди красноармейцев и профессионально организованных рабочих. Вопрос о расширении или дальнейшем сужении этой работы есть вопрос о наличности достаточных средств как из центральных, так и из местных ресурсов.

Сеть библиотек в городах и деревнях чрезвычайно окрепла, и введение новой экономической политики не столь разрушительно отразилось на этом процессе. Но надо принять в соображение при этом, что окрепло оно благодаря большому притоку книг, унаследованных народом от изгнанных бар. Правда, на смену этому источнику явилось Государственное издательство, сделавшее в последнее время мощную работу в отличие от скудной, какую оно вело в первые годы революции. Но Госиздат не может предоставлять книг даром, так как он переведен на торговый расчет. Дальнейший рост библиотек зависит опять-таки от количества центральных и местных ресурсов, какие будут на это ассигнованы.

Если допустить, что огромная цифра в 100.000 изб-читален, которую мы имели года два тому назад, была даже преувеличена, то тем не менее сеть изб-читален является одним из замечательных завоеваний революции. Завоевание это сейчас подвергается величайшей опасности. Сеть продырявлена и поредела вследствие отсутствия средств.

Так же точно ослабела работа по линии курсов для взрослых. Совсем прекращена агитпропагандистская работа в художественных формах, и все, конечно, единственно вследствие оскудения отпускаемых для этого средств [1]). Перевод на местные средства в области политпросвета привел к катастрофе, которая, по словам коллегии политпросвета, только в последнее время начинает как будто останавливаться. Зато за последнее время чрезвычайно широко развернулась партийная работа, находящаяся в государственном порядке в ведении Главполитпросвета. Мощная сеть партшкол уездных и губернских и увенчивающие их университеты имени Свердлова, имени Зиновьева, а также прямо с ними связанные университеты западных и восточных народов представляют собой грандиозный аппарат коммунистического обучения и воспитания. Аппарат этот пред'являет огромные финансовые требования государству, и несмотря на то, что более девяти десятых всего бюджета Главполитпросвета идет именно на эту сторону его работы, между средствами, какими мы располагаем для этого, и реальной потребностью партобразования сейчас зияет угрожающая пропасть.

---

[1]) Постепенно после 10 с'езда Советов все это восстанавливается.

Политическая линия Наркомпроса остается, разумеется, прежней: первоначальная грамотность и политграмотность, дальнейшее просвещение путем курсов для взрослых, библиотеки и читальни, коммунистическое просвещение, увенчанное партуниверситетами,— все это вряд ли может подлежать какому-нибудь принципиальному пересмотру. Весь вопрос только в получении и размещении средств.

5. Общее руководство идейного характера сосредоточено в Наркомпросе, в Государственном ученом совете, возглавляющем так называемый академический центр. В нем имеется политический сектор, следящий за теми сторонами дела, которые имеют первоочередное партийно-политическое значение. Отдел этот, председательствуемый непосредственно замнаркомом Покровским, тесно связан с партией и состоит сплошь из коммунистов. Вторым сектором, обслуживающим Главпрофобр и дающим ему обще-теоретические указания, является научно-технический сектор. Ему вместе с Главпрофобром предстоит в ближайшем будущем приступить к определенной задаче—реформе методов преподавания в высших учебных заведениях. До сих пор деятельность его в виду исключительной важности вопросов материальных и административных, заполнявших в этом отношении наше внимание, была сравнительно слаба.

Несравненно энергичнее работает научно-педагогический сектор, руководимый тов. Крупской и проделавший чрезвычайной важности работу по выработке школьных программ, дающих указания по пути к новой школе, он же ведает нашими опытно-показательными учреждениями и дает все идейное направление нашему Главсоцвосу (Главному управлению социального воспитания, ведающему все школьное дело).

Существует также и художественный отдел ГУС'а. В сущности вся работа по искусству свелась к некоторому руководству, которое дает этот сектор ГУС'а, опирающийся на хорошо развившуюся научно-художественную академию. Вне этого, благодаря неудаче реформы, разбившей художественный сектор на составные части и разбросавшей их по отдельным главкам, государственная работа по искусству сводится только к управлению хотя и немногочисленными, но важными академическими художественными учреждениями (театры, фарфоровый завод и т. д.) и к соответствен-

ной работе Охобра, т.-е. отдела художественного образования в Главпрофобре. Административная работа по искусству внедрена в так называемую Главнауку, работающую в качестве отдельного главка, но прямо подчиненную академическому центру. Здесь ведется финансирующая и администрирующая работа по всем ученым обществам, начиная с Академии Наук, Пулковской обсерватории и др. Сюда же отнесено громаднейшей важности дело управления музеями, важное не только в силу общей важности музейного дела, но и потому, что здесь хранятся несметные художественные богатства России.

Мы вынуждены проследить политику Наркомпроса в самых общих чертах и поэтому ограничиваемся этим небольшим очерком. В общем и целом мы можем сказать, что правильно намечен был путь многогранной культурной работы, обращенный одновременно и к коммунистическому просвещению, и к обереганию наиболее тонких научных аппаратов, обращенный одновременно к сохранению высшей школы и к защите и умножению сети элементарнейшего образования. Эта многогранность работы не дает нам возможности говорить об ударности одних задач, граничащей со стиранием других. Всюду Наркомпрос доведен нынешней нуждой до последних пределов и поставлен перед необходимостью громко требовать увеличения своих ресурсов как из центрального, так и из местного источника. Если во многих случаях линия Наркомпроса затерялась, если вслед за слишком большим, но нескрепленным материально успехом наступил упадок, то единственно только в связи с неразрешенностью еще центральных экономических проблем, стоящих перед обновленной революцией Россией [1]).

Конечно, работа по уточнению и действительной реорганизации программы Наркомпроса во всех этих многочисленных направлениях предстоит огромная. Однако без разрешения материальных вопросов она вообще вестись не может. Она всегда будет носить кустарный отрывочный характер, будет страдать бледной немочью теоретизирования до тех пор, пока не пройдет самая основная немочь нации—отлив, даже по сравнению с прошлыми временами царизма, экономических средств от дела народного образования, отлив, об'ясняющийся и войной, и огромными тра-

---

[1]) Мы замечаем в этом отношении явный поворот к лучшему.

тами экономических комиссариатов, борющихся с разрухой, а, может быть, и вызванным сознанием ударности вышеупомянутых задач обычаем относиться к культурным задачам, как к таким, которые терпят отлагательство. Теперь терпеть больше нельзя, и вопрос о финансировании культурной жизни страны из центральных и местных средств является одним из самых больных в республике и привлекает к себе — чему можно только порадоваться—все сильнее и сильнее все общественное мнение [1]).

---

[1]) Большим толчком в этом отношении явился X с'езд Советов.

Новая экономическая политика и Наркомпрос[1]).

О новой экономической политике в общем говорилось так много, что Владимир Ильич Ленин в конце-концов совершенно запретил говорить о ней принципиально. По существу дело действительно совершенно ясно и для лиц, ознакомившихся с вышедшими по этому вопросу работами, не нуждается ни в каких комментариях. Мы, марксисты, марксисты самого левого активного крыла, остаемся во всяком случае реалистами в полной мере. Мы всегда считаемся с условиями конкретной действительности. Решения партийных с'ездов, так сказать, накануне нашей революции установили картину союза с мелко-собственническим крестьянством, а стало быть предоставления ему свободы хозяйства и торговли, установили картину национализации крупных промышленных трестов с предоставлением среднему и мелкому капиталу естественного развития только в горячей атмосфере революции, которая заставляет все созревать с чрезвычайной быстротой и при бдительном контроле государства, представляющего собою не власть буржуазии над пролетариатом, а наоборот. Карл Каутский в своем блестящем труде, когда он во время полемики в 1905 году резко стал против Мартова и за большевиков по вопросу о движущей силе революции, Карл Каутский в другом своем блестящем труде —„На другой день после социальной революции"—был совершенно прав, указывая на длительный переходный период после победы пролетариата, во время которого политическая власть и власть над предприятиями крупного капитала окончательно и прочно находится в руках рабочих, при чем, однако,

---

1) Настоящая статья представляет собою одну главу, отнюдь не устаревшую, из брошюры, переиздание которой в настоящее время не было бы уже своевременным.

остатки промежуточной ступени быстрой эволюции продолжают свое существование, постепенно вливаясь в социальное производство, постепенно им абсорбируясь. С этой точки зрения вдумчивому марксисту, наблюдающему головокружительную политику коммунистической партии во время войны с ее развертской, явным образом подтачивающей крестьянское хозяйство, явным образом возбуждающей озлобление со стороны главного и необходимого союзника пролетариата — крестьянства, эта политика с ее массовой национализацией, с ее массовым разорением товаропроизводителя могла бы показаться чудовищной, если бы марксисты, поскольку они принадлежат к коммунистической партии, не были одновременно экономистами и социологами, но и революционными политиками.

Никто из нас не полагал, что политика разверстки есть правильная политика. Никто не полагал, что политика массовой национализации соответствует марксистской тактике в области превращения экономических форм, но все мы прекрасно знали, что война вынуждает нас с железной необходимостью к этой политике разверстки и хлебной монополии, что война грозным голосом требует от нас задушить буржуазию, разрушить находящийся под ней экономический базис, хотя бы нанося этим тяжелый удар всему хозяйству. Это необходимо было из политических целей, из целей военных, целей обессиления врага, который в противном случае сорвал бы всю революцию.

И как только одержана была нами предварительная победа, в критический и острый момент, когда крестьянские восстания перекатились в армию и достигли своего высшего пункта в кронштадтские дни, когда бестоварие грозило оставить нас в безвоздушной атмосфере, мы поторопились с огромной, вне революции невозможной быстротой отказаться от военного коммунизма и перейти на соответственный этап той марксистской политики, которая диктуется всем состоянием нашей республики. Так надо понимать и так понимаем мы то, что называется отступлением коммунистов. Со всем внутренним удовлетворением даем мы теперь жить крестьянству не потому, чтобы мы сочувствовали мелкособственническому хозяйству, но потому, что мы верим в постепенный рост и эволюцию крестьянства и прежде всего нуждаемся в хозяйственном расчете и хозяйственном трудолюбии крестьян-

ских масс, которые были подточены военно-коммунистической политикой. Равным образом мы с удовольствием, хотя и гораздо меньшим, предоставляем права для частной инициативы в деле промышленности и торговли. Здесь мы сознаем, что создаем себе явного и определенного врага, но мы верим в прочность наших рамок, переступить через которые раскованному нами духовному мещанству мы не позволим, а, с другой стороны, мы думаем, что частная инициатива, поставленная в эти рамки, будет помощником в самом первоначальном деле борьбы с нищетой и бестоварием. Естественно однако, что поскольку пролетариат призывает к жизни рядом с собою в экономической области, а для крестьянства и в области политической, другие не пролетарские и уже, конечно, далеко не коммунистические силы, постольку можно было бы ожидать некоторого ослабления в твердости политической диктатуры. Силы, призванные к экономической самостоятельности, имеют непременную тенденцию найти себе какое-нибудь политическое выражение; политическое влияние крестьянства, вероятно, несомненно возрастет в ближайшем будущем и уже на глаз заметно возрастает, но здесь мы имеем дело с диспараторской средой, очень значительная часть которой близко родственна пролетариату и большинство которой имеет интересы, близкие пролетарской диктатуре.

Но всем понятно, что стремление представителей частной инициативы в деле промышленности и торговли найти себе какое-нибудь политическое выражение, которое будет кульминировать непременно в создании тех или иных союзов, чего-нибудь в роде парламента, нами допущено быть не может. Коммунистическая партия отличается высоким политическим сознанием и большой степенью чуткости в политических вопросах. Поэтому мы не думаем, что можно было бы встретить хотя бы одного коммуниста, который не считал бы, что экономическое раскрепощение частной инициативы не должно сопровождаться бдительным контролем над всеми поползновениями ослабить при этом политическую власть пролетариата.

В области культуры не сделано значительного раскрепощения, и сейчас оно еще не дает себя знать, но есть области, в которых оно неизбежно и в которых бороться против его результатов трудно. Едва ли можно стеснять частное издательство, едва ли

следует прибегать к цензурным скорпионам, за исключением области политической; философским, научным и художественным стремлениям буржуазии лучше всего противополагать соотвственно достаточно мощную философскую, литературную и научную полемику. Но уже в области повседневной прессы, информационной, а в особенности политической журналистики мы, конечно, остережемся от перехода к чему-либо, напоминающему буржуазную свободу прессы.

Однако наиболее важным вопросом является как раз дело общественного и политического просвещения масс и подготовки нового поколения. Здесь было бы гораздо большим безумием дать возможность разыграться мещанской стихии. Народное образование, понимаемое как внешкольное, школьное и дошкольное дело, несомненно играет роль в систематически продуманной, активномощно действующей „информации", и потому в этом смысле школа, как орган образования и воспитания, сделалась гораздо более мощным органом, чем даже столь мощное орудие влияния на массы, как пресса.

К сожалению, однако, вопросы школы, отчасти даже вопросы внешкольные за вычетом тех, которые теснейшим образом примыкают к работе агитпропов, в значительной степени чужды коммунистической партии, и те же самые коммунисты, которые не уступят пяди земли там, где дело идет о сегодняшнем и завтрашнем дне, довольно равнодушны к вопросам дня послезавтрашнего, а особенно к той арене борьбы, которая в значительной степени определит собою успех или неуспех в дальнейшем. Между коммунистическим меньшинством, пролетарским меньшинством и другим меньшинством— буржуазией, обросшей между прочим влиятельной, обладающей знаниями и талантливой интеллигенцией, идет страшная борьба; у нас идет борьба с ней за ионизированную, не разложенную массу, т.-е. за политически неопределившиеся элементы, к которым надо отнести и значительную часть интеллигенции, и городское мещанство, и почти все крестьянство, и, что важнее всего, все сплошь подрастающее поколение. Эту борьбу должен вести Наркомпрос в порядке советском, государственном, пользуясь постоянной поддержкой партии и ее агитпропагандистских организаций, получая постоянные директивы от ЦК РКП и являясь более близким ЦК РКП органом, чем какой-либо другой.

Настоять на этом было бы, однако, слишком трудно. Некогда было задуматься о завтрашнем и тем более послезавтрашнем дне.

Нужно было стойко обороняться от нападающего врага. Нужно было заботиться о том, чтобы обеспечить себя куском хлеба, и эти заботы душили партию и ЦК, и они невольно должны были отмахиваться от нас, когда мы обращали сугубое их внимание на громадные задачи, на дальнейшую судьбу нашего дела в России, судьбу, которая может быть скомпрометирована той или другой ошибкой. Мы согласны при этом, что Наркомпрос сам делал ошибки, которые тоже могли с той или другой стороны скомпрометировать эту борьбу за душу обывателя, крестьянина и ребенка. В той школьной области, которой посвящена эта брошюра главным образом, мы сознаем, что, революционно увлекаясь в параллель с военно-коммунистической политикой, мы разрушали даже лучшее из того, что оставила нам буржуазная культура. Мы увлеклись иллюзиями относительно скорости введения в жизнь если не идеальной единой трудовой школы, то чего-то к ней приближающегося. Горки уходили сивку. Мы сейчас прекрасно понимаем, что трудности в сто раз больше, чем те, которых мы ожидали. Мы сейчас прекрасно понимаем, что самая лучшая школа, которую мы в состоянии создать, будет находиться в соседстве с некоторыми лучшими школами буржуазной и полубуржуазной педагогии, что нам нужно относиться осторожно к талантливым педагогам, к их идеям, к их работе и к их учреждениям, что в разрушении нашем нужна значительная осмотрительность, ибо разрушить в три дня довольно легко, что же касается медленного воссоздания разрушенного храма, то это дело гораздо более затруднительное. С этой точки зрения задачи простой охраны школьной стихии, задачи момента выдвинулись перед нами на первый план, и я думаю, что это хорошо. Это так же хорошо, как вся новая экономическая политика; хорошо это возвращение к реальности после пропагандистского, может быть, чрезвычайно значительного периода революционного энтузиазма. Отсюда, однако, далеко до какой-либо значительной уступки новой экономической политике. Нам нужно стать реалистами, нам нужно различать между задачами массовой школы, которую нужно, так сказать, содержать, и потребностями России, чтобы они не расходились. Эти задачи сводятся к созданию наиболь-

шего числа ударных, по возможности более близких к нашим педагогическим идеалам, опытно-показательных учреждений. Нам надо в особенности учиться планировать нашу работу и давать себе совершенно точный отчет в наших просветительных нуждах, в стоимости каждого предприятия, поскольку оно проводится в массовом масштабе, в имеющихся у нас средствах и т. д., и т. п. Мы должны быть экономистами в этом смысле, мы должны стать также экономистами и в других областях, мы должны суметь приспособить наше общее образование к сопровождающему его профессионально-техническому образованию, а это последнее к реальным потребностям экономики республики. Вот в чем заключается новая экономическая политика Наркомпроса.

Отсюда вытекает также, что при констатировании пропасти, разверзающейся между средствами, предоставляемыми Наркомпросу центром, и потребностями страны, мы вынуждены во что бы то ни стало искать в сущности естественного пути, пути оплаты школ самим населением в форме того или другого типа обложения платежеспособной его части. Это тоже относится к новой экономической политике Наркомпроса. Это все должно быть сделано именно для того, чтобы сохранить основную нашу позицию, т.-е. доминирующее влияние советского государства, а стало быть, коммунистической партии, в области народного просвещения, школьного и внешкольного. Перед нами работа по сохранению школы и подготовке новых педагогов на повышенном уровне коммунистического сознания, подготовка незрелой массы, все равно, ребенок ли перед нами или взрослый, отсталый рабочий из глухой крестьянской местности. Для того, чтобы наш аппарат сохранился, и для того, чтобы он с каждым днем все более и более коммунистически развивался, нам необходимо подвести под него достаточно прочный материальный базис. Но там, где, имея в виду задачу подвести материальный базис, приходят к необходимости не только видоизменения самого аппарата, которому наносят существенный ущерб, делая дальнейшее внедрение коммунизма просто невозможным,—там, мы говорим, это есть не коммунистическая новая экономическая политика, а это — буржуазная новая экономическая политика, это не есть активное наше отступление или наша оборона, а это есть их наступление и их нападение.

Студенчество и контр-революция[1]).

В революционном развитии Европы, если понимать под этой революцией вообще процесс обновления политического, экономического и культурного строя, студенчество сыграло, естественно, немаловажную роль.

Роль эта об'ясняется двумя особенностями студенчества, как такового.

Во-первых, на протяжении всей почти истории европейского университета студенчество в огромном большинстве своем принадлежало к буржуазии и большею частью именно к мелкой буржуазии. Поэтому революционное движение буржуазии против двух господствующих сословий (дворянства и духовенства) и движение мелкой буржуазии за более или менее радикальные формы нарождающегося буржуазного мира отражалось в студенчестве как наиболее молодой, собранной массами части определенного класса.

С другой стороны, университеты всегда были лабораторией по выработке интеллигенции, разумея под последней ту группу людей, которая обслуживает общество и прежде всего правящие классы, доставляя ему работников мозга, т.-е. его идеологов и его техников.

Идеология и техника, во-первых, должны были приспособляться к общему экономическому росту человечества и довольно быстро отражать происшедшие в хозяйстве изменения, а во-вторых, они обладают своей внутренней силой развития. Просвещенный человек наталкивается на ряд проблем и старается разрешить их, часто порядочно опережая свой век. Техник стоит также среди ряда проблем, вытекающих, с одной стороны, из несовершенства

---

[1]) Статья эта написана для альбома, изданного в настоящем году культотделом ВЦСПС в пользу пролетарского студенчества на нескольких языках.

орудий и приемов труда, им подмеченных, а с другой стороны, возможностей их усовершенствования, открываемых им. С этой точки зрения наука и прикладная наука сами по себе обладают некоторыми революционными ферментами, но тут нужно сейчас оговорить, что классы косные или умирающие стремятся задержать развитие науки, а часто и техники, и что университеты Европы далеко не всегда являлись очагами прогресса, но так же точно и основными сваями, на которых покоилось консервативное здание общепринятого миросозерцания и общепринятого жизненного уклада, т.-е. такого, который освещен был авторитетом и поддерживался силой господствующих классов.

Поэтому по университетам стала довольно рано проходить борозда, отделявшая правых от левых. Профессура в огромном своем большинстве была всегда не элементом развития, но элементом реакции. Средневековый университет в лице его профессорского сената давно уже отразился в сознании прогрессивного человечества, его публицистики и его искусства, как скопище довольно смешных, опереженных жизнью педантов, достаточно цепких однако, чтобы служить шпионами, цензорами и бессмертными кощеями, мертвою рукой схватывающими жизнь в интересах церкви и правительства.

Конечно, нельзя отрицать при этом, что в средние века и в эпоху раннего возрождения, а также и позднее бывали единицы или небольшие группы профессоров, настроенных прогрессивно, и очень характерно, что как только мы переходим от профессуры к студенчеству, мы в большинстве случаев видим, что здесь картина меняется и большинство переходит на сторону левых.

Почему?

А потому, что профессура представляла собою благоустроенных чиновников, так сказать, засевших в определенных гнездах старого быта, людей обеспеченных, трепетавших за свое общественное положение и с мозгами более или менее тронутыми умственным склерозом, заставлявшим их быть представителями старого духа, „который зады твердит и лжет за двух“.

Студенчество же с точки зрения бытовой представляло из себя нищую братию, которой нечего было терять в обществе, при этом чрезвычайно молодую и юношески дерзновенную. Студенчество часто обоготворяло тех профессоров, которые душой оставались молодыми и отражали движение общества вперед.

Когда схоластическая наука, т.-е. наукообразная идеология тогдашней церкви, постепенно просветлялась разрушавшим ее духом критики, студенчество массами наполняло аудитории и готово было порой с оружием в руках защищать соответственных учителей.

Если схоластика представляет собой безотраднейшую псевдонауку, то критические гении, развивавшиеся в ее недрах, и до сих пор еще внутренне конгениальны самой предельной и полной революции. Чисто-революционные ноты в смысле критики религии, всякой средневековщины, в смысле предчувствия свободы разума и построенной на опыте чистой науки звучат у Рожера Бекона, Оккама, и разительными являются сила ума и часто смелость духа людей, подобных Эригену, Абеляру и им подобных. Все это были первые проводники настоящей светской мысли, по существу своему разрушительной для старого порядка.

Но этот старый порядок очень рано начал получать удары и прямо оружием. Это об'яснялось тем, что универсальный католицизм оказался в конфликте с выросшим национальным духом, заставлявшим прежде всего буржуазию, а затем кое-где и местные правительства поддерживать прогрессивное течение, находившее соответственно духу времени свое выражение не столько в прямых политических программах, сколько в культпрограммах, густо окрашенных в цвет религии.

Студенчество, будучи животрепещущей и отзывчивой частью этой буржуазии, конечно, поднимало на щит и Виклефа и Гуса. Являясь значительным элементом, так сказать, офицерства великого и грозного движения таборитов и уклоняясь в более или менее буйные ереси острого боевого типа, стало казаться крайне опасным для власть имущих. От средних веков вплоть до Возрождения и дальше постольку, поскольку шла борьба нового буржуазного уклада против феодализма, студенчество было революционно в несравненно большей мере, чем профессура, в левой профессуре находя своих вождей, но превращаясь в реальную силу лишь тогда, когда вокруг знамени их вождей собирались вооруженные толпы горожан и крестьян.

В области богословия и схоластики велась борьба за освобождение буржуазии от оков церкви, а также переносно борьба чисто-политическая. Но основной базой всего движения, тем, что должно

было привести его к победе, являлись изменения экономические. Эти экономические изменения идеологически отражались прежде всего в имущественном, в хозяйственном индивидуализме, в постепенном отчеканивании права собственности, как абсолютного, подвижного, охраняющего людей первоначального накопления и их наследников, ставящего границы произволу государства и церкви. Средневековое общество медленно поднималось к буржуазному строю, и к тому же тянулось его сознание, находя еще до возрождения и в особенности в эпоху возрождения сильную и живую опору для себя в традициях римского мира.

Университет создавая легистов, знатоков римского права, вел глубоко революционную работу, конечно, буржуазно-революционную. Это была борьба за свободу собственности, за разумное торговое законодательство, за правильную экономическую политику государства и просвещенный абсолютизм, опирающийся на города и выражающий собою, в последнем счете, интересы торгового и в более слабой мере индустриального капитала. Эта роль, конечно, была менее бурно революционна внешне, но студенчество, чем ближе к эпохе возрождения, тем больше видело в римском праве и в рядом с ним возникавшем естественном праве истинно революционную силу. Тут уже зачиналась заря того поклонения природе и разуму, как равнозначащим, под знаменем которого шла буржуазная революция XVIII века.

В XVIII веке интеллигенция выступила особенно ярко и как представительница буржуазии, и как носительница радикально-революционного духа. В салонах энциклопедистов братались между собой представители прогрессивной крупной буржуазии и рыцари пера. (Как пример и прообраз великий Гельвеций и великий Дидро.) Конечно, все вольтерьянское и энциклопедическое движение, расшатывающее устои уже полуразрушенного феодализма, а прежде всего церкви, было глубоко революционно, хотя и глубоко буржуазно.

Эти блестящие верхушки интеллигенции, быть может, не имели особенного отклика в студенчестве, хотя оно, само собой разумеется, зачитывало до дыр сочинения энциклопедистов. Это потому, что французская революция, которой суждено было видеть такой катастрофический конфликт между крупной и мелкой буржуазией, уже при самом рождении своей идеологии текла по двум руслам.

Великим представителем идеологии мелкой буржуазии, чрезвычайно далеко шедшим в своем размахе к идеалу, как шел потом и его ученик практик, Робеспьер, был Руссо. И мы знаем, что не только в самой Франции, но и за пределами ее, в Германии, Англии и др. странах именно студенчество (все те тогда еще на скамьях сидевшие Шиллеры, а за ними Гелдерлины, Гегели и Шеллинги) с восторгом приветствовало в Руссо своего учителя. Студенчество тех стран, в которых экономические и политические условия делали возможным острое политическое движение, прямо принимало в нем участие. В отрядах марсельцев и других провинциалов, шедших к Парижу на выручку, на заседаниях парижских секций и в толпах, вооруженных пиками, выходивших в решительные дни, было много, много идеологов, к которым такое презрение питал Наполеон и от которых так открещивался Огюст Конт. Последний прямо заявляет, что мелкие адвокаты, врачи и журналисты—вот кто был гением и губителем французской революции. То была молодежь, только что вышедшая из университетов, или прямо университетская молодежь. И в дальнейшем, когда после падения власти плебеев, появилось романтическое миросозерцание во Франции, то оно, хотя и имело свою реакционную сторону (Шатобриан), главным образом выразилось в отчаянных попытках мелкой буржуазии продолжить революцию и придать наступающей буржуазной эпохе глубоко-демократический характер.

Студенчество вплоть до пятидесятых годов представляло собою авангард этой демократии. Конечно, оно было разбросано по довольно широкому фронту. Было и течение, отражавшее тогдашнюю „социал-демократию“ с ее Ледрю Ролленом и ее готовностью к заключению союзов с крупной буржуазией, были и прекраснодушные разговорщики, увлекавшиеся разного толка утопизмом, но были и такие, которые вступали в заговоры, сидели в тюрьмах и умирали на баррикадах вместе с рабочими, группируясь вокруг великих революционеров типа Бланки и Барбеса и им подобных.

Не то было в странах, жизнь которых была стеснена неопределимыми препятствиями, не раздвинутым еще потоком экономической стихии.

Уже Гейне гениально отметил, что Германия совершила свою революцию в области теории и мечты. Студенчество эпохи революции и последовавшей за ней эпохи кипело и волновалось и пода-

рило миру философов и поэтов исключительной глубины. Однако никто из них не смог прорваться до атмосферы свободы и прямой борьбы. Они формулировали ее, поражая то мощью своей грандиозной мысли (Кант, особенно Гегель, Гёте и Шиллер), то крайним радикализмом своих выводов (Бауэр, Штраус, Фрейлиграт и др.). Но в то же самое время они часто падали и не делались настоящими боевыми силами, уходя то в эмпирей философии, то в царство чистого искусства, то в католический мистицизм. Студенчество все время сопровождает это движение. Оно рвется больше всякого другого элемента проявить эти идеи в живой жизни. Но в отличие от французского нового студенчества, которое воплощается в знаменитой фигуре Делакруа, в его картине „На баррикадах", в этом образе молодого студента с оружием в руках, защищающего рабочую баррикаду, студенчество Германии, задавленной Наполеоном, идя по кривому руслу патриотизма под желто-черно-красным флагом, доходило лишь до энтузиастических порывов освободительной войны и до выстрела студента Занда.

В 48 году на особенно высокой ступени оказывается студенчество итальянское, которому одновременно приходится вести борьбу с австрийскими поработителями и собственными правительствами и церковью, глава которой давил Италию больше, чем какую-либо другую страну. И прав Больтон Кинг, когда он говорит, что авангардом революции в Италии являлись ее 11.000 студентов.

Но вот буржуазия побеждает. В пятидесятые годы выясняется, что она уже является более или менее господином положения во всех странах, но выясняется также, что вслед за ней катится новая не синяя и не национально разноцветная, а сплошная красная волна революции. И студенчество постепенно начинает отходить от революционных знамен и политически выветривается. Наполняясь непосредственно из мелкой буржуазии и чем дальше, тем все более сынками крупной буржуазии, университеты не только в лице своей профессуры, но и в лице студенчества становятся сначала равнодушными и аполитичными, а потом злостно реакционными. Повсюду студенчество еще и сейчас готово к серьезной политической реакции, выделяя группы людей молодых и по молодости своей отважных, физически крепких и сплоченных в массы, но теперь они являют собою не авангард революции, а авангард контр-революции. Типичное для них знамя есть знамя фашизма.

В странах победивших фашизм захватывает почти все активно мыслящее студенчество, оставляя в стороне лишь политических оболтусов и узкую, узкую полоску крайней левой. В странах побежденных свирепствует национализм. Там—враг для студента, имеющего впредь из студенческой куколки превратиться в буржуазного махаона,—не только пролетарий, но и национальный враг, а также „жид". Там среди студенчества в самой отвратительной форме проявляются шовинизм и антисемитизм, и, конечно, профессура еще глубже погрязает в соответственных университетских предрассудках, чем молодежь. Разница лишь та, что профессора прославляют фашизм во всех его разновидностях с кафедр, аргументируют его и фальсифицируют для него науку вплоть до естествознания, а студенчество готово дубиной ломать ребра рабочему, а в случае нужды взяться за винтовку.

Бросим теперь взгляд на отношения между студенчеством и революцией в России. Русское студенчество было всегда довольно демократичным по составу. К тому же на заре „туманной юности" русских университетов и само дворянство переживало в лучших своих частях (худшая большей частью шла на военную службу) покаянное настроение по отношению к крепостничеству, в каковом настроении сказался протест всех живых сил страны против самодержавной мертвечины.

Первоначально окрашенное в сенсимонизм и гегельянство, отражавшее в общем революционную волну великой французской революции, но смягченное туманной мечтой (Станкевич и окружавшая его молодежь), настроение это сменялось более или менее трезвым революционным отношением к действительности. Процесс этот совершался иногда под руководством гениальных выходцев из дворянства (Герцен), но больше всего первыми вождями, в недалеком будущем долженствовавшими сыграть громадную роль, были представители волны разночинцев (Белинский).

С появлением на поверхности русской культурной жизни разночинцев студенчество сделалось главным действующим лицом, главным носителем революционной идеи. Из него вербовались революционные партии, из него выходили теоретики и художники народничества. Оно являлось главной и бесконечно восприимчивой публикой, которая была базой для своеобразного и еще до сих пор недостаточно оцененного или, вернее, временно обесцененного под'е-

ма революционного и культурного в России, который связан с именами Лаврова и Чернышевского, Желябова и Михайлова, Перова, Репина, Мусоргского и Стасова и т. д., ибо это был поистине могучий кряж глубоко национальной, глубоко народной и смелой, настоящей революционной культуры. И почти все, чем богата следующая полоса русской жизни: социал-демократия с ее вождями (Плеханов), музыка с ее крупнейшими представителями (Римский-Корсаков), живопись с ее величайшими мастерами этого и последующего периода (Суриков), даже наука с ее Мечниковыми и Тимирязевыми представляла собою отроги этого кряжа.

Высшие учебные заведения, в частности Московский университет, энергически либеральный в своей профессуре, были революционны в своем студенчестве. И недавно отпразднованный нами юбилей демонстрации на Казанской площади, первой крупной ново-революционной народной демонстрации, был прежде всего юбилеем студенчества.

В годы первой формировки марксизма, этого нового, столь чреватого мировыми последствиями движения, они вербовали некоторое время своих адептов почти в одинаковой мере среди рабочих и среди студенчества.

Девятидесятые годы с их новым под'емом, после серых восьмидесятых, шли уже определенно по двум руслам. Сильно, даже доминирующе сказалось в науке и искусстве и вообще в культурной жизни влияние возросшей буржуазии и примкнувших к ней верхов интеллигенции. Состав студенчества стал меняться. Особенно в технических учебных заведениях, но также и в университетах появилась густая волна буржуазных сынков или приспособленцев, желавших только одного—занять сытное и разумное место в охраняемом самодержавным штыком выросшем буржуазном обществе. Либеральное студенчество оставалось центром, левее находились многочисленные группы сомнительных социалистов, и все уже и уже становился ручеек социалистов подлинных.

От шестидесятых и семидесятых годов стали отрекаться. И не марксистам же, будущим коммунистам, было защищать этот драгоценный период, этот священный палладиум студенчества, когда собственное миросозерцание приходилось вырабатывать для тех же и еще более расширенных революционных целей и по-новому, а отчасти в контрасте со старым народничеством. Наконец, пришла

подлинная революция, как результат второго рабочего течения общей жизни. Оказалось ли студенчество революционным? Самодержавие до такой степени изжило себя, война так ярко раскрыла его язвы, что все общество, в том числе и студенчество, примкнуло к февральской революции. Но когда пробил час первой великой пролетарской революции в мировой истории, студенчество все целиком шарахнулось в сторону. И надо сказать, студенчество и юнкера создали фашизм в России раньше всех, и характерно было, что в то время, когда Алексеев, осеняя себя крестом, или Корнилов со своим бесшабашным патриотизмом, или Деникин со своим черносотенством, украшенным розовым кантом, и т. д., и т. п. громили революцию во имя восстановления самодержавия, юнкера (эсэры и эсдеки), студенчество (эсэры и эсдеки) с равным озлоблением с оружием в руках дрались против рабочих и солдат.

Водораздел прошел гораздо левее. Можно сказать, только единицы из числа студентов (тем более профессуры) оказались по сю сторону баррикад.

Сознавая огромную важность высоко квалифицированной интеллигенции, советская власть церемонилась с университетами, берегла и сейчас бережет научные силы. В высшей степени терпеливо переносила она явную и часто прямо контр-революционную оппозицию студенчества, но она вместе с тем провозгласила лозунг создать во что бы то ни стало новое студенчество, завоевать высшую школу для пролетариев и крестьян.

Сначала ничтожное культурно-робкое меньшинство на рабфаках, это студенчество в последнее время почти внезапно залило все младшие курсы высших учебных заведений. И это не только студенты, вышедшие из рабочего класса и крестьянства, это в огромном большинстве люди, несмотря на свои молодые годы, вынесшие громадный и тягостный опыт. Это молодежь, от ранних ногтей дравшаяся в рядах красной армии, с грудью, украшенной ранами и орденами красного знамени, это молодежь мгновенно вбивает в рыхлую и до пагубной анархии развороченную страну сваи новой власти, молодежь, которая, перебрасываясь с одного фронта на другой, с одного конца гигантской республики на другой, научилась жизни в тяжелой и славной борьбе. Это дало ей закал, это жизненно подготовило ее. И весна пролетарской революции, совпадая с весной собственной их юности, зажигает каким-то

огненным хмелем в них кровь. Никогда, может быть, старые стены университетов не видели молодежи столь нищей и столь богатой духом, столь проникнутой энтузиастическим весельем и столь глубоко, даже трагически серьезной. Если бы стены Московского университета обладали нервами, они стали бы радостно вибрировать, вновь почувствовав в своих об'ятиях настоящую молодость человечества. И, несмотря на безумно тяжелые условия жизни, которые только в самое последнее время мерами правительства начали улучшаться, мы имеем здесь необ'ятный рассадник сил будущего.

Да, в Западной Европе более или менее консервативные, более или менее либеральные правительства могут сказать с гордостью, что они опираются на свое студенчество, но то же можем сказать и мы. Мы не греем, как это было прежде, черносотенно-эсэровскую змею на своей груди, мы воспитываем наших подлинных сынов, продолжателей нашего дела, в несравненно большей степени готовых умереть за свое знамя, чем любой фашист. И в предстоящей борьбе дело будет уже итти не о взаимоотношениях студенчества и пролетариата, а о двух совсем разных студенчествах, из которых одно политически умерло и воскресает теперь как реакционный вампир, а другое является интеллигенцией грядущего мира.

И волна катится дальше на восток, который шел к нам в аудитории университета восточных народов—татар, бурят, персов, индусов, китайцев, превращающихся здесь в миссионеров нового великого евангелия. И толпы китайских и японских студентов несмолкаемыми аплодисментами приветствуют речи представителя РСФСР и международного пролетариата тов. Иоффе.

Студенчество и новая экономическая политика.

Редакция журнала просила меня высказать мои мысли по поводу влияния, какое новая экономическая политика может иметь на студенчество.

Для того, чтобы ответить на это, надо спросить себя: а каково же было взаимоотношение между старой экономической политикой и студенчеством? При правильном понимании старой экономической политики она является не чем иным, как военной политикой, настолько ставившей в первую очередь неотложные военные задачи, что вполне правильного проведения основной марксистской линии в деле экономического строительства нельзя было требовать.

Со стороны же, для людей, не посвященных во внутреннюю сущность строительства, старая политика казалась курсом прямо на коммунизм. Что же совершилось в студенческой среде за годы бесконечно тяжелой рабоче-крестьянской обороны и политики полного разрушения буржуазного уклада, который каждую свою промышленную или торговую единицу стремился превратить в боевую единицу против диктатуры пролетариата?

Студенчество расслоялось, оно расслоялось под влиянием двух процессов. Во-первых, вершина, т.-е. так называемое старое студенчество испытывало на себе и давление обстановки, включая сюда характер открывавшихся перед ними перспектив для дальнейшего применения своих знаний, влияние коммунистической идеологии, равно как идеологии боровшихся с коммунизмом. В результате получилось в грубых чертах тройное деление старого студенчества. Постепенно росла первоначально чрезвычайно ничтожная группа студентов-коммунистов. Это понятно. Упрочение советской власти не могло не сопровождаться известным ростом ее сторонников во всех слоях мало-мальски трудового населения. На противоположном фронте организовалась сперва вполне боевая

и ярко контр-революционная, потом с оттенком некоторого политического бессилия и потому принципиально-оппозиционная полулегальная группа разного рода политически партийных кружков с примыкавшими к ним перифериями. Тут были разные, были в небольшом числе и правые, или люди, об'яснявшие свою враждебность к коммунизму не столько соображениями политическими, сколько религиозными. Были кадеты, эсэры правые, левые, меньшевики, анархисты. Наконец, посредине лежало частью не разобравшееся, а частью и не желающее разбираться студенчество, в глубоком смысле слова беспартийное. Тут слово „болото" легко слетает с уст. Однако произнесение его было бы в глубокой степени преждевременно. Кто приглядывался к беспартийному студенчеству, тот знает, как сложен его состав. Тут есть и молодой обыватель, который отмахивается от политики, который говорит: „где уж, что уж", и заботится только о том, чтобы сдавать во-время зачеты, чтобы продолжать под революционной грозой строить по привычке, как отцы строили, свою маленькую карьеру. Так паук во время канонады плетет паутину где-нибудь в углу сарая, который того и гляди сметет шальной снаряд. Но это во всяком случае не преобладающий тип. Есть, повторяю, студенты неразобравшиеся. Среди этих неразобравшихся попадает и особый тип, в некоторых отношениях может быть и новый. Это тип студента демократического происхождения, побывавшего уже на фронтах, прошедшего огонь и воду, не молодого, вернувшегося к своим книгам после всяких житейских треволнений, достаточно зрелого и энергично и определенно стремящегося к тому, чтобы довольно властно строить жизнь, заранее учитывающего свое значение, как специалиста и в высшей степени делового. Его программа диктуется не только эгоизмом, но и своеобразным патриотизмом. Он думает не только о том, что, вооружившись знанием до зубов, сможет во всеобщей кутерьме отстоять свою личность и хотя некоторую дозу своего личного благополучия; он думает также и о том, что крепким трудом может способствовать восстановлению и росту российского хозяйства. К коммунизму он относится не совсем определенно. Вот отрывок одного интересного письма такого студента, написанного грубо, но характерно: „Чорт вас знает, может быть, вы и провалитесь со всеми вашими прекрасными построениями, может быть, вы и не

угадали темпа истории. Вот тогда-то придется чинить все, что напорчено и стихиями и вами. А вдруг вы правы? Разве я знаю, я еще не социолог и не собираюсь им быть потому, что выбрал себе лесоводство и лесное хозяйство за дело. Так вот, вдруг вы правы. Тогда мы вам, разумеется, поможем".

Мне кажется, что это чрезвычайно характерные строки.

Есть среди беспартийных студентов и мучительно колеблющиеся, страстно переживающие свои сомнения, свои метания подчас между обоими полюсам нынешней взволнованной русской общественности. Словом, в этой массе есть такие элементы, которые никакой катализатор на определенные политические элементы разложить не может. Всегда останется „болотный" резидиум. Но, конечно, многие из этих элементов могут и оттолкнуться от нас к полюсу враждебному, и быть притянутыми нами.

Как же на всю эту систему студенчества повлияет новая экономическая политика? В чем заключается ее положительная сторона? Во-первых, в том, что она открывает перспективы подлинного удачного социалистического строительства. Военный коммунизм, просто как удар кулаком в скулу. Но ни один марксист, конечно, ни на одну минуту не считал, что зубодробительный коммунизм, вполне оправдываемый во время войны, есть путь к обогащению России, к ее машинному оборудованию, к ее хозяйственному под'ему. Между тем без обогащения, без технического прогресса никакой коммунизм в настолько отсталой стране, как Россия, невозможен.

В России возможна диктатура пролетариата, опирающегося на активные элементы крестьянства, возможен, стало быть, как бы политический перерост экономических возможностей, это доказала история, и рабочее правительство при таких условиях вынуждено следить за тем, чтобы процесс хозяйственного роста страны прошел как можно быстрее и безболезненнее под давлением нового господствующего класса, но прошел бы в общем и целом те органические стадии, которые свойственны хозяйственному процессу. Россия, крупно-промышленная голова которой легко входит в сферу коммунизма, имеет грузное туловище мелкой и средней промышленности и торговли, крестьянского хозяйства и длинный хвост патриархально-полудикого уклада, который

должен в благотворной атмосфере внимательной марксистской чуткой власти пролетариата догнать свою голову.

С новой экономической политикой мы впервые планомерно приступаем к нашему строительству, ни на одну минуту не обольщая себя. Мы знаем, что нам предстоят на этом пути и большие поражения, но успехи будут преобладать. Некоторая прозаичность, некоторая медлительность этого процесса могут отталкивать натуры романтические, но люди практики, нам особенно важные, будут постепенно приставать к все более и более импонирующей им глубоко деловой работе строительства.

Второй положительной стороной новой экономической политики специально по отношению к старому студенчеству является отношение к специалистам. Стоит только прочитать яркие строки, посвященные этому вопросу ЦК РКП в его тезисах о профессиональном движении, чтобы убедиться в желании коммунистов пройти в этом отношении гораздо дальше и энергичнее в направлении высокой оценки специалистов, чем это было до сих пор. Деловым образом настроенное студенчество может с удовлетворением сказать, что независимо от его происхождения, его политического прошлого и т. д. его может ждать впереди очень интересная работа и своеобразно привилегированное место в строящемся коммунистическом обществе.

Отрицательной стороной новой экономической политики является то, что мы, сжимая круг нашего непосредственного хозяйства на крупной промышленности, призываем себе на помощь духа частной инициативы, духа мещанства. Мы, конечно, сможем остаться хозяином этого враждебного нам духа, заставить его и его страсть к наживе служить нам в качестве низшей стихии. Это будет капиталистический Калибан коммунистического Просперо, но, как Калибан шекспировский, он будет ненавидеть господина. Часть студенчества, которая глубоко пронизана мещанскими традициями и тенденциями, в том числе и—увы!—так называемая социалистическая (социал-мещанская: меньшевики и эсэры), может найти здесь известную арену для враждебной коммунизму деятельности, может оценить частную промышленность и торговлю и всякое другое (частное начало) в общественной жизни, как-то именно поле, на котором можно построить свои баррикады, на котором можно найти свой политический контр-революционный плацдарм.

Так будет влиять новая экономическая политика на студенчество, одновременно и ускоряя, и замедляя его расслоение. Точного результата нельзя предсказать, будем по осени считать цыплят.

Весьма возможно появление в средней группе студенчества и сторонников сменовеховцев. Я не знаю еще, появились ли они уже, и поэтому ничего не могу сказать о том, как выглядят на практике сторонники людей, теоретическая эволюция которых любопытна.

Добавляю, что я говорю о старом студенчестве, ибо студенчество рабфаков по происхождению своему и настроению является совершенно иной силой. Расслоение студенчества происходит не только в силу давления обстановки и идеологии, о которых я упоминал в моей статье, но происходит еще под давлением непосредственного всяческого покровительства проникновению в университет авангарда грядущей интеллигенции, прямых выходцев из рабочих и крестьянских трудовых масс. Этот процесс будет расти, будет усиливаться, ибо если нам бесконечно важно беречь специалистов, хотя бы и сомнительных или равнодушных, то нам еще важнее вызвать к жизни специалистов, кровно спаянных с пролетарским классом, его судьбами и его строительством [1]).

---

[1]) Статья написана в 1921 году. С тех пор процесс, указанный в последних строках, так мощно развернулся, что проблемы нового студенчества отодвинули те, которые трактуются в этой статье, на второй план. Однако они отнюдь не ликвидированы, как и весь вопрос о старой интеллигенции.

См. между прочим мой недавно вышедший сборник об интеллигенции (примечание 28 апреля 1923 г.).

Воспитание и новая экономическая политика [1]).

Товарищ Ленин в своей статье об итогах октябрьской революции и в своей столь же почти замечательной речи на с'езде политпросвета со всей определенностью подчеркнул огромность поворота, который мы сделали в последнее время.

Вместе с тем чрезвычайно важно также и то, что сказано тов. Лениным о подлинной марксистской правильности так называемого нового пути. Новая экономическая политика, конечно, есть не что иное, как применение подлинной марксистской трезвости и марксистского анализа к условиям русской жизни. Только война заставила нас торопиться с введением военного коммунизма, к которому всякая побежденная страна склоняется, подчас даже и чисто-буржуазная.

Да, мелко-собственническая Россия должна будет проделать значительный стаж роста своей техники, своего образования, своего организационного роста, прежде чем сделается вся насквозь, а не только в том небольшом сравнительно остове, которым является русская крупная промышленность, приспособленной для того, чтобы стать восприимчивой почвой для подлинно коммунистических всходов.

Что труднее: вводить ли коммунизм твердой рукой с уклоном в некритический максимализм, или отказаться от непосредственного введения коммунизма, но с величайшим тактом, и ни на минуту не упуская из виду руководящей звезды, вести страну подчас извивающейся и извилистой тропой, минуя препятствия, но неуклонно и все ближе к его осуществлению?

Брутальные формы введения на военный манер коммунизма на

---

[1]) Эта статья написана по просьбе редакции „Коммунистки". Те основные положения, которые в ней высказаны, остаются верными и по сю пору.

самом деле легче. Есть много русских людей, которые привыкли командовать, но еще больше тех, которые привыкли подчиняться, и на этом можно построить поверхностный и немножко аракчеевский коммунистический фасад, и именно легкость этой работы привлекала порой более простецки мысливших коммунистов. На самом же деле это дело не только трудное, но и совершенно безнадежное. В тот или другой момент этот брутально проводимый коммунизм, находящийся вне соответствия с реальными хозяйственными силами страны, должен был бы рушиться. Наоборот, в глубине вещей легче, потому что возможнее, работа по неуклонному, органическому строительству всех мостов и дорог, которые приведут нас в конце-концов к коммунизму. Но самый путь к этому гораздо труднее, требует бесконечно более напряженной мысли, более точного учета окружающей действительности, большего терпения, большего такта в отношении с людьми.

Вот почему, повторяю, простецки мыслящие коммунисты останавливаются в некотором затруднении перед этим политическим плетением кружев. Но коммунистическая партия не только мощна и решительна: она мудра и ловка, и теперь мудрость и ловкость нужны нам, пожалуй, в большей мере, чем мощность и решительность, о которых мы, однако, ни на минуту не должны забывать.

Мы начинаем теперь глубоко реалистическое строительство, глубоко реалистическое осуществление предпосылок коммунизма. Наше внимание в огромной степени будет теперь устремлено на урегулирование всяких течений в мелко-буржуазном море, которым будет окружена наша коммунистическая постройка, на согласование нашей работы с тем капиталистическим окружением, в котором мы фактически должны существовать.

Это, однако, отнюдь не значит, что мы в какой-нибудь мере сдаемся этому мещанскому морю. Нет. Во-первых, в области политики мы должны проводить максимальную твердость. Мы не должны допустить ни на минуту никакого ослабления пролетарской диктатуры, никакого ослабления руководящей роли коммунистической партии в стране. Это не подлежит никакому сомнению.

В области экономики мы, конечно, не откажемся от концентрированного государственного капитализма, поскольку дело идет о крупной промышленности. В области просвещения мы готовы

признать какие угодно формы частной инициативы в сфере искусства и науки и, поскольку государственные ресурсы позволят это, будем поддерживать их, но из этого отнюдь не следует, чтобы мы позволили создавать рядом с Наркомпросом, который должен быть все более и более совершенным воспитателем народа, организацию других центров или других рассеянных учреждений народного образования и воспитания, которые при наших условиях явились бы отравителями массового сознания.

Как мы, считаясь с необходимостью дать известный простор буржуазной стихии в области промышленности и торговли, отнюдь не думаем вследствие этого сделать какой-либо политической уступки меньшевикам, эсэрам и кадетам, так точно в области народного образования этим господам или всякого рода политически неразобравшимся обывателям не будет дано возможности строить свое мещанское просвещение рядом с нашим коммунистическим.

Все силы правительства и партии, какие только могут быть уделены делу народного просвещения, должны быть напряжены для того, чтобы те аппараты, которые ведут борьбу за сознание масс (Главполитпросвет), за молодежь (полит. работа в университете, рабфаки и работы Комсомола), за детскую душу (интерсколярные учреждения, организации учащихся, школы, дошкольные учреждения и т. д.), были на высоте и могли без ущерба для общего дела народного образования монополизировать его в своих руках.

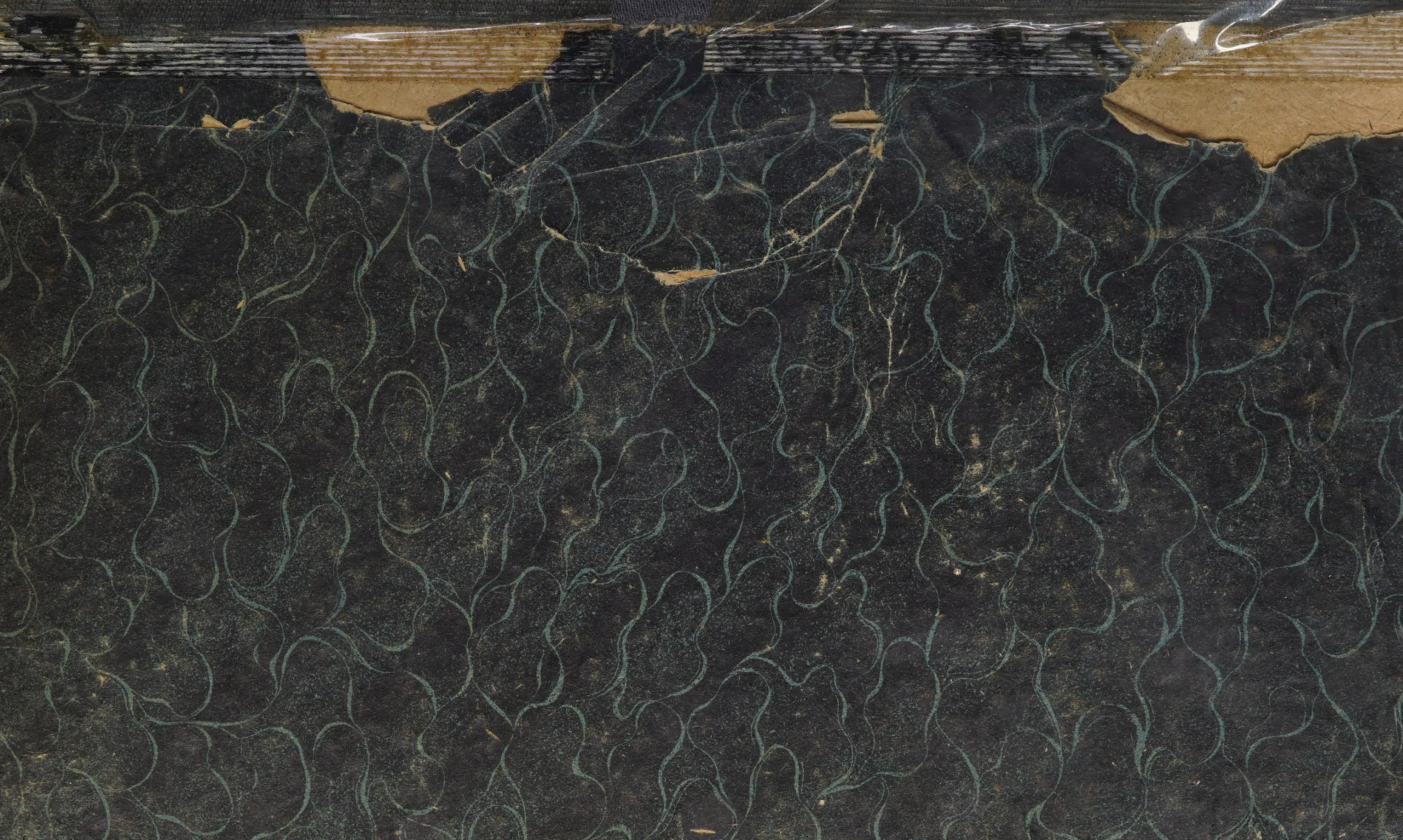
Поскольку возможно, например, возникновение частных издательств, они будут регулироваться Госиздатом; поскольку появятся частные театры, они будут руководиться соответственными государственными аппаратами; частных школ, библиотек, народных университетов, народных домов и т. п. мы ни в коем случае допускать не будем.

Все те живые силы страны, которые хотят проявить в этом отношении свою инициативу, могут поступать на государственную службу или предложить государству свои услуги через школьно-хозяйственные советы, научные общества и т. п. организации. И эти услуги, как индивидуальные, так и коллективные, материальные и моральные, будут приниматься охотно и с благодарностью. Но, повторяю, вырастание рядом с нашей системой образования,

которая, конечно, пока еще чрезвычайно пропитана буржуазным и мелко-буржуазным духом и в которую мы только начинаем водворять коммунистическое содержание, еще другой системы, уже с полным торжеством в ней означенного мещанского духа, абсолютно недопустимо. Прибавлю к этому, что в области платности государственных услуг, касающихся просвещения, мы также будем итти с величайшей осторожностью. Во-первых, мы должны сохранить бесплатность обучения для бедных граждан России, ибо пока на обозримое будущее деление на бедных и богатых, увы, останется, хотя и в ослабленной форме. А во-вторых, мы должны заботиться о том, чтобы, привлекая общественные силы путем обложения и самообложения к несению значительной доли тягости оплаты народного образования, мы тем самым не дали в руки обывательщине ее влияния на руководство школой. Соответственные декреты со всех сторон обдуманы в этом отношении. Наркомпросом будут даны строгие и определенные инструкции по проведению новой экономической политики. Настоящая же статья, написанная по просьбе редакции „Коммунистки“, устанавливает только общие принципы, которые в глазах Наркомпроса являются незыблемыми.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	5
1. Что такое образование	7
2. Очерки истории просвещения	23
3. О классовой школе	48
4. Значение совпартшкол в системе народного образования	74
5. Коммунистическая пропаганда и народное просвещение	88
6. О преподавании истории в коммунистической школе	94
7. Задачи внешкольного образования в Советской России	116
8. Роль рабфаков	135
9. О школе рабочей молодежи	143
10. Единая трудовая школа и техническое образование	151
11. Две трудовые школы	157
12. Новая художественная педагогика	167
13. Политика Наркомпроса за 5 лет	170
14. Новая экономическая политика и Наркомпрос	183
15. Студенчество и контр-революция	189
16. Студенчество и новая экономическая политика	199
17. Воспитание и новая экономическая политика	204

мк/70-594

18-